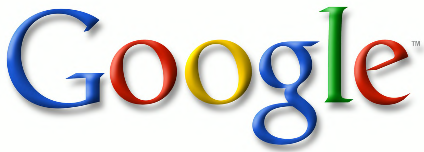

ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ИСТИНА

Отъ куду пошла земля русская

И рече Олегъ Кіевъ се буди мати градомъ русьскимъ

ВИЛЬНА

1868

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція **„Вѣстника Западной Россіи“** едва ли не больше его подписчиковъ сѣтуетъ на запаздыванье выходомъ, его книжекъ. Редакція принимаетъ и будетъ принимать противъ этой непріятности всѣ свои средства и усилія и увѣрена, что, при всей несостоятельности виленскаго типографскаго производства, она войдетъ, въ непродолжительномъ времени, въ сроки своего изданія.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Вышло и поступило въ продажу, одобренное учебнымъ начальствомъ, **Краткое руководство къ Географіи Россійской Имперіи съ Вопросами и Задачами Брамсона.** Вильна. 1867 г. Получать можно *въ Редакціи Вѣстника Западной Россіи* и у книгопродавцевъ: *Феннера* (быв. Сеньковскаго) въ Вильнѣ; *Косагорова* въ Ковнѣ и *Мендельсона* въ Витебскѣ. Цѣна 30 коп.; за пересылку прилагается за 1 фунтъ по разстоянію. Выписывающіе болѣе 10 экземпляровъ за пересылку не платятъ, а на 100 экземпляровъ уступка 20%. Обращаясь на имя начальника ~~ковенской~~ женской Гимназіи, всѣ учебныя заведенія пользуются той же уступкой, безъ ограниченія числа экземпляровъ.

ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

издаваемый

К. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ VI,—1868.

КНИЖКА IV.

ТОМЪ II.

ВИЛЬНА.
Въ типографіи М. РОММА, на Ивановской улицѣ, въ зданіи гимназіи, противъ губернскаго правленія.

1868.

Дозволено Цензурою 20-го іюня 1868 года. Вильна.

I.

№ 5.

ДОКУМЕНТЫ,

ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ИСТОРІИ БѢЛОРУССІИ.

1.

Уставная королевская грамота жителямъ Витебской области. 1503 г.,

Самъ Александръ, Божьею милостью король Польскій, великій князь Литовскій, Русскій, княже Пруское, Жомоитскій и иныхъ, чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотритъ, альбо чути его вьслышитъ, нинѣшнимъ и потомъ будучимъ, кому будетъ потреба того вѣдати. Били намъ чоломъ вси князи и бояре и слуги Витебскіи и войтъ и мѣщане мѣста Витебскаго, и вся земля Витебская, и повѣдали передъ нами, ижъ жъ приходили злодѣи зъ великого Новагорода искрали въ нихъ церьковь пречистое Богоматери, и въ церкви и привилей ихъ вкрали, который же они отъ отца нашего короля его милости мѣли, и копію того привилея передъ нами склали и били намъ чоломъ, абыхмо имъ нашъ листъ привилей потомъ имъ дали. Ино мы, зъ ласки нашое,

за ихъ къ намъ вѣрную службу, пожаловали есмо ихъ тымъ, дали имъ нашъ листъ, потомужъ, какъ отецъ нашъ король его милость имъ далъ былъ: штожъ намъ въ домы церковныи, въ домъ Божіи светоѣ Богородицы, и въ домъ Божіи Светого Духа, и тежъ въ домъ Божій Благовѣщенья Пречистоѣ и въ иные церькви не вступатися; и въ купленицы, которыи будутъ куплены зъ нашимъ дозволеньемъ, и въ безарщины и въ отмѣрщины Витебскіи тежъ не маемъ вступитися, и жонъ ихъ силою замужъ не давати; а который Витеблянинъ, вмирая, откажетъ остатокъ своего имѣнья кому, и въ то намъ не вступатися. А въ подводы коней въ городскихъ людей и въ поселскихъ путныхъ не брати. А холопу и рабѣ вѣры не няти, а о обадѣ исправа дати. А предковъ нашихъ великихъ князей судовъ не посуживати: чинити намъ зъ Витбляны по испросу, а безъ исправы Витблянина не казнити; а своихъ судовъ, судивши, не посуживати; а вина прійдетъ, ино намъ ихъ по винѣ казнити. А чоломъ битье намъ у Витблянъ пріймати, черезъ поруку въ желѣза ихъ не сажаючи, а ни въ которую муку. А отчинъ въ нихъ не отнимати, также и въ села ихъ купленыи и въ поля не вступатися. А на заочное повѣданье не вѣрити, а хто иметъ намъ ихъ обмовляти, того намъ Витбляномъ объявити, а въ заставу нигдѣ Витблянъ не сажати А на войну быти имъ съ нами посполу готовымъ. А по волости по Витебской воеводѣ нашому не ѣздити; а поѣдетъ въ ловы, ино его по станомъ не дарити. А станеться въ котораго Витблянина татьба, а доищуться татьбы лицомъ: ино Витблянину вся татьба лицомъ вернути; а чого лицомъ не доищуться которое татьбы, ино истьцу съ татиного дому жоною его и дѣтми заплатити его гибель, а въ томъ тати мы вольны; а не будетъ у татя чимъ платити татьбы, ино его истьцу выдати, и гдѣ его всхочетъ тамъ его дѣнетъ. А сабровъ городскихъ въ

пригонъ намъ не гнати, а ни въ подводы, а ни въ ловы. Такожъ и въ вѣсы Витебскіи, а ни въ локотъ намъ не вступатися, а коли который Витблянинъ у вѣсѣхъ проступитъ, або у локти ино Витбляномъ самимъ казнити, виноватаго, по своему праву, а намъ въ то не вступатися. А въ котораго Витблянина загудятъ воскъ въ Ризѣ, або индѣ, а пріѣдетъ до Витебска: ино Витбляномъ, самимъ, казнити виноватого, а намъ въ то не вступатися; а Витбляномъ нашихъ рѣкъ або озеръ не таити, а хто потаитъ, ино намъ тыхъ карати. А Витбляны намъ не даритися никому. Также есмо имъ и мыта отпустили по своей отчинѣ нашой вѣчно. И еще пожаловали есмо ихъ, придали имъ, на садибу, и на выгонъ, Койтинъ боръ, а Михайловскій боръ, а Заручевьскій боръ. Тѣжъ, которыи Витбляне межи собою побьються, а за дѣцкимъ поеднаются, ино намъ куница шерстью зъ мирьщины; а коли о чомъ посвиряться и выдадуться въ колцѣ оба, то вина на насъ; а выдасть ея одинъ, а другій не выдасть ея, за то ихъ намъ не казнити. А за закладную куницу на насъ брати по десяти грошей, а борцу по два гроши, такожъ дѣцкованье отъ рубля по чотыри гроши, а на мисто по грошу; а владычиному слузѣ и боярскому потомужъ дѣцкованье. И тежъ Владыцѣ на попѣхъ Витебскихъ зборная куница шерьстью. Такожъ имъ намъ давати воеводу по старому, по ихъ воли, и который имъ будетъ нелюбъ воевода, а обмовятъ его передъ нами: ино намъ воеводу имъ иного дати, по ихъ воли; а пріѣхавши воеводѣ нашому къ Витебску, первого дня цѣловати ему крестъ къ Витбляномъ, на томъ, штожъ безъ права ихъ не казнити по вадамъ ни въ чомъ. Также Витбляномъ жити у Витебску добровольно, всякому, по старому, покуть хто всхочетъ; а которому Витблянину, будетъ отъ насъ насилно, а будетъ ему не любо, намъ его силою не держати, ино ему путь чистъ, куды хочетъ,

безо всякоѣ зачѣпки; а пойти ему прочъ въ нашу отчину, въ Литву, не тайно, Светому Благовѣщенью чоломъ ударивши, и нашому воеводѣ объявивъся и своей братьи мужомъ Витбляномъ; а во своемъ имѣньи воленъ во всемъ: идя прочъ продастъ, або откажетъ, намъ въ то не вступатися. Также который ся отъ насилья жаловати будетъ намъ Витблянинъ на Витблянина жъ, прiѣхавъ въ Литву: и безъ истьца намъ на него дѣцкого зъ Литвы не слати, давати ему нашъ листъ къ нашому воеводѣ, хотя бы о смертной винѣ, а ему судити по цѣлованью, нашимъ судомъ, досмотрѣвши права съ князи и зъ бояры и зъ мѣщаны, а осудивши его казнити у Витебску, по ихъ праву. Тежъ который будетъ князь, або бояринъ, або слуга, або мѣщанинъ што выслужилъ на предкохъ нашихъ великихъ князехъ, того намъ у Витблянъ не отнимати по грамотамъ тыхъ князей; а мѣстичовъ Витебскихъ зъ города Витебска не вести вонъ. Такъ же который будутъ, Литвинъ, або Ляхъ, крещены были у Витебску въ Рускую вѣру, а хто изъ того роду и тепере живетъ, того намъ не рушити, права ихъ хрестiяньского ни въ чомъ не ломити. А на то на все дали есмо имъ сесь нашъ листъ твердо и вѣчно, и печать нашу казали есьмо привѣсити къ сему нашому листу. Писанъ у Вильни, въ лѣто 7011, мѣсяца iюля въ 16 день, индикта 6. При томъ были: бискупъ Виленскiй князь Войтѣхъ; а воевода Виленскiй, канцлеръ панъ Миколай Радивиловичъ; а маршалокъ, охмистръ королевое, намѣстникъ Ковенскiй панъ Войтѣхъ Яновичъ.—„Ивашко Сопѣжичъ, писаръ."

Изъ Литовской Метрики (Запис. кн. VI, л. 116 на об. 118), хранящейся въ С.-Петербургѣ, при правительствующемъ сенатѣ. Въ заглавiи грамоты отмѣчено: Привилей вамъ бояромъ и мѣщаномъ Витебскимъ на нѣкоторые права и вольности ихъ. Имена и титулы рад-

ныхъ пановъ написаны сокращено. Подтвердительная грамота короля Сигизмунда 1, данная въ Городнѣ, 7017, т. е. 1559 г. февраля 18-го, инд. 12, записана въ той же метрикѣ, въ кн. VIII, л. 256—158, и вторично въ кн. XXV, л. 142—144, безъ отмѣнъ въ текстѣ. Списокъ сей привилегіи, выписанный изъ актовыхъ книгъ Витебскаго воеводства, 1634 г., іюня 20-го, для греко-унитскаго архіепископа Антонія Селявы, находится въ полотскомъ епархіальномъ архивѣ. См. рукоп. Бѣлор. арх. др. грамотъ, 7, 2, стр. 61—63, принадлежащую археографической коммиссіи.

2.

Жалованная грамота литовскаго великаго князя Александра городу Полотску, на магдебургское право. 1498 г.

Во имя Божое, аминь. Сказила бы всякіе рѣчи съ часомъ старость, коли бы учинки людскіе, которые жь зъ прироженья своего конецъ маютъ, черезъ листы не были увѣчнены и годнымъ свѣдетствомъ къ прошлой вѣдомости не были приведены. Про тожъ, къ вѣчистой тоѣ-то рѣчи намети, мы Александръ, Божьею милостью великій князь Литовскій, Русскій, Жомоитскій и иныхъ, панъ и дѣдичъ, чинимъ знаменито тымъ нашимъ листомъ каждому[1], кому потреба его вѣдати, нынѣшнимъ и на потомъ будучимъ: ижъ маючи взглядъ къ посполитого доброго размноженью и хотячи положенье мѣста нашого Полоцкого въ мѣрѣ лѣпшой поставити, штобы люди наши тамъ живучыи, черезъ врядъ добрый а справедливый были размножены, тое мѣсто наше съ права Литовскаго и Руского и которое коли будѣтъ тамъ держано, въ право Нѣмецкое Майдеборское перемѣняемъ, на вѣчные часы, и подлугъ

того-то права Майдебирскаго зуполною обычаю и всѣ уставы, отдаляючи тамъ же вси права. уставы и обычаи перьво держаные, которые они тое право Майдебирское нагабають, або переважають. Ино подлугъ того права Майдеборскаго, въ мѣстѣ вышереченномъ Полоцкомъ войтовство знову уставляемъ, и черезъ тотъ листъ тое войтовство Полоцкое подаемъ, записуючи войтови нынѣшнему и всимъ потомъ на его мѣстцу будучимъ третій пѣнязь отъ всихъ судовъ, и поплатковъ, и винъ судовыхъ и иныхъ судовыхъ рѣчей, которые жъ колвекъ будь, какъ же у Вилни тежъ черезъ предки наши есть уставлено и въ иныхъ мѣстѣхъ, которые жъ тоежъ право ховають. Тежъ придаемъ къ тому войтовству половицу клѣтокъ мясныхъ и зплаты ихъ, а другую половину на ратушу, и росказуемъ, абы отъ тыхъ часовъ нихто въ Полоцку, такъ бояринъ, яко мѣщанинъ, клѣтокъ мясныхъ не имѣлъ къ своему пожитку, тежъ придаемъ въ помоцъ войтовскую вси горѣлого вина дѣлатели и тежъ продавцы. Хотимъ такожъ, ижъ бы вси въ мѣстѣ перворученномъ мѣщкаючы, на которомъ колвекъ мѣстцу, права того Майдеборскаго поживали, и ему во всихъ рѣчыхъ послушны были, такъ люди тые, которые живутъ за Двиною, яко и тые, которые зъ другоѣ стороны рѣки Двины и на островѣ мѣшкають; тежъ вси люди владычныи, и игуменьины, и тежъ чернецкіи и поповскіи, и боярскіи, и мѣщанскіи и всихъ иныхъ, которые тамъ же живутъ и около мѣста и въ селѣхъ мѣщанскихъ, н тежъ посолскіи, и слуги путныи, которые жъ завсегды зъ мѣщаны на выправу военную звыкли ходити и вси ноплатки наши по сколку съ ними памъ давати: тые вси люди вверху писаныи мають того права Майдеборскаго во всихъ рѣчахъ быти послушни, и тые вси люди выймуемъ отъ права городского и боярского, передъ которыми жъ на правѣ не будутъ уже повинни стоять, а естли кому въ чомъ бу-

дуть виноватн, тогды маеть имъ справедливость статися передъ войтомъ ихъ и бурмистры: нижьли, часу непокоя, або котороѣ иншоѣ земскоѣ потребы, а наболѣй съ полѣцанья нашого, повинни мають быти, на приказанье нашого намѣсника, на тотъ часъ будучую, на замку нашомъ, ко оборонѣ его такъ долго поки будеть потреба, и ему быти послушни. Тежъ вызволяемъ ихъ отъ подводъ, которые жъ пережъ посполито давали, ино вжо напотомъ на потребу нашу земскую подводы мають давати, коли увидять подводный листъ сыкгнетомъ (перстнемъ) нашимъ запечатованный. Тежъ вызволяемъ ихъ отъ сторожы, которую жъ къ нашой потребѣ только мають давати. Дозволяемъ тежъ тому мѣсту перворѣченному трижды въ году ярмарокъ держати, къ пожитку ихъ, подлугъ иншыхъ мѣстъ обычаю: первый ярмарокъ на святого Якуба день, другій на Крещенье, а третій по Велицѣ дни утыждень; а каждый ярмарокъ маеть стояти двѣ недѣли; опрочъ которыхъ ярмарокъ, ни одинъ купѣцъ Рызскій, або который иншый чужый не будеть моцы мѣти инако продавати и куповати, только подъ тую мѣру, надалѣй выписаную. Про тожъ тыи купцы чужыи, опрочъ ярмарку, подъ тую мѣру, повинни будуть куповати воскъ въ одной штуцѣ по полуберковеску, тежъ соболи, куницы и товары по сороку; бѣлку, горностая, лисицу и норицъ по полтретьяста; попель и смолу ласштомъ, а того не мають куповати ни въ лѣсахъ, а ни въ борахъ, а ни въ селахъ, только на мѣстѣ. Тежъ тыи купцы чужыи, опрочъ ярмарку, подъ тую мѣру, продовати мають сукно поставомъ, соль ласштомъ; перецъ, имберь, микгдалы и иныя зелья простые каменемъ; шафранъ, мушкаты, гвоздыки, квѣтъ мушкатовый, кгалкганъ, цытварь и иные зелья дорожшіе фунтомъ; сѣкиры, ножи и иншые рѣчи таковскіе центнаромъ; фикги, розинки копемъ; вино какое колвекъ и пиво Нѣмецкое и иншое питье чужое бочкою цѣлою:

ино тыи купцы чужыи не будуть смѣти подъ мѣру меншую а ни продавати, а ни куповати, только какъ вверху написано; а естли бы который своею смѣлостью иначей вчинилъ, тогды тую куплю до коморы нашое войтъ на насъ возметъ. Также тые купцы Рызскіе до Витебска и Смоленска ѣздити не маютъ, подъ страченьемъ всего. А естли бы тые купцы чужыи мѣли которого должника у Витебска, або въ Смоленску; тогды маютъ тамъ ѣхати и долги свои справити, опрочъ купли. Допущаемъ тежъ мѣти въ томъ мѣстѣ нашомъ Полоцкомъ важницу, которая жъ будетъ къ ужитку нашого скарбу привернена; а тамъ же тежъ будутъ мѣти каиницу, и весь воскъ стопленый тамъ же печатью ихъ маютъ назнаменовати, изъ того ужитки къ носполитному доброму ховати. Полецаемъ такожъ войту и бурмистромъ, на тотъ часъ будучимъ, вси мѣстца пустыи въ мѣстѣ и вкругъ мѣста, къ осаженью и размноженью людей. Маютъ тежъ бояре домы, которые жъ отъ мѣщанъ по тые часы кгвалтовнѣ покупили, ино тыежъ домы маютъ мѣщаномъ вернути, взявши свои пѣнязи. Будутъ тежъ вси мѣщане волни, къ ихъ будованью и на кухню, вездѣ дрова, такъ великіе, какъ малые, въ лѣсѣхъ и борѣхъ брати, за три мили вкругъ мѣста, а того имъ нихто боронити не маетъ окромъ бортей, которыхъ не маютъ брати. Тежъ, гдѣ перeжъ добытки свои пасывали, ино и нынѣ доброволно имъ, безъ всякого нагабанья, тамъ же паствити будутъ; тежъ и у рѣки Ущачы тоежъ доброволенство даемъ имъ добытокъ свой паствити, какъ и передъ тымъ мѣли. Ни одинъ тежъ бояринъ своего человѣка, собѣ подданного; въ мѣстѣ держати не маетъ, але вси наши маютъ быти, и тому праву, вверху писаному послушни. Тоежъ розумѣемы о намѣстнику, и о владыцѣ, и о всихъ попѣхъ Рускихъ и о чернцохъ. Будутъ тежъ волни вси Полоцкіе мѣщане отъ мыта чрезъ все великое княжьство Литовское, какъ Вилнев-

цы и Трочане отъ предковъ нашихъ тоежъ мають, зъ особливого дозволенья. Тежъ мають збудовати къ ужитку мѣстскому лазню посполитую, гдѣ мѣстцо оберутъ подобное, тежъ поставити мають ратушу на мѣстцѣ годномъ, подъ которымъ будутъ мѣти крамницу и ятки, то есть, клѣтки хлѣбовые и комору постригалную, и тамъ же, на ратуши, мають мѣти бочку мѣрную и мѣдницу съ знаменемъ мѣсткимъ, съ которыхъ рѣчей вси ужитки войтъ зъ бурмистры къ мѣстской оправѣ ховати будутъ. Мають тежъ быти въ мѣстѣ перворѣченномъ завсегды двадцать радецъ которыхъ будетъ обирати войтъ, половину закону Римского, а половину другую Грецкого, которые жъ радцы зъ войтомъ посполито мають обрати промежду себе, на каждый годъ, два бурмистры, одного закону Римского, а другого Грецкого, которыхъ же руками, зъ войтомъ обаполно, посполство маетъ быти ряжено. Каждое тежъ отозванье бурмистры и радцы до войта мають допустити, а отъ войта ни одного отосланья не маетъ быти, только къ намъ. Тежъ войтъ справедливости сказанья, опричъ бурмистровъ и радецъ, моцнѣ вчинити может; але бурмистры и радцы безъ войта, або безъ лент-войта ни одного сказанья вдѣлати не мають. Уставляемъ такожъ на вѣчные часы, штобы мѣсто перворѣченное въ каждый годъ чотыриста копъ грошей до скарбу нашого, на день святого Михаила, давано безъ веякой вымовы. Отдаляемъ такожъ, и вѣчнѣ вызволяемъ тымъ нашимъ листомъ вси того мѣста люди отъ судовъ и моцей всихъ воеводъ и пановъ и старостъ, судей и подсудковъ, и нашихъ намѣстниковъ и инныхъ заказниковъ великого князьства нашого, такъ, и они передъ нами, въ которыхъ колвекъ рѣчахъ будутъ позвани, не будутъ повинни отповѣдати; а еели войтъ, або бурмистры будутъ видѣни ся несправедливы, тогды передъ насъ позвани мають въ томъ отповѣдати, которыхъ тымъ же пре-

вомъ судити маемъ; а надъ то, все болшее право собѣ зоставляемъ. И на тыхъ всихъ рѣчахъ, на свѣдтство и на лѣпшую моцность, печать наша къ тому-то листу есть завѣшена. Дѣялося и дано у Троцѣхъ, въ четвергъ, въ день святаго Францишка, въ лѣто вчеловѣченія Іисусъ Христова 1498. А при томъ были панове рада наша, велебный и вельможныи, урожоныи и шляхотныи: князь Войтѣхъ, бискупъ Виленскій, Янъ Заберезиньскій, воевода Троцкій, великаго княжьства маршалокъ навышшій, Григорей Остиковичъ, маршалокъ нашъ дворный, намѣстникъ Мерецкій, Янъ Петровичъ, маршалокъ нашъ.

*Изъ Литовской Метрики (*Acta M. Duc. Litv., *Запис., кн. VI, л. 74—75), хранящейся въ С.-Петербургѣ, при правительствующемъ сенатѣ. Въ заглавіи грамоты отмѣчено: Привилей мѣсту Полоцкому на право Майдеборское и иншіе вольности. Подтверждена королемъ Сигизмундомъ I, 1510 г., августа 27, въ Краковѣ, и Владиславомъ IV, 1634 г., іюля 26, въ Варшавѣ. См. рукоп. бѣлор. арх. др. грамотъ, ч. II, ст. 49—52, принадлежащую археографической коммиссіи.*

3.

Уставная грамота литовскаго великаго князя Александра полотскимъ боярамъ и мѣщанамъ о намѣстничьемъ и войтовскомъ судѣ и проч. 1499 г..

Самъ Александръ, Божьею милостью великій князь Литовскій, Русскій, Жомоитскій и иныхъ. Смотрѣли есмо съ паны радою нашею промежи бояръ Полоцкихъ и мѣщанъ, о томъ дѣлѣ: што есмо дали мѣщаномъ Полоцкимъ и путнымъ людемъ право Нѣмецкое, реченое Майтборское, и выняли ихъ съ права

городского, и дали имъ войта, который же маетъ ихъ судити зъ бурмистры и зъ радцы тымъ правомъ Майтборскимъ, вынявшы земляного права; а што ся тычетъ земли, того есмо въ ихъ право не вписали, абы ихъ войтъ судилъ о земляномъ дѣлѣ, и о иныхъ члонкахъ, которыи прислухаютъ къ городскому праву намѣстника нашого Полоцкого, который отъ насъ городъ держитъ. И мы тыи члонки вси выписали есмо въ семъ нашомъ листѣ, какъ ся маютъ бояре Полоцкіи и зъ мѣщаны Полоцкими радити, до того часу, коли тое дѣло межи нами наконецъ поставимъ на мѣрѣ, не рухаючи права на обѣ сторонѣ. Напервѣй, што ся тычетъ права замляного, кому бы до кого дѣло было о земли, будь боярину до мѣщанина а любо до путника а любо мѣщанина а любо путнику до боярина: тыи суды маетъ судити намѣстникъ нашъ Полоцкій съ старшими бояры Полоцкими, подлугъ давного обычая. Тежъ который бы ся дѣла пригодили о границахъ земляныхъ, хто бы кому границу сказалъ, то тежъ маетъ намѣстникъ нашъ Полоцкій ѣхати, а любо бояръ ослати, того дѣла судити, подлугъ давнаго обычая, а на разъѣзды и проѣздъ маютъ брати по давному, а вина маетъ брана быти на насъ на господаря. А коли отколѣ послы пріѣдутъ о обидныхъ дѣлѣхъ земьстихъ, зъ Новагорода, со Пскова, зъ Лугѣ, або зъ Нѣмецъ: ино намѣстнику нашому Полоцкому (съ) старшими бояры Полоцкими, призвавши къ собѣ войта и старщихъ мѣщанъ, будетъ ли ся што тыкати дѣла мѣстского, пословъ приняти и отправити, какъ и передъ тымъ бывало. Тежъ, што бояре Полоцкіи держатъ волостку Дрисецкую, по годомъ судятъ и радятъ: ино которыи путники въ той волости живутъ, а будутъ ихъ бояре суживали, хто тую волостку держалъ, ино и нынѣ бояре, которыи будутъ тую волостку держати, маютъ ихъ судити по давному, але не маютъ ихъ

драпежити (грабить) по давному, а хто бы хотѣлъ люди наши драпежити, тогды ихъ за то маемъ карати. А што бояре покупили будуть села въ мѣщанъ Полоцкихъ и въ путныхъ людей, и дворы и земли въ городѣ и на мѣстѣ, за отца нашого короля его милости и за насъ, а любо отчинныи дворы и земли ихъ будутъ въ городѣ и на мѣстѣ: въ тыи ихъ дворы и въ земли войту и мѣщаномъ не вступатися; и што будутъ мѣщане и путныи люди въ бояръ покупили земли и дворы: то маютъ на обѣ сторонѣ держати, не рухаючи, хто будетъ што у кого купилъ, подлугъ ихъ майстату, што ся стало до права Нѣмецкого. А коли пошлемъ посла нашого, котораго дворянина, а любо намѣстникъ нашъ Полоцкій, зъ нашого приказанья, до Новагорода, до Пскова, до Лукъ, або до Риги, о земьскихъ дѣлѣхъ обидныхъ: тогды путники маютъ имъ кони давати по давному, а дворяне городскіи маютъ съ ними ѣздити, подлугъ давняго обычая. А которыи люди боярскіи живутъ въ городѣ и на мѣстѣ, на ихъ земляхъ отчизныхъ, а любо на купляхъ, будутъ ли ся которыи торгомъ обыходити, и они маютъ зъ мѣщаны серебщизну и иные податки намъ платити; а войтъ и мѣщане не маютъ ихъ судити и въ право Нѣмецкое писати. Тежъ жаловали, ижъ дей тамъ уставилъ войтъ и мѣщане перевозъ на нашихъ людехъ и на боярскихъ тыми разы на Двинѣ, а передъ тымъ дей перевозники даромъ воживали: бо дей перевозники съ того нѣкоторый платъ берутъ по волостемъ, сторожевщину, по всей земли Полоцкой въ каждый годъ: ино, естли бы и нынѣ тотъ платъ брали, по земли, и они бы тое брали, а перевозу не надобѣ брати, вымѣняя гостя, по давному. Тежъ передъ тымъ дей бояре спускивати до Риги жито, и крупы, и попелъ, и смолу: ино и теперь свое властное жито и крупы и попелъ и смолу, не перекупаючи ни въ кого, призволяемъ имъ спати до Риги; а попелъ и смолу

маютъ жечи въ своихъ пущахъ, а не въ нашихъ, а ни въ мѣстскихъ. А которому бы мѣщанину або путному человѣку было дѣло до боярина, а любо и до его человѣка о которомъ дѣлѣ: ино о томъ маетъ намѣстникъ нашъ Полоцкій судити въ городѣ зъ бояры, городскимъ правомъ, а войтъ и мѣщане маютъ при томъ же быти, а коли боярину, а любо нашому человѣку, а любо боярскому человѣку которое о чемъ будетъ дѣло до мѣщанина, а любо до путниковъ, кромѣ земляного дѣла: ино маетъ его войтъ судити на ратуши, своимъ правомъ Нѣмецкимъ, а намѣстникъ нашъ маетъ зъ нашимъ человѣкомъ послати судью, а бояринъ тежъ маетъ любо самъ пойти зъ своимъ человѣкомъ, а любо судью жъ послати до войта; а чій человѣкъ будетъ виноватъ, ино вина его господару, подлугъ майстату. А о то, што ся тычетъ долговъ платити пану Юрью Зеновьевичу и иныхъ долговъ, што бояре зъ мѣщаны мѣли платили посполу, а вагу (вѣсы) и узвозъ передъ тымъ на-полъ зъ мѣщаны держивати: и мы мѣщаномъ права Нѣмецкого не ломаючи, какъ есмо дали имъ право, и вагу и узвозъ тамъ вписали, потому жъ имъ и держимъ; а коли бояре половины своее ваги и извозу не хотятъ мѣти, и мѣщане бы вагу и узвозъ всю сполна мѣли, и тыи долги вси платили, а бояромъ съ ними непотреба тыхъ долговъ платити. Такожъ, што жаловали бояре Полоцкіи на войта и на мѣщанъ, што жъ холопья ихъ невольная и рабы и иныи люди, въ пѣнязехъ будучи, втекаютъ до войта и до мѣщанъ и они ихъ имъ не выдаютъ, а хотятъ ихъ правомъ Нѣмецкимъ судити, и мы о томъ такъ врадили: ижъ войтъ и мѣщане не маютъ ихъ холопы невольнеѣ и рабъ и людей въ пѣнязехъ пріймати, а ни судити ихъ въ томъ Нѣмецкимъ правомъ; маетъ ихъ въ томъ судити намѣстникъ нашъ Полоцкій, городскимъ правомъ. Писанъ у Вильни, Іюля въ 12 день, индикта 2.—При томъ былъ маршалокъ дворный, намѣст-

никъ Мерецкій и Оникштепстій панъ Григорей Станкевичъ Остиковича.

Изъ Литовской Метрики (Запис., кн. V, л. 137—139 об.), хранящейся въ С.-Петербургѣ, при правительствующемъ сенатѣ. Въ заглавіи грамоты отмѣчено: Вырокъ, албо постановенье промежи бояръ и мѣщанъ Полоцкихъ, зъ стороны судовъ и инишихъ порядковъ.

4.

Уставная грамота литовскаго великаго князя Александра городу Полотску, о сельскихъ путникахъ, приписанныхъ къ Полотскому замку, службѣ ихъ и повинностяхъ и о сужденіи горожанъ, ремесленниковъ и церковныхъ отчинныхъ людей по магдебургскому праву. 1500 г.

Самъ Александръ. Во имя Божье, аминь. Чинимъ знаменито симъ листомъ, хто на пего посмотритъ, або чтути его вслышитъ, нынѣшнимъ и потомъ будучимъ, кому будетъ потребъ того вѣдати. Што перьво сего, зъ ласки нашое, пожаловали есмо мѣсто наше все Полоцкое, выняли есмо ихъ съ права и присуду городского и дали есмо имъ право волное хрестіянское Майтборское, и для поплатковъ нашихъ мѣстскихъ поддали были есмо имъ всимъ путниковъ селскихъ: ино порозумѣли есмо, штожъ замку нашому Полоцкому шкодно, занежъ пригонныхъ людей къ нему мало; и, помысливши съ паны радами нашими, промежи замкомъ и мѣстомъ Полоцкимъ тымъ обычаемъ есмо вредили. Тыи селскіи путники вси, которыи жъ здавна въ селѣхъ мѣшкають и посколь съ путники селскими намъ служивали, а въ мѣстѣ По-

лоцкомъ дворовъ своихъ не держивали, тыи и тепере маютъ служити къ замку нашому Полоцкому, маетъ ихъ завѣдати намѣстникъ нашъ Полоцкій, хто колвекъ будетъ, А што ся тычетъ серебщизны нашое, и военноѣ службы, и городовоѣ работы, ино они зъ мѣщаны маютъ посполъ платити и заступовати, подавному. А которыи мѣщане здавна въ мѣстѣ Полоцкомъ домы свои маютъ, або якое колвекъ имѣніе свое отчинное, або купли, близко замку або и далеко держатъ; тыи такъ маютъ имѣнья свои и люди и земли сполна держати, по давному, а сами они таки и зъ людми своими, маютъ прислухати къ Майтьборскому праву и рядитися тымъ правомъ. А которыи будутъ покупили села и земли въ Бояръ Полоцкихъ, або въ мѣщанъ и селскихъ путниковъ и въ пригонныхъ людей, тыи села и земли таки имъ держати, а службу путную имъ намъ зъ нихъ заступовати; а по та мѣста, вжо болшъ имъ безъ нашое воли въ пригонныхъ людей земель не куповати. Также которому мѣщанину будетъ которое дѣло до мѣщанина, або мѣщанскому человѣку до мѣщанского чоловѣка о земленомъ дѣлѣ: ино войтъ Полоцкій або лентъ-войтъ зъ бурмистрове и радцы и мѣщане, рокъ подобный положивши, маютъ тамъ выѣхати и томъ межи ними досмотрѣти и справедливость вчинити; а врадникъ нашъ Полоцкій и бояре Полоцкіи въ то ся не маюлъ вступати, а ни судити ихъ и ни рядити. Тежъ которому бы чоловѣку городскому было дѣло о земленомъ дѣлѣ до мѣщанина, або до мѣщанского чоловѣка, а любо мѣщанину або мѣщанскому человѣку до господского чоловѣка дѣло: и намѣстникъ Полоцкій маетъ тамъ которого боярина нашого послати, або своего слугу, а войтъ съ буримистры и радцы, любо сами, або которого мѣщанина съ своее руки вышлютъ, которыи жъ маютъ выѣхавши тамъ, съ обу стороны

справедливость наконецъ вдѣлати. Такожъ которыѣ бы въ томъ нашомъ мѣстѣ были люди владычныи и игуменьины и боярскіи и поповскіи, тыи вси маютъ быти послушни Майтборского права, а серебщизну нашу маютъ посполъ зъ мѣщаны платити. А которыи будутъ ремесники въ мѣстѣ Полоцкомъ мѣшкати, пекары, мясники, пивовары, дойлиды и иныи ремесники, тыи вси маютъ повинни быти Майтборского права, а намѣстникъ нашъ Полоцкій и бояре въ нихъ не маютъ ся вступати. И тежъ которыи бы люди тыми разы позакладывалися за намѣстника нашого Полоцкого, и за Владыку, и за игуменью, и за бояръ, и за игуменовъ и поповъ, тыхъ всихъ людей за ся есмо привернули къ Майтборскому праву, подлогъ первого нашого привилья, якожъ они на то право маютъ: бо есмо имъ, окромъ одныхъ селскихъ путниковъ, въ томъ правѣ ничого не рушити; и все писаное въ первомъ нашомъ привильѣ и всемъ нашомъ листѣ што есть вышей выписано, подвержаемъ симъ нашимъ листомъ, вѣчно, имъ и на потомъ будучимъ ихъ счадкомъ. И на тыхъ всихъ рѣчахъ, на свѣдецтво и лѣпшую моцность, печать, наша къ сему нашому листу естзавѣшена. Писанъ у Вилни, въ лѣто 7008, мѣсяца Декабря въ... день, индикта 4. При томъ были: маршалокъ, намѣстнкъ Ковенскій охмистръ великоѣ кнегини, панъ Войтко Яновичъ; а маршалокъ дворный, намѣстникъ Утенскій, князь Михайло Львовичъ Глинскій.

Изъ Литовской Метрики (Запис., кн. VI, л. 107), хранящейся въ С. Петербургѣ при правительствующемъ сенатѣ. Въ заглавіи грамоты отмѣчено: Постановенье промежи замкомъ и мѣстомъ Полоцкимъ, зъ стороны людей путныхъ селскихъ и иныхъ рѣчей. Имена радныхъ пановъ написаны съ сокращеніями словъ. Грамота сія и подтвердительная короля Владислава IV, данныя

1634 г., іюля 29-го, находятся и въ архивѣ полотскаго магистрата. См. рукоп. бѣлор. арх. др. грамотъ, ч. II, стр. 45 - 48, принадлежащую археографической коммиссіи.

5.

Судная королевская грамота полотскимъ мѣщанамъ, по жалобѣ на намѣстника Станислава Глѣбовича о чинимыхъ имъ обидахъ и притѣсненіяхъ вопреки дарованному имъ магдебургскому праву. 1503 г.

Самъ Алексиндръ, Божьею милостью король Польскій и великій князь Литовскій. Смотрѣли есмо того дѣла съ паны радою нашого: стояли передъ нами очевисто, жаловали намъ лентъ-войтъ, и бурмистры, и радцы и вси мѣщане мѣста Полоцкаго на маршалка нашого, намѣстника Полоцкаго пана Станислава Глѣбовича, и клали передъ ними наши листы привилеи, на то, што перьво сего зъ ласки нашое пожаловали есмо тое мѣсто нашое Полоцкое все, выняли есмо ихъ съ прави и съ присуду городского и дали есмо имъ право вольное христіяньское Майтеборьское, моцно, хотѣлъ люди ихъ судити и рядити, и земли ихъ разъѣджати; и которыи они мѣли на тые земли твердости и листы, тыи вси листы въ нихъ поотнималъ, и мѣщанъ моцно былъ за себе забралъ и тежъ и ремесниковъ мѣста Полоцкого, золотаровъ, и рымаровъ, и сѣдларовъ, и ковалевъ, и сыромятниковъ, и шевцовъ, и гончаровъ, и пивоваровъ, и плотниковъ, и иныхъ ремесниковъ и скомороховъ; и тежъ слугъ своихъ по рѣкамъ положилъ, на Диснѣ и на Сари, и велѣлъ тымъ слугамъ своимъ зъ ихъ струговъ, съ каждого стругу по грошу мыта брати, и

тежъ вступался у вино и въ пиво привозное, съ которого жъ питья платъ маеть быти на ратушу. И панъ Станиславъ повѣдалъ передъ нами, штожъ тамъ мѣшкаючи па замку нашомъ Полоцкомъ, не мають чимъ поживитися: присуды, што зъ мѣщанъ, вси отошли. Ино намъ ся видѣно и по и папомъ радѣ нашой, штожъ замку нашому Полоцкому шкодно, и намѣстникъ нашъ присудовъ никоторыхъ не маетъ, и для того придали есмо пану Станиславу, въ городскій присудъ, селскихъ путниковъ, а намѣстнику нашому Полоцкому того права, которое есмо имъ нерьво сего дали, ни въ чомъ нерушили. И выслухавши тыхъ нервыхъ нашихъ привильевъ, зася есмо тое мѣсто наше Полоцкое со веего съ того выняли, и не казали есмо пану Станиславу людей ихъ судити и рядити, и земля ихъ розъѣзджати; и листы ихъ твердости, которын онъ въ нихъ поотнималъ, што они мѣлн на земли свои, велѣли есмо ему за ся по отдавати; и во вьси тые ремесники вышенисанныи и въ иные ни въ которые людн, што мѣшкають въмѣстѣ нашомъ Полоцкомъ, и въ вино н въ пиво привозное, не казали есмо пану Станиславу, и владыцѣ, и боярамъ, и игуменьи и иному никому не вступатися, и мыти отъ струга по грошу по всимъ тымъ рѣкамъ вышеписаннымъ не надобѣ имъ вжо болши того давати. А которые люди въ мѣстѣ нашомъ Полоцкомъ мѣшкають и торгомъ ся обходять, владычины, и князьскіи, и панскіи, и боярскіи, и игуменьины, чіеколвекъ будь, ты вси мають послушни быти ихъ права Майтборского, а которые бы не хотѣли лентъ-войта и бурмистровъ и радецъ послушни быти, тыхъ казали есмо дворянину нашому Михайлу Скеньевскому моцно имати и давати въ руки лентъ-войту и бурмистрамъ и радцемъ. А панъ либы которыи люди, чрезъ то хотѣли поддатися въ городскій присудъ; або за владыку и за бояръ и за игуменью и за иныхъ ко-

торыхъ задаватися, не хотѣчи въ ихъ правѣ Майтборскомъ быти; и мы велѣли лентъ-войту у бурмистромъ и радцомъ моцно таковыхъ имати и въ нятствѣ держать, до тыхъ часовъ, поки мы ихъ о томъ научимъ, што маютъ съ таковыми чинити, а мы маемъ на таковыхъ за то вины наши.великіи брати: бо для того поддали есмо въ городскій присудъ селскихъ путниковъ, што бы вжо тому мѣсту нашому во всемъ былъ впокой отъ дерьжавцы нашого Полоцкого. А городъ и острогъ маютъ мѣщане стеречи посполъ съ путниками селскими; а на границы и по дорогамъ сторожу мѣти отъ непріятелей въ нинѣшніи часы валечныи маютъ вси посполитѣ, какъ панъ Станиславъ, такъ и владыки, и бояре, и игуменья и мѣщане. А того права ихъ Майтборского ни въ чемъ есмо нерушили: маетъ войтъ, коли кого вставимъ войтомъ и тежъ лентъ-войтомъ, и бурмистры и радцы, и вси мѣщане мѣста Полоцкого, тое право держати и имъ ея радити во всемъ, подтугъ первыхъ нашихъ привильевъ, и потвержаемъ то симъ нашимъ листомъ, имъ и дѣтемъ ихъ и напотомъ будучимъ ихъ счадомъ, вѣчно и непорушимо. А на твердость того, и печать нашу казали есмо привѣсити къ сему нашому листу. Писанъ у Вилни, въ лѣто 7011, мѣсяца Декабря въ 30 день, индикта 7.

Изъ Литовской Метрики (Запис., кн. VI, л. 114), хранящейся въ С.-Петербургѣ, при правительствующемъ сенатѣ. Въ заглавіи грамоты отмѣчено: Вырокъ въ справѣ мѣщанъ Полоцкихъ зъ намѣстникомъ Полоцкимъ Станиславомъ Глѣбовичемъ о разные кривды ихъ.

6.

Судная грамота литовскаго великаго князя Александра полотскому епископу Лукѣ объ отчужденіи его отъ владѣнія софійскими селами, данными княземъ Скиргайломъ тамошнимъ крылошанамъ. 1499 г.

Самъ Александръ. Смотрѣли есмо того дѣла: стояли передъ нами очевисто; жаловалъ намъ владыка Полоцкій Лука на бояръ Полоцкихъ, и на войта мѣста Полоцкаго, и на бурмистровъ и радецъ, и на всихъ мѣщанъ, штожъ ему кривду вчанили: „отняли дей села и люди мои звѣчныи церковныи, на имя Долчане и Весничане и Путилковляне, которыхъ жо здавна продкове мои владыки Полоцкіи были въ держаніи.“ И бояре и войтъ и мѣщане мовили къ тому передъ нами: „Штожъ дей князь Скиргайло тыи села и люди придалъ на церковь Божью святоѣ Софѣи крылошаномъ, и, што съ тыхъ людей дани идетъ, тую дань всю велѣли давали на крылосъ церкви Божоѣ; и здавна дей ты люди роботу робливали, церковъ святоѣ Софѣи крывали и цвинтаръ героживали: нижьли предкове твои тыи люди отъ крылошанъ отняли и въ томъ имъ кривду вчинили.“ И мы спытали владыки маешь ли листы на тыи села и люди которыи твердости предковъ нашихъ? и владыка на то нѣкоторыхъ листовъ не положилъ, а ни жаднаго доводу достаточного не учинилъ. И мы о томъ межи нами досмотрѣвшы и конецъ есмо тому вчинили: тыи села и люди вышейописаныи присудили есмо крылошаномъ Софѣйскимъ. А владыцѣ Полоцкому Луцѣ въ тыи села и люди Софѣйскіи не надобѣ ся вжо вступати, и приказали есмо тыми людьми опекатися и отъ кривдъ ихъ боронити боярину Полоцкому Глѣбу Остафьевичу, и дворянину нашому войту мѣста Полоцкого Радвону,

и бурмистромъ и радцомъ и всимъ мѣщаномъ. Писанъ у Вилни, Іюня въ 5 день, индикта 2. При томъ были: гетманъ, намѣстникъ Браславскій и Винницкій, князь Константинъ Остроизскій; а маршалокъ, намѣстникъ Витебскій панъ Станиславъ Глѣбовичъ.

Изъ Литовской Метрики (Запис. кн. VI, л. 68 на об.), хранящейся въ С.-Петербургѣ, при правительствующемъ Сенатѣ. Въ заглавіи грамоты отмѣчено: Вырокъ въ справѣ владыки Полоцкого зъ бояры и мѣщаны Полоцкими, о села церковные, Долчане и Весничане и Путилковичи. Имена радныхъ пановъ написаны сокращенно.

7.

Жалованная подтвердительная грамота полотскому епископу Лукѣ на архіерейскую отчину, отчужденную полотскими боярами и софійскими крылошанами. 1503 г.

Самъ Александръ, Божьею милостью король Польскій и великій князь Литовскій, чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, к то на него посмотритъ, або чтути его вслышитъ, нынѣшнимъ и потомъ будучимъ, кому будетъ потреба вѣдати. Билъ намъ чоломъ владыка Полоцкій и Витебскій Лука о томъ, што перьво сего бояре Полоцкіи мовили намъ о люди его церьковніи, на имя о Долчанъ и о Путилковцовъ и о Весничанъ, ажъ бы тые люди были не подъ владычинымъ послушенствомъ, але бы служили церкви Светоѣ Софѣи, и крылошаномъ Софейскимъ дань даивали и подъ ихъ присудомъ жили; и мы, на бояръ Полоцкихъ повѣданье, вынемши зъ рукъ владычиныхъ тые люди, дали есмо въ опеку бояромъ Полоцкимъ. А потомъ владыка билъ намъ чоломъ и повѣдалъ передъ нами, штожъ то люди его церьковные звѣчные: и мы казали

пану Юрью Пацовичу, какъ отъ насъ Полтескъ дерьжалъ, того ся довѣдати, естли то владычны люди будутъ были; и, довѣдавшися того, велѣли есмо ему владыку въ тыи люди увязати. И панъ Юрьи Пацовичъ старины ся довѣдавши, штожъ тыи люди церьковные звѣчные владычины, а подъ присудомъ предковъ его перьвыхъ владыкъ Полоцкихъ бывали, а на пригонъ на владычинъ дворъ хоживали, за нервыхъ владыкъ Полоцкихъ, за Калиста, и за Семіона стараго, и за другаго Семіона, и за Іону, и подалъ тыи люди владыцѣ Полоцкому Луцѣ, И нотомъ, въ другій разъ, бояре и мѣщане Полоцкіи стояли передъ нами очевисто за владыкою и повѣдали намъ, штобы тыи люди таки не подвлядычинымъ присудомъ были, и въ пригонъ николи не хоживали; и мы, подлѣ ихъ рѣчей, въ тыи люди владыцѣ не казали вступатися, на то есмо имъ намъ листъ судовый дали были. Ино о томъ въ третій разъ билъ намъ чоломъ владыка Полоцкій Лука и повѣдалъ передъ нами, што то люди зъ вѣковъ владычины, а не крылошаньскіи, и подъ присудомъ владычнымъ были, и въ пригонъ къ владыцѣ хоживали, а крылошаномъ Светоѣ Софѣи только дань даивали, а владыцѣ особную дань даютъ. И мы казали довѣдатися старины маршалку нашому, намѣстнику Полоцкому пану Станиславу Глѣбовичу; и онъ, довѣдавшися старины, достаточнѣй намъ то ознаймилъ, штожъ то люди владычины звѣчные; и надъ то еще, покладалъ передъ нами листъ судовый пана Олехновъ Судимонтовича, штожъ панъ Олехно судилъ тыхъ людей си Церковнымъ Долчанъ зъ нашими людьми зъ Судиловцы о подводы, въ тотъ часъ какъ отца нашого короля по милости Полтескъ держалъ; а въ томъ листу пана Олехновѣ стоить, штожъ то зъ вѣковь люди владычины. И тежъ то свѣтчилъ бояринъ Полоцкій Сенько Епимахъ, ижъ то люди церковніи звѣчныи владычины, и подъ присудомъ владычинымъ бывали, а

крылошаномъ Светоѣ Софѣи только дань врочную дають. И довѣдавшимся есмо певноѣ старины черезъ маршалка нашого, намѣстника Полоцкаго пана Станислава Глѣбовича, и подлѣ листу пана Олехнова Судимонтовича, и тежъ подлугъ свѣдетства боярина Полоцкаго Сенька Епимахова, тыхъ людей церковныхъ, Долчанъ и Путилковцовъ и Весничанъ, зъ рукъ бояръ и мѣщанъ Полоцкихъ тымъ то листомъ нашимъ выняли есмо и дали за ся владыцѣ Полоцкому и Витебскому Луцѣ и инымъ по немъ будучимъ владыкамъ Полоцкимъ, вѣчно и непорушно: нехай тыи люди, Долчане и Путиловцы, и Весничане, владыцѣ служать, и подъ его послушенствомъ и присудомъ живуть, и въ пригонъ ходять, по тому какъ и за предковъ его, первыхъ владыкъ Полоцкихъ, подъ послушенствомъ и присудомъ владычнымъ жили и на дворъ владычинъ на пригонъ хаживали. А што есмо перьво сего бояромъ и мѣщаномъ Полоцкимъ листы судовыи и иныи листы на то подавали, ижъ бы ся тыми людьми опекали съ тыхъ листовъ моцъ выймуемъ: вжо бояромъ и мѣщаномъ больши того въ тыи люди тыми листы ненадобѣ вступатися. А на твердость того, и печать нашу казали есмо привѣсити къ сему ношому листу. Писанъ у Вилни, въ лѣто 7011, мѣсяца декабря въ 26 день, индикта 7. Притомъ были: маршалокъ, намѣстникъ Полоцкій панъ Станиславъ Глѣбовичъ, охмистръ королевое, намѣстникъ Ковенскій нанъ Войтѣхъ Яновичъ.

Изъ Литовской Метрики (Запис., кн. VI, л. 113), хранящейся въ С.-Петербургѣ, при правительствующемъ сенатѣ. Въ заглавіи грамоты отмѣчено: Привилѣй владыцѣ Полоцкому, на люди церьковные, Долчане Путилковцы и Весничане по владычеству вѣчностью. Имена и титулы радныхъ пановъ написаны сокращенно.

Петръ Дружиловскій.

II.

Австрійцы въ Галиціи.

(*Окончаніе* *).

Quel que soit le mode d'élection des représentants du pays, l'élement nobilaire y dominera infailliblіment.... Le peuple polonais n'á de confiance que dans ses compatriotes, les Polonais; donc pour arriver à la pacification du pays, il faut que la Pologne soit gouvernée par des Polonais.

D. K. Schédo-Ferroti.

Полонизмъ поправляетъ свои дѣла послѣ пораженія.—Расчеты великого будованія на Австрію.—Галиція во время мятежа 1863 г.—Послѣдствія.—Евреи.

Полонизмъ переживалъ тяжелое для него время: „польская партія съ бѣшенствомъ (mit Wuth) увидѣла, что ея замыслы всюду были перечены. Никто изъ крестьянъ не принялъ ихъ дара земли, а чиновники, при объявленіи прекращенія панщины, вездѣ добавляли крестьянамъ: „никто, кромѣ императора, не былъ вправѣ подарить панщину, и вы ему одному этимъ обязаны" 1).

Австрійцы расчитывали, что панскіе доходы пострадаютъ по освобожденіи крестьянъ отъ панщины и уменьшатся ихъ средства къ революціоннымъ затѣямъ. Въ это время появилась въ Львовѣ каррикатура, съ замѣчательнымъ сходствомъ лицъ. Помѣщики были изображены разставленными торжественною группою представителей дворянства съ важными, но нахмуренными физіономіями; чиновники окружныхъ управленій ихъ раздѣваютъ, а графъ *Стадіонъ* разбрасываетъ снятыя платья тол-

*) См. кн. 3 „Вѣстникъ Зап. Россіи."

1) Die poln. Rev. p. 300.

нѣ оборванныхъ крестьянъ. Среди пасмурныхъ панскихъ физіономій, одинъ только изображенъ насмѣшливо улыбающимся: это былъ всѣмъ знакомый, богатый панъ, за годъ предъ тѣмъ продавшій всѣ свои имѣнія 1).

Но вышло не такъ, какъ ожидали. Поляки полетѣли въ Вѣну съ завѣреніями своей вѣрноподданности и съ *воплями* (mit dem wohlbekanntem Schmerzensschrei) о разореніи. Въ правительственныхъ кружкахъ и на имперскомъ сеймѣ, всюду съ многосторонними покушеніями проползала польская интрига.

Паны успѣли добыть себѣ въ вознагражденіе утвержденіе такой оцѣнки угодій, отдаваемыхъ крестьянамъ, что многія имѣнья, принимая въ расчетъ и упадокъ курса, даже въ полномъ своемъ составѣ не стоили того, во что были положены отдаваемые крестьянамъ участки 2). Панамъ были выданы процентныя бумаги, а налоги для ихъ уплаты съ послѣдовательнымъ погашеніемъ долга въ 40 лѣтъ, были разложены на всѣхъ жителей Галиціи, на крестьянъ, мѣщанъ, горожанъ и купцевъ 3).

Въ 1849 г. губернаторомъ Галиціи былъ назначенъ графъ *Голуховскій*. Онъ происходитъ отъ древней польской фамиліи и принадлежитъ къ рѣдкимъ исключеніямъ: онъ посвятилъ себя государственной службѣ. Отъ души полякъ, онъ не менѣе былъ преданъ австрійскому правительству. Онъ никогда не пользовался славою человѣка выходящаго изъ ряда обыкновенныхъ, но усердіе его къ канцелярской должности — качество рѣдкое среди польскихъ кавалеровъ, было несомнѣнно 4).

„Его система въ Галиціи соотвѣтствовала его настроенію; онъ хотѣлъ связать Галицію съ австрійскимъ правительствомъ. Если онъ избралъ фальшивый путь, то въ томъ не его вина; въ томъ должно упрекать не столько его сколько то, что всосалъ онъ съ молокомъ матери 5).

„Система графа *Голуховскаго* излилась изъ личныхъ побужденій. Все влекло его къ той стихіи и особенно къ тому сословію изъ котораго онъ происходилъ и которое казалось должно было стать первымъ его противникомъ—къ польско-національнымъ. На этомъ пути онъ сталъ въ борьбу именно съ тѣми элементами, которые доказали свою приверженность австрій-

1) Гиларій Менцишевскій.
2) Изъ извѣстій сообщ. изъ Австріи. 3) Тамъ же.
4) p. 370. 5) p. 371.

скому правительству—съ русскими и съ крестьянами." До того времени чиновники Галиціи были нѣмцы или чехи; польское дворянство уклонялось отъ службы, кромѣ вѣдомства юстиціи. При графѣ *Голуховскомъ* изчезла эта неохота. Галиція наводнилась польскими чиновниками 1). Выборы въ депутаты на имперскій сеймъ при *Голуховскомъ* стали падать даже на лицъ, о которыхъ хорошо было извѣстно, что они играли значительную роль въ предшествовавшихъ революціяхъ; таковъ напр. полякъ, помѣщикъ Карлъ *Рошвскій* 2).

„*Голуховскій* не можетъ сочувствовать стремленіямъ русскихъ галичанъ 3).

„На нихъ поляки возводили постоянныя обвиненія предъ правительствомъ въ стремленіяхъ къ панславизму 4).

„Поляки стали слѣдить даже за употребляемою русскими ороографіею 5), *Голуховскій* по этому предмету писалъ прямые доносы объ опасныхъ стремленіямъ русскихъ галичанъ 6).

Голуховскій непрерывной работѣ польской конспиративной дѣятельности, прерываемой мятежами, противупоставлялъ шалость двухъ гимназистовъ и выставлялъ заслуженаго *Куземскаго* вождемъ крамольной русской партіи.

Великое будованіе перешло уже во второй фазисъ, а онъ восшодшее солнце хотѣлъ предъ нѣмцами укрыть маленькимъ туманомъ, приготовленнымъ въ лабораторіи его канцеляріи. Злымъ геніемъ *Голуховскаго* былъ совѣтникъ школъ *Черкавскій* 7). Уніятскій епископъ Григорій *Яхимовичъ* написалъ тогда прямо къ Императору съ изобличеніемъ всѣхъ польскихъ интригъ, клеветъ и ябедъ 8).

„Споръ за языкъ, говоритъ русскій галичанинъ, былъ наружнымъ признакомъ внутренней борьбы и особенно оживился, когда европейская журналистика подымала вопросъ о націо-

---

1) p. 372. 2) p. 382. 3) p. 373 4) p. 373. 5) p. 374. Поляки домогаются, чтобы, при русской азбукѣ, русскіе галичане писали бы слова, какъ они произносятся на мѣстномъ нарѣчіи. Заботами польской справы были придуманы особыя правила, которыя галичане назвали *какографіею;* по правиламъ же принятаго правописанія слова пишутся также, какъ и въ Россіи. (Сообщено русскимъ галичаниномъ).

6) Министру полиціи барону *Кемпену* отъ 17 апрѣля 1859 г. № 77. и министру внутр. дѣлъ *Баху* отъ 3 іюля 1859 г. № 3939.

7) p. 375. 8) p. 375.

нальностяхъ. Когда въ 1859 г., во время министерства *Туна*, графъ *Голуховскій* хотѣлъ до корня подорвать русскій языкъ и ввести латинскую азбуку въ офиціяльную переписку и въ школы, тогда была созвана коммиссія подъ предсѣдательствомъ *Голуховскаго* и присланнаго изъ Вѣны отъ министерства, какъ его довѣреннаго, чеха—*Иречека*. Русскіе, хотя съ трудомъ, но отстояли и свою азбуку и свое правописаніе; но чѣмъ болѣе польская партія пріобрѣтала силы въ Вѣнѣ, тѣмъ ея стремленія къ новому подавленію русской національности становились упорнѣе. Успѣхамъ поляковъ помогло то обстоятельство, что въ 1861 году изъ петербургскаго украинскаго комитета было прислано много сочиненій на малорусскомъ языкѣ, напечатанныхъ съ особымъ правописаніемъ, извѣстнымъ подъ именемъ *кулишовки*. Сочиненія *Шевченка* привлекали много читателей, а само правописаніе пріобрѣло почитателей, которыхъ и назвали *кулешовцами*. Этимъ раздвоеніемъ силъ и безъ того немногочисленной еще русской интеллигенціи въ Галиціи, поляки воспользовались; ухватились за *кулишовку*, какъ за якорь спасенія, и поощряли планы о *малороссійской самостоятельности*. Предупрежденія, что подобные планы только споспѣшествуютъ польскимъ замысламъ къ оторванію малороссовъ отъ Россіи, для подведенія ихъ потомъ подъ польское владычество, были безполезны, и только неурядица 1863 г. въ польскихъ сборищахъ въ Галиціи вылечила отъ болѣзни, начиная съ тѣхъ, которые за идею національности даже дрались подъ знаменемъ *Гарибальди* въ Италіи 1).

Поляки однако держатся за *кулишовку*, и разсчитываютъ тѣмъ болѣе на ея успѣхъ, что она сочинена не *поляками*, а потому удобнѣе можетъ служить приманкою для молодежи, отражая передъ ними призракъ *малороссійской самостоятельности*. Графъ *Голуховскій* самъ иногда пишетъ порусски *кулишовкою* и исходатайствовалъ у правительства сумму на изданіе полити-

---

1) Г-нъ Н. С. Л... быв. воспитанникъ парижской уніатской семинаріи князя *Чарторыйскаго*, прибывъ изъ Италіи въ 1863 г., отправился въ Краковъ, и, предлагая свои услуги революціонному комитету, спросилъ, кто будетъ главнымъ вождемъ возстанія? Ему отвѣчали: *Гарибальди*. Н. С. Л. только что прибылъ изъ Италіи, и зная коротко его намѣренія, не спрашивая болѣе, вернулся домой.

ческой газеты *Русь*, которую приказалъ печатать также *кулишовкою.* Газета имѣла около 5 или 6 подписчиковъ поляковъ и на половину менѣе русскихъ, потому изданіе *Руси* прекратилось. За тѣмъ *Голуховскій* составилъ коммиссію для изданія русскихъ учебныхъ книгъ правописаніемъ тойже *кулишовки.*

„Всѣ польскія интриги однако не въ силахъ задержать однажды двинувшееся народное развитіе, опирающееся на истину. Разслѣдованія минувшихъ судебъ родины увеличиваетъ силы ея бойцевъ; даже изъ тѣхъ, которые были увлечены во враждебный чужой польскій лагерь, нѣкоторыя замѣчательныя личности вернулись, при разоблаченіи лжи и обмана въ основаніяхъ полонизма. Для примѣра можно назвать Іосифа *Лозинскаго* 1), сочинителя грамматики, написанной въ 1846 году, подъ вліяніемъ тогда еще не разгаданныхъ польскихъ посягательствъ, и Владиміра *Терлецкаго. Голуховскій* съ инспекторомъ гимназій Галиціи *Черкавскимъ* посадили въ коммиссію, учрежденную въ 1859 г., *Лозинскаго*, въ увѣренности, что онъ по прежнему будетъ защищать латинскую азбуку. *Лозинскій*, къ крайнему ихъ удивленію, прямо высказалъ что введеніе латинской азбуки въ русскую письменность невозможно. Насколько *Лозинскій* прежде былъ сторонникомъ слiянія съ полонизмомъ, настолько онъ теперь сталъ противникомъ подобнаго слiянія. Какъ депутатъ на сеймахъ, равно и на пути литературномъ, онъ выступилъ опаснымъ врагомъ полонизма и его стремленій.

Но еще замѣчательнѣе личность Владиміра *Терлецкаго.* Уроженецъ Югозападной Россіи, онъ кончилъ курсъ въ медицинскомъ факультетѣ въ Вильнѣ. Удалясь въ Краковъ, гдѣ потерялъ свою жену, польку, онъ отправился въ Римъ и, поступивъ въ конвиктъ de propaganda fide, перешелъ для того въ унію, и сдѣланъ докторомъ богословія. Переселясь въ Парижъ, онъ былъ тамъ опредѣленъ въ 1848 году къ *Чарторыйскому*, началъ писать статьи, имѣвшія цѣлію привлечь славянъ къ польскому дѣлу; при этомъ, за основу слiянія малороссовъ съ поляками, онъ принялъ сохраненіе у первыхъ греческаго обряда и возведеніе ихъ мѣстнаго нарѣчія на степень самобытнаго языка. Въ 1850 г. онъ учредилъ въ Парижѣ, на счетъ казны Ламберова отеля, *уніатскую* семинарію. Эта семинарія

---

1) см. вчноску 2-ю, стр. 126.

однако не долго существовала. *Терлецкій* для успѣшнѣйшей работы переѣхалъ въ Галицію въ 1859 году. Когда же онъ сошелся съ тамошними русскими, въ немъ заговорило родное, и онъ совершенно измѣнилъ свои убѣжденія. Онъ сталъ врагомъ и полячества и *Чарторыйскаго*, а въ возникшихъ въ 1861 г. преніяхъ объ очищеніи греческаго обряда уніатской церкви отъ латинскихъ примѣсей, онъ, какъ васильянинъ 1), выступилъ горячимъ поборникомъ чистоты русской церкви. Польская партія достигла того, что подобный ей столь вредный монахъ, носившій къ тому и бороду, былъ высланъ изъ Галиціи. Онъ удалился въ монастырь въ Венгрію и написалъ любопытныя записки о всѣхъ своихъ похожденіяхъ. Монахи васильяне, составляющіе черное духовенство, нынѣ вполнѣ сочувствуютъ русской жизни въ Галиціи, служивши нѣкогда дѣлу іезуитовъ. Бѣлое духовенство прежде избѣгало употребленія наименованія *попъ*, поляками обращенное въ бранное слово, теперь напротивъ русскіе священники сами себя называютъ *попами*, и даже придаютъ это званіе, подписывая свои журнальныя статьи.

Чарторыйскіе, при помощи работъ великаго будованія, продолжаютъ свои интриги временъ Рѣчи Посполитой. Послѣ мечты ввязать въ дѣло съ конституціею 3 мая 1791 года курфирста Саксонскаго, они послѣдовательно расчитывали что корона Польши, въ ея предѣлахъ 1772 г., ихъ стратагемами, искуситъ Пруссію, потомъ Россію для содѣйствія *польской справѣ* 2). Надежды не сбылись, не сбылся и расчетъ на Наполеона I, не сбылся въ 1831 году расчетъ на польскую армію съ повсемѣстною *рухавкою* въ Западной Россіи и съ симпатіею Западной Европы; не сбылись надежды на торжество полонизма, при помощи по всей Европѣ поляками приготовленныхъ мятежей. *Чарторыйскимъ* оставалось еще средство обратиться къ Австріи. Тамъ уже не было князя *Меттерниха;* но за то тогда являлся новый опаснѣйшій противникъ полонизму—выясненіе и разработка польскихъ дѣлъ. Съ нимъ разъяснялась причина и тѣхъ ученій о космополитизмѣ, которая была такъ необходима полонизму, для ослабленія имъ встрѣчаемаго отпора, при приведеніи въ исполненіе бывшихъ тайныхъ его замысловъ.

---

1) Монахи *базильяне* въ Галиціи нынѣ называютъ себя *васильянами.*

2) Введеніе стр. 68.

Ни въ одномъ государствѣ поляки не могли проповѣдывать космополитизмъ съ бо́льшимъ успѣхомъ, какъ въ Австріи, при отсутствіи *австрійскаго отечества*. Въ остальной Европѣ ученіе, для искусственнаго привитія космополитизма, натыкалось на несвоекорыстное, но естественное чувство—любви къ родинѣ, со временъ классической древности, питаемое священнымъ огнемъ гражданской доблести. Въ основаніи космополитизма лежитъ понятіе, что отечество тамъ, гдѣ хорошо живется (ubi bene, ibi patria); *развитой человѣкъ патріотомъ не можетъ быть*, писалъ *Герценъ* 1). Любовь къ родинѣ вызываетъ понятіе обратное, стремленіе къ тому, чтобы въ собственномъ отечествѣ жилось хорошо. Послѣдовательное развитіе народной жизни, потому уже не довольствовалось политическимъ равновѣсіемъ; съ усиленіемъ международныхъ сношеній выработываются дальнѣйшія народныя стремленія къ собственной защитѣ отъ иноземныхъ притязаній, — къ соединенію силъ, къ сліянію единоплеменныхъ 2). Ни одно правительство болѣе австрійскаго не чувствуетъ того, что у него связаны руки. При сознательномъ, уже ясномъ пониманіи истинныхъ къ нему чувствъ русскаго населенія Галиціи и полонизма, австрійское правительство, въ своей дипломатической эквилибристикѣ, было поставлено въ необходимость снова идти на уступки польскимъ домогательствамъ, жертвуя интересами русскихъ галичанъ. Оно поддерживаетъ русскихъ галичанъ на столько, чтобы не выпускать изъ рукъ поводья мундштука, которымъ оно обуздываетъ польскую справу и польскія попытки къ возобновленію мятежей въ Галиціи. Послѣдовавшими обстоятельствами австрійское правительство снова видѣло себя вынужденнымъ, кромѣ внѣшней, вести еще и внутреннюю, съ своими подданными, дипломатическую игру, вынужденнымъ *кокетничать* съ польскою аристократіею. Обѣ стороны отлично понимаютъ одна другую; подъ вліяніемъ послѣдовательныхъ дипломатическихъ вопросовъ, пользуясь событіями, онѣ хотятъ обойдти одна другую и заявляютъ сердечныя взаимныя влеченія, которымъ ни та, ни другая не вѣритъ.

„Съ началомъ восточной войны русскіе галичане, по словамъ одного изъ нихъ, почувствовали, что въ Вѣнѣ вѣтеръ подулъ

1) Колоколъ 1859 г. 15 января; Введеніе стр. 84.
2) Введеніе стр. 4.

съ другой стороны.“ Ламберовъ отель не щадилъ разносторонних средствъ, чтобы съ своей стороны настроить все общественное мнѣніе Европы противъ Россіи 1). Австрія, не приставая къ союзу западныхъ державъ, не скупилась на заявленія имъ своего сочувствія для разрѣшенія восточнаго вопроса. Паны въ Галиціи, послѣ недавнихъ событій и ярыхъ провозглашеній объ австрійскомъ коварствѣ, еще косились на Вѣну; но изъ Ламберова отеля данъ былъ другой сигналъ. „Австрійскій кабинетъ, гласитъ литература Ламберова отеля, издавна зналъ Россію и хорошо понималъ, что единственное средство вести серіозную съ нею войну заключается въ возстановленіи Польши“ 2). При взаимныхъ стратагемахъ вѣнскаго кабинета и Ламберова отеля эрцгерцогъ *Карлъ* переѣхалъ въ 1854 году въ Галицію, и польскія патріотки его привѣтствовали возгласами: какъ онъ красивъ, нашъ молодой король Карлъ (qui'l est beau notre jeune roi Charles) 3)! Галиційскіе іезуиты усердно работали для поддержанія взаимнаго согласія 4). Поляки готовились исполнить свои планы сороковыхъ годовъ, внести оружіе въ Россію; Австрія отвратила взрывъ нетерпѣливыхъ, любезничая съ поляками, и въ то же время выдавала бѣжавшихъ изъ Россіи польскихъ патріотовъ, искавшихъ убѣжища въ Галиціи.

Послѣ италіанской войны 1859 года, австрійскій кабинетъ, угодливымъ другомъ недавняго врага, продолжалъ давнюю систему и болѣе нежели сквозь пальцы смотрѣлъ на польскія продѣлки предъ мятежемъ 1863 года. Австрійское правительство не только не препятствовало, подобно 1831 году, чтобы Галиція очищалась отъ польскихъ патріотовъ, и чтобы они истощали свои средства и силы на мятежъ въ Царствѣ Польскомъ; но предоставило вождямъ обратить Галицію въ операціонный базисъ—закипѣвшаго мятежа 1863 года. *Веакое будованіе*, вспомнивъ старые пріемы въ критическія для него времена, хотѣло привлечь къ себѣ русское населеніе, задабривая и заманивая его духовенство. Ламберовъ отель сообщилъ, что 90,000 скуди изъ *народовихъ офяръ* онъ жертвуетъ на канонизацію упіата *Іосафа-*

1) La Pologne p. 319, 328, 329. 2) p. 339.
3) Слѣдственное дѣло Іосифа Розенталя. 4) Тамъ же.

та Кунцевича 1). Учрежденные еще императоромъ Іосифомъ II два уніатскіе капитула и большіе наперстные кресты на золотой цѣпи для ихъ членовъ—*крилошанъ*, доселѣ непризнаваемые Римомъ, получили въ 1862 г. утвержденіе отъ папы. Искушенія не подѣйствовали на русское населеніе и вражда къ полонизму не уменьшилась. При подобномъ положеніи дѣлъ Галиціи, поляки тѣмъ усерднѣе заботятся о приведеніи въ исполненіе мысли конституціи 3 мая (1791 года).

Польское дворянство составляетъ коренную силу для польской справы, притягивающую къ себѣ во время смутъ, дворовыхъ, небольшое число поляковъ торговцевъ, и ремесленниковъ; дворянство потому усердно содѣйствуетъ къ увеличенію шляхты, къ полученію того нѣмецкаго „von," которое усиливаетъ численность, вліяніе и средства полонизма. Паны съ полною готовностью принимаютъ въ свою среду даже вновь перекрестившихся разбогатѣвшихъ евреевъ, и евреевъ достигшихъ образованія и эмансипировавшихся подъ вліяніемъ польской интеллигенціи 2).

Подобныя *либеральныя* внѣшнія проявленія не вяжутся однако съ давнею панскою спѣсью. Заботясь о размноженіи шляхты, богатѣйшіе паны подготовляютъ для себя особую новую касту, которая исподоволь должна пріобрѣсть офиціальное значеніе, для занятія съ ею пріобрѣтенными правами, своего мѣста въ мечтаемомъ будущемъ Польскомъ королевствѣ. Эта подготовляемая каста должна образоваться изъ фамилій *титулованныхъ*. Австрійское правительство не находитъ никакого неудобства въ томъ, что претендующіе въ магнаты расходуются на документы и на полученіе пергаменовъ, свидѣтельствующихъ о правахъ на графское достоинство. При польской интеллигенціи, идущей по пути обратному современному развитію, создается *новая польская аристократія*. Для новыхъ польскихъ аристократовъ не нужна служба предковъ, для нихъ не нужны живительныя семейныя воспоминанія, что въ ихъ жилахъ течетъ кровь мужей отечества, создававшихъ ея славу и благоденствіе, для него жертвовавшихъ и жизнью и своими личными интересами. Минувшая жизнь Польши впрочемъ не изобилуетъ ими,

1) Ч. I, стр. 195.

2) Die poln. Rev. p. 26; L. Fouque „Plus de Pologne" p. 217; изъ извѣстій сообщ. изъ Австріи.

и съ менѣе прихотливыми побужденіями, *новые аристократы* довольствуются пергаменными листами и большими печатями.

Въ вѣдомостяхъ сеймовыхъ депутатовъ Галиціи послѣднихъ годовъ, титулованная каста уже помѣщаетъ себя отдѣльно отъ менѣе богатыхъ пановъ и простой шляхты; починъ для новаго элемента, съ офиціальными правами, для государственнаго устройства *Польши великаго будованія* уже сдѣланъ 1). Несмотря на *новую польскую аристократію*, общественное мнѣніе въ Галиціи считаетъ мѣстными представителями давняго польскаго магнатства князей *Чарторыйскихъ*, *Сапѣговъ*, Графовъ *Потоцкихъ* и князей *Любомірскихъ*. *Чарторыйскіе* постоянно проживаютъ за границею, владѣя въ Восточной Галиціи имѣньемъ, извѣстнымъ подъ именемъ *Сѣнявскаго ключа* 2). Изъ князей *Сапѣговъ*, Левъ *Сапѣга* не имѣетъ большихъ помѣстьевъ; но онъ ловко воспользовался польско-патріотическимъ настроеніемъ польскихъ пановъ въ Галиціи, и устраивая внутреннее благоденствіе Галиціи въ смыслѣ области *Польши великаго будованія*, составилъ огромное состояніе до 50 милліоновъ австрійскихъ гульденовъ. Литература Ламберова отеля въ слѣдующихъ словахъ выразила дѣятельность Льва *Сапѣги:* „Послѣ революціи 1831 года, князь Левъ *Сапѣга* первый приступилъ къ системѣ **внутренней національной работы помощью обществъ.** Онъ посвятилъ себя совершенно интересамъ Галиціи и, несмотря на противудѣйстіе австрійскихъ властей, онъ сдѣлалъ множество учрежденій для общественной пользы, какъ то: *общество поземельнаго кредита*, общества *агрономическое*, *агрономической школы*, *сберегательныхъ кассъ*. Большое число другихъ разныхъ учрежденій были затѣмъ основаны во *Львовѣ* и въ *Краковѣ*. Эти общества способствовали къ поднятію общественнаго духа, пріучали жителей къ порядку и къ **настойчивости въ общихъ усиліяхъ** 3).

Русскіе галичане въ *Сапѣгѣ*, давнемъ сторонникѣ *Чарторый-*

1) По обычаю временъ Рѣчи Посполитой польская шляхта въ Галиціи, въ офиціальныхъ бумагахъ, себя называютъ *рыцарями* или какъ называютъ русскіе галичане, *рыцарами*. Въ свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ изъ Австріи, имѣемъ писанную порусски вѣдомость, депутатовъ Галиціи 1862 года, которую помѣщаемъ въ прилож. 4.

2) Ч. I, Гл. VIII, стр. 203.

3) La Pologne p. 323. Paris 1862.

скихъ, видятъ нынѣ мѣстнаго *Вѣлопольскаго*, который, пользуясь обстоятельствами, послѣдовательно выясняетъ что намѣренъ работы *великаго будованія* обратить въ свою пользу и воздвигнуть новый алтарь противъ алтаря. Изъ графовъ *Потоцкихъ* тѣ, которые имѣютъ помѣстья и въ Россіи, *сидятъ смирнѣе прочихъ* 1). „Быстрое освобожденіе крестьянъ отъ панщины въ политическихъ видахъ, пишетъ литература Ламберова отеля повело къ общему обѣдненію; крестьяне, пріобрѣтая собственность безъ всякихъ усилій, не хотѣли работать..." Было бы не справедливо умолчать о заслугахъ, оказанныхъ Галиціи графомъ *Голуховскимъ*, въ 1849 году назначеннымъ губернаторомъ. Графъ *Голуховскій* возстановилъ порядокъ и право собственности, ослабѣвшіе событіями 1846 года и *постоянными подстрекательствами австрійскихъ чиновниковъ*; онъ вводилъ общественныя учрежденія, энергическую силу придалъ *народному образованію* заведеніемъ *школъ для первоначальнаго обученія и большое число поляковъ ввелъ въ мѣстную администрацію* 2)."

Италіянская война 1859 года оживила еще болѣе дѣятельность полонизма въ Галиціи. Поляки ждали, что Франція принесетъ въ Польшу поднятое ею знамя національностей. „Первыми внѣшними проявленіями были *контуши*, явившіеся на *засѣданіяхъ* агрономическаго общества въ Краковѣ, по словамъ участника польской справы. Польское общество въ Галиціи было такъ настроено, что, начиная съ дамъ, оно было въ лихорадкѣ ожиданій, въ огнѣ польскаго патріотизма. Съ каждымъ днемъ ждали французовъ и *Гарибальди*. Кто не былъ даже посвященъ, и тотъ носилъ заговоръ, если не въ головѣ, то въ сердцѣ." При появленіи *контушей* на улицахъ молодежь встрепенулась; но *Мѣрославскій* наводнилъ эту среду своими демагогическими прокламаціями, въ которыхъ паны выставлялись давними и новыми губителями независимости Польши. Агенты *Мѣрославскаго* сѣяли въ среду молодежи болѣе ненависти къ имени *Чарторыйскаго*, нежели къ Австріи, Пруссіи и Россіи, *чамарки* появились, какъ видимая оппозиція *контушамъ*. *Бѣлые* однако знали, что имъ не трудно будетъ взять верхъ когда потребуется; ихъ убѣжденія могли только усилиться торжественными поминками по Адамѣ *Чарторыйскомъ*, который

1) Сообщено русскимъ галичаниномъ.
2) La Pologne p. 324.

умеръ 15 іюля (1861 г.). Два дня съ амвоновъ раздавались хвалебныя ему рѣчи, рѣчи объ утратѣ *ойчизны* въ *первомъ польскомъ патріотѣ*, бывшемъ всю свою жизнь незримыми путями въ главѣ трудившихся къ освобожденію ойчизны. Всѣ *Мѣрославчики* явились на торжественную службу въ Краковѣ. Всюду прославляли покойника" 1).

Разработка и изслѣдованія полонизма въ Австріи, Пруссіи и Россіи приводятъ къ одинаковымъ выводамъ; не противурѣчатъ имъ и указанія изъ противуположнаго лагеря, указанія француза, бывшаго въ Галиціи, шесть мѣсяцевъ служившаго польскому мятежу съ шайками, выходившими изъ Галиціи въ Польшу и снова туда возвращавшимися послѣ разбитія.

Пеструю картину польской неурядицы представлялъ Краковъ во время мятежа 1863 г. Подобно *Дюмурье* и *Тралесу* во время барской конфедераціи 2), подобно *Меге* 3), послѣ великаго сейма, *Фукъ* прибылъ въ 1863 году съ понятіями о полякахъ и польской справѣ, распространеными польскими ревнителями во Франціи. Ламберовъ отель въ 1863 г. не очень довѣрялъ начальникамъ, которые будутъ назначаемы для шаекъ мѣстными ржондами и, по собственнымъ расчетамъ, предпочиталъ имѣть своихъ собственныхъ изъ нанимаемыхъ имъ иноземцевъ—военныхъ. Искони *Чарторыйскіе* искали притягивать въ свою партію военноначальствующихъ. Кромѣ того нѣкоторые французы, которые дрались за освобожденіе Италіи въ 1859 г., явились съ предложеніемъ своихъ услугъ польской справѣ, полагая защищать народное дѣло и въ Польшѣ; въ числѣ ихъ былъ Луціянъ *Фукъ*. Съ апрѣля до сентября онъ дрался въ шайкахъ, начальствовалъ и вынесъ тяжелыя раны. Онъ возвратился во Францію разочарованнымъ въ полякахъ и, призывая въ свидѣтели всѣхъ французовъ принимавшихъ участіе въ мятежѣ, кинулъ перчатку *польской справѣ*, дабы раскрыть глаза своимъ соотечественникамъ и предостеречь ихъ отъ всей лжи, распространяемой литературою польской справы

1) Полит. отд. Г. Губ. Канцеляріи. Картонъ В. № 3.

2) Часть I, стр. 195, 300.

3) M. Méhée, французъ, послѣ провозглашенія конституціи 3 мая 1791 г. бывшій въ Польшѣ, написалъ въ 1792 г. сочиненіе, въ которомъ описываетъ найденное имъ ея положеніе: „Histoire de la prétendue révolution de Pologne. Paris 1792. [Прилож. 5].

и ярыми полонофилами, журналами Opinion nationale, Siécle и Patrie 1).

Полонизмъ хотѣлъ первымъ заявленіямъ *Фука* дать видъ мистификаціи, устраиваемой перомъ, закупленнымъ Россіею; онъ отрицалъ даже существованіе самого *Фука* въ бывшихъ шайкахъ мятежниковъ; тогда *Фукъ* повелъ открытую борьбу и, называя своихъ соотечественниковъ, подобно ему бывшихъ въ шайкахъ, вызывалъ каждаго изъ нихъ опровернуть его, если въ его разсказѣ они найдутъ строчку неправды.

Такова обстановка сочиненія *Фука:* „Plus de Pologne“ 2), потому заимствуемъ изъ него извлеченія. *Фукъ* не могъ постоянно подкрѣплять сообщаемыя имъ свѣдѣнія ссылками на распоряженія ему неизвѣстнаго таинственнаго *ржонда народоваго;* но онъ, какъ очевидецъ, описываетъ, какъ эти распоряженія проявлялись въ практическомъ примѣненіи, и какое понятіе наконецъ сложилось о польскомъ мятежѣ въ умѣ француза, прибывшаго на театръ дѣйствій, горячимъ стронникомъ *польской справы.* По изученіи мятежа, онъ возвратился въ отечество дѣйствительно вполнѣ разубѣжденнымъ въ существованіи и польскаго народа, и польскаго патріотизма. Послѣдовательно приведемъ воззрѣнія; вынесенные *Фукомъ* на общество, само возстаніе и имъ введенную систему террора 3).

Для того, чтобы понять духъ какого либо народа и понять его нужды, пишетъ *Фукъ*, недостаточно быть великимъ ораторомъ, великимъ писателемъ или великимъ дипломатомъ, и сидѣть у себя дома. При такихъ условіяхъ нѣкоторыя націи—въ совершенномъ невѣденіи о географіи и исторіи нѣкоторыхъ другихъ 4). Чтобы оцѣнить инстинктъ и наклонности большинства людей, нужно и необходимо жить ихъ жизнью, раздѣлять ихъ привычки и подчиняться ихъ нравамъ. Въ эти условія лучше всего попадаетъ иностранецъ, служащій въ повстанскомъ войскѣ.

---

1) По бюджету Ламберова отеля на 1863 г. расходъ на русскую полицію, шпіоновъ и журналистику былъ въ 2,000,000 франковъ (A. Moller. „Situatiou de la Pologne p. 222;“ la Presse 24 novembre 1864).

2) Lucien Fouque: „Plus de Pologne“ Paris 1865.

3) Книга стоитъ внимательнаго ея прочтенія русскою публикою. Считаемъ что частыя ссылки на страницы не будутъ безполезны для занимающихся разработкой польскихъ дѣлъ.

Я не имѣю притязанія убѣдить массы и измѣнить общее мнѣніе; но вѣроятно я представлю дѣла въ совершенно неждан. номъ свѣтѣ, особенно для тѣхъ, которые черпають свое политическое воспитаніе изъ журналовъ и ихъ корреспондентовъ—баснописцевъ 1). Французскіе панфлеты и журналы создали фантастическую Польшу (une Pologne de fantaisie) 2). Мое намѣреніе пролить свѣтъ туда, куда каждый приносилъ свою лепту тьмы (son contingent d'obscurité). Для возвратившагося изъ Польши газеты Opinion nationale и Siécle—газеты самыя нелѣпыя и несвѣдущія. Онѣ угрожали поставить наше отечество на край пропасти, изрытой ихъ невѣжествомъ, поддерживая во французскимъ народѣ самыя лживыя традиціи и самые непонятные предразсудки 3). Когда Австрія приготовлялась къ военнымъ дѣйствіямъ въ Галиціи въ 1863 г., французская пресса твердила о безкорыстной Австріи, которая великодушно сама уступитъ Польшѣ—Галицію 4). Siécle пренаивно спрашиваетъ: ктожъ будетъ защищать Европу, если Польша погибнетъ? На этотъ вопросъ одинъ отвѣтъ: *вѣроятно сама Европа* 5). Когда мы хотѣли изъ Галиціи послать статьи о Польшѣ для парижскихъ журналовъ, то получили слѣдующій отвѣтъ: „Долженъ вамъ сказать, что отель *Чарторыйскихъ* очень хорошо и лучше васъ знаетъ, что дѣлается въ Польшѣ, и тамъ пишутъ статьи для большихъ журналовъ 6).“ Г. *Геру* редакторъ Opinion nationale получаетъ свои телеграмы прямо изъ Ламберова отеля 7). Въ картинѣ мною начертанной польскаго возстанія, не колеблясь, могу поднять руку къ небу и сказать, что я ни на іоту не отступилъ отъ самой точнѣйшей истины. Мои личныя чувства ничего не преувеличили; напротивъ я сгладилъ и сократилъ массу подробностей, которыя показались бы *невѣроятными*.

„*Ибрагимъ!* приходи ко мнѣ на помощь, писалъ *Решидъ-паша*, дабы истребить рыбаковъ миссолунгскихъ; они своимъ чародѣйствомъ обратились въ чертей (шайтановъ) и колдунъ *Кокинисъ* уничтожаетъ мои окопы. Господство надъ всею Греціею лежитъ въ стѣнахъ Миссолунги“ 8). Не то было въ Польшѣ. Поляки по хвастовству—сѣверные гасконцы; въ дѣлѣ же возстанія они только революціонные агенты и агенты опасные 9).

---

1) p. 4. 2) p. 5. 3) p. 13. 4) p. 6; p. 7. 5) p. 57. 6) p. 291. 7) p. 234. 8) p. 262. 9) p. 278.

Сперва всѣ помѣщики Галиціи были совершенно преданы своему національному правительству 1); но изученіе всѣхъ элементовъ народа и анализъ нравовъ, мыслей, надеждъ отдѣльныхъ личностей и взаимныя ихъ отношенія, приводятъ къ тому, что *польскаго народа не существуетъ*, по той простой причинѣ, по которой корпія не бѣлье. Польскую націю составляютъ нѣсколько тысячъ дворянъ, которые съ ихъ фанатическими идеями непремѣнно люди отсталые, враги просвѣщенія и свободы 2).

Добрыми польскими патріотами называются тѣ люди, которые воздвигаютъ баррикады, а умирать на этихъ баррикадахъ посылаютъ другихъ. Они поджигаютъ къ революціи, а сами не принимаютъ участія въ возстаніи; не менѣе того они воображаютъ что имѣютъ монополію на великодушныя и великія чувства, потому что каждое утро наговорятъ много фразъ, пересыпанныхъ словами *національность* и *свобода* 3). Вмѣсто названія *польское возстаніе*, для истины слѣдовало бы сказать *польская анархія*. Если анархія глубоко проникнула во время самой борьбы, то что было бы послѣ побѣды?

Семь тысячъ рабочихъ записались въ польскомъ комитетѣ (M. d.Harcourt) въ Парижѣ, чтобы идти въ Польшу 4); но ихъ не отправили. Не трудно понять почему: польское національное правительство имѣло одну цѣль—возстановить надъ простолюдиномъ давній господскій деспотизмъ. Въ Краковѣ я расчитывалъ найдти величайшую дѣятельность, сгроможеніе средствъ, а нашелъ тысячу пролетаріевъ: венгерцевъ, молдаванъ, валаховъ, италіянцевъ, проживающихъ по кабакамъ и получающихъ по злотому въ сутки 5).

Іезуиты владѣютъ огромными имѣніями въ Галиціи. Кто не знаетъ, что нынѣ истинный владыка р.-католицизма—генералъ іезуитскаго ордена? Папа только владыка видимый 6). Въ Польшѣ ксендзъ совершенно управляетъ женщиною, а женщина управляетъ мужчиною. Женщина любитъ таинственность, любитъ конспирировать, любитъ тѣсные волнующіе кружки; она душа тѣхъ сплетней, которыя потомъ разрываютъ партіи 7). Женщина воображаетъ, что она античная весталка для поддержанія священнаго огня. Ксендзъ ее поставилъ на почву ре-

1) p. 259. 2) p. 8. 3) p. 12. 4) p. 16. 5) p. 17. 6) p. 216. 7) p. 20.

лигіознаго фанатизма, который она принимаетъ за патріотизмъ. У нея одна логика: „такова воля Пресвятой Дѣвы 1).“ Благодаря женщинамъ, въ Польшѣ умами управляетъ духовенство,—все таже давняя клерикальная система. Духовенствомъ заправляютъ іезуиты; они подкапываются всюду; даже бискупы у нихъ въ зависимости 2). Главная ихъ забота пополнять сундуки Ватикана. Съ галиканскимъ духовенствомъ такіе плоды были бы невозможными 3). Папа платилъ польскимъ золотомъ за выстрѣлы противъ гарибальдійцевъ, а Италія, не понимая что она дѣлаетъ, высылаетъ защитниковъ Польшѣ 4). *Нулло*, сотрудникъ *Гарибальди*, убитъ въ польскомъ повстаніи 5). Пагубныя ученія іезуитовъ и монаховъ буквально овладѣли краемъ. Дворянство усвоило іезуитскія сладкія манеры; его вѣжливость—медовая и преувеличенная. Полякъ — тартюфъ въ сердцѣ; онъ рѣдко выскажетъ то, что думаетъ. Разбогатѣвшій жидъ, принявъ католицизмъ становится дворяниномъ, не встрѣчая возраженій. Жиды въ Польшѣ—это нація эксплоатирующая въ націи эксплоатируемой 6). Дворянство и духовенство дѣйствуютъ въ союзѣ противъ прочихъ сословій, а магнаты презираютъ остальное дворянство 7).

Г. Монталамберъ утверждаетъ, что поляки въ наше время съ героическимъ постоянствомъ были противниками *панславизма*, этой мечты славянскихъ племенъ о преобладаніи русской власти. Да! это правда, поляки противятся панславизму; но по той простой причинѣ, что они сами мечтаютъ объ этомъ преобладаніи. Много разъ намъ случалось слышать слова: „Поляки будутъ властвовать надъ всѣми славянскими народами; Пречистая Дѣва обязана намъ доставить эту награду, и тогда мы покоримъ Россію.“ Нѣтъ польки, которая тому бы не вѣрила отъ чистаго сердца 8). Сближая давнюю Польшу съ нынѣшнею, нельзя не убѣдиться, что бѣдствія и опытность ни къ чему не послужили полякамъ 9).

Соглашаюсь, что религія традицій—дорогая религія, но, по моему мнѣнію, она должна соглашаться на уступки общественному благу, особенно когда она въ такомъ совершенномъ противурѣчіи съ самыми простыми принципами здраваго смы-

1) p. 158. 2) p. 65, 92. 3) p. 66, 67. 4) p. 67. 5) p. 21. 6) p. 70, 217, 158. 7) p. 159. 8) p. 92. 9) p. 241.

сла. Національное тщеславіе, отъ вѣчнаго преувеличенія, изливается *гасконадами*. Заговорите о просвѣщеніи, о промышленности, поляки умѣютъ только пожимать плечами; коснитесь же извѣстнаго музыканта—вамъ сей часъ кидаютъ имя *Шопена*; заговорите о *Галилеѣ*, вамъ мгновенно станутъ превозносить *Коперника;* если вы заикнетесь случайно о какомъ нибудь писателѣ—то васъ закидаютъ *Красинскимъ* и *Мицкевичемъ*, и вамъ доказываютъ, что польская литература можетъ найдти себѣ подобіе только въ классической литературѣ древнихъ грековъ и римлянъ 1). Польскій ученый, польскій докторъ забавно гордятся своими свѣдѣніями, какъ бы онѣ ни были ограниченны. Въ Польшѣ ученый человѣкъ тотъ, кто выступаетъ съ самоувѣренностью. Однажды цѣлое общество было при мнѣ приведено въ восхищеніе объясненіями одного подобнаго *весьм ученаго* мужа, что *зуавы* были сформированы въ Испаніи Наполеономъ I, великимъ почитателемъ польской храбрости; а потому названіе *зуавовъ* происходитъ отъ польскаго слова *зухъ*—храбрый 2).

Въ каждой націи высшій классъ заботится объ образованіи низшихъ сословій, и опытъ доказалъ, что нація погибаетъ, когда она теряетъ изъ виду свое усовершенствованіе. Польская нація не усвоила ни одной нити развитія. Польскій патріотъ хочетъ быть свободнымъ для того, чтобы имѣть право оставаться варваромъ 3). Польша—это старая дѣва, безплодная, властолюбивая, невѣжественная и фанатическая ханжа. Она ничего не сдѣлала для человѣчества и хочетъ жить далѣе тою же жизнью съ повязкою на глазахъ, съ плетью въ рукѣ, съ молитвенникомъ подъ мышкою и съ эгоизмомъ въ сердцѣ 4). Ксендзы и паны сказали: „Мы—Польша, а нація—наши слуги." Слуги ихъ и оставили; безъ нихъ они искали себѣ отечества, въ которомъ имъ паны и ксендзы отказывали. Поляки называютъ себя сѣверными французами. У поляковъ нѣтъ того, что у насъ въ избыткѣ, у нихъ нѣтъ сердца 5). *Патріотизмъ* у поляковъ—тотъ плащъ, которымъ они прикрываютъ пороки общества износившейся генераціи. *Львовъ* и *Краковъ*—это Капуи для учащейся молодежи, которая плохо учится. Страшное

---

1) p. 67.
2) p. 230. 3) p. 98, 101. 4) p. 104. 5) p. 177.

смѣшеніе лжи, цинизма, хвастовства и чванства. Только сдержанностью и хитростью можно ощупью оріентироваться въ этой мглѣ. Кто васъ цѣлуетъ, тотъ подъ васъ подкапывается; кто жметъ вамъ руку, тотъ васъ надуваетъ. Поляки раболѣпствуютъ по природѣ, а ихъ воспитали іезуиты 1). Полонизмъ въ своей внутренней жизни—это помѣшанный тартюфъ. Утромъ отталкивающее ханжество: „Пресвятая Дѣва, *Королева Польши*, приведетъ къ торжеству *мучениковъ за отчизну*"; а вечеромъ—оргія 2). Расходы поглощаютъ милліоны, собранные національными налогами, насильственными займами, пожертвованіями и по всей Европѣ открытыми подписками 3). Героическіе патріоты предаются вдоволь наслажденіямъ. Патріотъ бѣжитъ въ Краковъ и изъ тамошняго комитета беретъ деньги для отправленія въ шайку; изъ Кракова онъ является къ львовскому комитету за тѣмъ же. Пить, играть и быть чичисбеемъ героини-патріотки—вотъ его занятія! 4). Къ повстанію готовились съ 1859 г.; *геройской* и *доблестной націи* требовалось для того цѣлые четыре года. Іезуиты и монахи работали безъ устали, паны не очень жаждали стать *мучениками*. Женщины предались своимъ мечтамъ. При мысли о революціи онѣ поджигаютъ мужей, братьевъ, любовниковъ и садятся за приготовленіе патроновъ и корпіи; патроны не годны, да это не бѣда, такъ какъ стрѣлки не умѣютъ стрѣлять 5). Впрочемъ французы придутъ спасать. По костеламъ онѣ заставляютъ пѣть патріотическіе гимны шляхту, ремесленниковъ, бѣдныхъ. Патріоты экзальтируются мистицизмомъ, особенно женщины; журналистику: Opinion nationale, Siècle и др. заставляютъ возбуждать массы, которыя въ свою очередь должны заставить Наполеона съ мечемъ въ рукахъ придти возстановлять Польшу. Въ ожиданіи надо однако драться; но кому? Паны—бѣлоручки, и—козломъ искупителемъ служитъ шляхта, которая раболѣпствуетъ

---

1) p. 160. 2) p. 140.

3) Кромѣ Франціи и Парижа, послѣ августа 1863 г., польскіе комитеты собрали въ Европѣ и Америкѣ 923,400 фр. (Moller—pièces justificatives p. 229. 4) p. 160.

5) p. 243. Авторъ дѣлаетъ замѣчаніе и о стрѣльбѣ русскихъ: „Русскіе вообще стрѣляютъ дурно; на 300 и 400 метровъ пули перелетаютъ чрезъ головы; съ увеличеніемъ же разстоянія на 600 метровъ, ихъ пальба становится опасною."

предъ панами. Впрочемъ съ деньгами въ людяхъ недостатка не будетъ. Образуются иностранные комитеты; Парижъ служитъ центромъ движенія. Въ нихъ находятся люди почтенные, искренніе и сердечные; эмигранты являются съ дорогими воспоминаніями объ отечествѣ. Тамъ и поддерживается священный огонь возстанія; въ Польшѣ онъ былъ бы мгновенно потухшей искрой, а впослѣдствіи въ Варшавѣ ржондъ могъ существовать только при пособіи лжи и террора. Повстанцы, сказать правду, были только бѣдными жертвами обмана, несчастными орудіями честолюбія магнатовъ и духовенства. Магнаты и паны конспирировали ли при дневномъ свѣтѣ, съ мечемъ въ рукахъ, на честномъ полѣ боя противъ русскихъ солдатъ? Нѣтъ; они занялись—*организаціею.*

Послѣ долгаго времени, я наконецъ понялъ тактику краковскаго комитета. Отъ времени до времени шайки высылались чрезъ границу; тамъ, при ничтожной стычкѣ, бойцы разбѣгались и возвращались въ Краковъ. Цѣль достигалась, такъ какъ все дѣло состояло только въ томъ, чтобы послать въ Парижъ телеграмму съ вѣстью о баснословной побѣдѣ; а Opinion nationale, Siecle и Patrie, по полученіи этой вѣсти, восклицали: „Смотрите, что за живучесть! несмотря на все варварство русскихъ, возстаніе все держится. Доблестные поляки снова одержали блистательную побѣду."

Способъ дѣйствія польскихъ комитетовъ въ Галиціи отлично вторитъ видамъ польскаго національнаго правительства. Чего оно хочетъ?—Изгнать русскихъ. Оно этого не можетъ, а потому его забота — добыть французскую интервенцію. Чтобы достигнуть этой столь желаемой интервенціи, необходимо протянуть возстаніе какъ можно дальше. Очагъ, разжигающій революцію въ Россіи,—внѣ ея предѣловъ и внѣ русскихъ ударовъ; а потому повстаніе можетъ длиться вѣчно.

Польскіе волонтеры худо вооружены и нисколько не устроены. Они поступаютъ подъ начальство невыразимо неспособныхъ вождей. Всѣ усилія дисциплинировать волонтеровъ были тщетны, по недостатку доброй воли самихъ комитетовъ.

Разсѣянные волонтеры по господскимъ усадьбамъ въ Польшѣ и въ Галиціи, находились на полномъ содержаніи помѣщиковъ. По отдаваемому приказанію они собирались, вооружались, давали бой, и возвращались снова къ покойной жизни по усадь-

бамъ, до новаго приказа. Я коротко ознакомился съ этою жизнью, проживъ ею нѣсколько мѣсяцевъ. Ни разу ни я, ни мои товарищи не оставались въ полѣ болѣе восьми дней. Первая встрѣча съ русскими обращалась въ поряженіе, и мы разсыпались. Главная забота начальника банды, генерала или полковника, состоитъ въ томъ, чтобы придумать для нея форму и пріискать себѣ *маіора*, который бы всѣмъ распоряжался, т. е. былъ бы въ бандѣ генераломъ, капитаномъ, унтеръ-офицеромъ, фуражиромъ и закройщикомъ. Въ это званіе берутъ бывшихъ офицеровъ, одинаково француза, венгерца, италіанца, поляка. Агенты лѣнивы и безпечны. Доставку оружія они поручаютъ жидамъ, а жиды въ конфискаціи оружія находятъ свои счеты; ⅙ часть оружія только достигала назначенія; на сѣдлахъ кожа была отличная, но пряжки не держались. Всюду грабежъ и расхищеніе денегъ. Маіоръ въ шайкѣ, тоже что Франція въ умѣ поляковъ; это нянька для всей работы, а имъ нечего много заботиться 1). Когда Австрія объявила Галицію на военномъ положеніи, тогда и повстаніе замерло. А народъ Франціи, который славится тѣмъ, что провозгласилъ свободу и равенство, изливается вслѣдствіе искуснаго фокусъ-покуса восторженными симпатіями къ своекорыстной кастѣ съ діаметрально противуположными принципами. Изображеніе польскаго возстанія журналомъ Siécle — это полнѣйшая мистификація 2). Повстанскіе штабы заботятся о костюмахъ, аксельбантахъ, плюмажахъ, красныхъ штанахъ. Патріотизмъ обратился въ игру въ куклы; деньги таятъ. Всѣ заботятся объ офицерскихъ чинахъ. Польскихъ офицеровъ можно встрѣтить вездѣ, только не подъ огнемъ. Въ Галиціи нѣтъ панской усадьбы, въ которой не скрывалось бы по нѣскольку таковыхъ офицеровъ въ будуарахъ прелестныхъ патріотокъ. Они много разсказываютъ о бывшихъ и будущихъ своихъ подвигахъ; но въ бою они никогда не бываютъ; всегда что нибудь задерживаетъ воинственный ихъ порывъ, то болѣзнь, то неотлагательное дѣло. Повстанскія войска сосредоточивались около Кракова, близъ австрійской границы. Къ повстанцамъ присоединилось и нѣсколько выходцевъ, прибывшихъ въ Галицію; туда прибыли и ***Мірославскій*** и ***Лангевичъ*** — два диктатора соперника. Мятежъ

1) p. 159. 2) p. 44.

разгорѣлся, *Лангевичъ* избавился отъ соперника, и его торопливо прозвали *избавителемъ;* но чрезъ недѣлю онъ натыкается на австрійскій патруль, и польскаго диктатора задерживаетъ австрійскій капралъ съ четырьмя рядовыми, какъ пьянаго солдата выходящаго изъ кабака. Арестованіе *Лангевича* открыло возможность проявиться стремленіямъ многихъ къ занятію его мѣста. Повстанцы, какъ одураченное стадо, шли на бойню за чужіе интересы; паны были сильны, не то что неосязаемые (insaisissables) демократы. Львовъ, Краковъ наполняются прибывающими, наполняющими кофейныя, въ нарядныхъ чамаркахъ съ конфедераткой на бекрень; всѣ въ шпорахъ, всякій хочетъ казаться кавалеристомъ. Со всѣхъ сторонъ въ Краковъ приходили тогда самыя утѣшительныя вѣсти: Галиція въ огнѣ, Познань объята пламенемъ, русскому императору готовится революція въ сердцѣ его собственной Имперіи, французское вмѣшательство—дѣло рѣшеное 1). Нѣкогда говорили, что Италія—страна мертвыхъ; съ большимъ правомъ можно сказать: Польша—страна лжи. Въ ней все ложь отъ улыбки до слезъ, отъ поэтической легенды о Вандѣ, которую вамъ выдаютъ за исторію, до купола краковскаго собора, который вамъ выдаютъ за массивно золотой. Изъ Варшавы приходятъ вѣсти, что Россія наканунѣ общаго мятежа, для укрощенія котораго она должна будетъ разсыпать свою армію; что Кіевъ, Курляндія, Подоль, Литва, Волынь ждутъ только сигнала. Молва разбавляетъ вѣсти, вторя журналамъ, французскимъ Opinion nationale и Siecle, польскимъ Prawda и Czas, русскому *Колоколу:* „Французы уже тутъ, они уже на границѣ; посланники отозваны изъ Петербурга; *Герценъ*, русскій герой-республиканецъ, сталъ въ главѣ русскаго революціоннаго комитета; воспитанники военно-учебныхъ заведеній уже подымаются въ Россіи, русскіе офицеры поступили въ члены тайныхъ обществъ; солдаты присягнули не драться противъ поляковъ; раскольники примѣшиваются къ заговору; Австрія союзница поляковъ; наши всюду бьютъ русскихъ“ 2). А въ дѣйствительности одни только пораженія и неудачи, и повстанцы бѣгутъ спасаться изъ Царства въ Галицію, безъ всякаго предлога, такъ что ржондъ отдалъ декретъ не принимать тѣхъ, кто отъ него не будетъ имѣть

1) p. 159. 2) p. 44, 135.

пропуска. Галиція стала центромъ дѣятельности. Австрія смотритъ спокойно, какъ шайки собираются и выступаютъ къ границѣ. Но русскіе начинаютъ наносить серіозныя пораженія шайкамъ, французы не идутъ, обаяніе пропадаетъ; терроръ поддерживаетъ патріотизмъ. Героизмъ оказался мечтою женщинъ и изобрѣтеніемъ ксендзовъ, а для продолженія повстанія нужны деньги и люди. Остается одинъ исходъ — къ террору обратиться за помощью. Но станетъ ли ржондъ терроризировать открыто, при дневномъ свѣтѣ, на площади, для громоваго дѣйствія на площади, для громоваго дѣйствія на массы? Нѣтъ! терроръ былъ произведеніемъ взбалмошныхъ головъ, доведенныхъ преизбыткомъ униженія до бѣшенства; терроръ былъ тоже анархіею, и онъ написалъ въ исторіи свое имя кровавыми буквами. Казнь равно ожидала каждаго, палача и жертвы. Терроръ въ Польшѣ былъ терроръ лицемѣровъ, терроръ малодушныхъ; онъ былъ несомнѣннымъ признакомъ истощенія и слабости дѣйствовавшей партіи. Ржондъ казнитъ незримо,— убійца наноситъ ударъ въ спину 1). Банды вѣшали лѣсниковъ, которые отказывались быть проводниками, вѣшали крестьянъ, которые отказывались идти въ повстаніе. Жандармы разворяли, грабили, насиловали женщинъ 2). Ржондъ, въ своемъ воззваніи къ жителямъ Галиціи въ іюлѣ 1863 г., пишетъ: „Шайки, бѣгущія обратно въ Галицію, причиняютъ двоякій вредъ, матеріальный и нравственный; онѣ отымаютъ у Европы надежду видѣть снова поляковъ доблестно сражающимися“ 3). Въ Польшѣ убивали не для возстанія, но *за деньги для добытія* денегъ 4). Чернь не народъ 5). Здѣсь, во Франціи, ржондъ меня не отравитъ, какъ ксендза *Павловскаго*, не поразитъ кинжаломъ, какъ *Кучинскаго*, и не ударитъ меня топоромъ, какъ генерала *Трепова* 6).

Поляки провозглашаютъ своихъ крестьянъ патріотами; а, въ Галиціи и Познани, крестьяне, подъ защитою власти, издѣвались только надъ *національнымъ правительствомъ* и надъ его

---

1) p. 129. 2) p. 173. 3) p. 181 4) p. 139. 5) p. 160.

6) p. 38. Ксендза *Павловскаго* отравили за то, что онъ публично объявилъ, что русскіе солдаты, присланные для обыска костела, вели себя съ полною пристойностью. *Кучинскаго* закололи за то, что онъ былъ честнымъ судьею въ львовскомъ трибуналѣ (p. 249).

требованіями пожертвованій. Въ Царствѣ Польскомъ крестьяне тоже отказывались отъ платежей; но тамъ *жандармы вѣшатели* и *палочники*, смотря по обстоятельствамъ, вымогали налоги 1). Объ изгнаніи русскихъ никто не думалъ; требовалось только поддерживать Францію въ мнѣніи о побѣдахъ; а для того достаточно вооруженныхъ демонстрацій. Знаменитые *коссиніеры* и *зуавы смерти* (les zouaves de la mort) существовали только на картинкахъ иллюстрированныхъ журналовъ и въ воображеніи ихъ корреспондентовъ.

Никогда ни одному крестьянину не приходило въ голову вооружиться и биться на свою же гибель за идею своего господина. Въ Царствѣ Польскомъ не рѣдко крестьяне, къ которымъ мы обращались за хлѣбомъ, насъ привѣтствовали словами: *собачья шляхта*, а въ Галиціи крестьяне на насъ доносили австрійской полиціи. Да могло ли быть иначе? Понынѣ паны ихъ бьютъ, а они должны имъ воздавать почетъ съ возмущающимъ раболѣпствомъ.

Я постановляю тотъ фактъ, что въ Галиціи возставшихъ крестьянъ не существовало, а повстанцы были все наемщики. Повстанцы состоятъ или изъ иноземцевъ всѣхъ націй, собравшихся при различныхъ побужденіяхъ, или изъ мелкой шляхты. Французовъ я не встрѣтилъ болѣе 15 человѣкъ.

Прибавьте къ этому нѣсколько тысячъ дворянъ, которые составляютъ комитеты, покупаютъ и пересылаютъ оружіе и припасы, и вотъ предъ вашими глазами *все польское возстаніе*. Итакъ нѣсколько тысячъ дворянскихъ семействъ—такова вся живая и дѣйствующая сила, и это называется *польскою націею*. Крестьяне готовы признать себя русскими, австрійцами, пруссаками, всѣмъ чѣмъ хотите, только не поляками 2).

Повторяю люди, создавшіе такой порядокъ, вовсе не думали о томъ, чтобы биться съ русскими; они только заботились о томъ, чтобы продлить возстаніе, выжидая событія и расчитывая на ослѣпленіе и добродушіе Франціи.

Польскій народъ—одна только химера; пресловутое *пробужденіе народа*—это искусно разыгрываемый комплотъ касты, жадной до денегъ и до власти. Повстаніе—движеніе, поднятое панами, поддерживаемое ксендзами, торжественно одобренное

---

1) p. 137. 2) p. 20.

папою, оживляемое ярыми органами (les organes les plus fougeueux) анти-клерикальной партіи, а единовременно и самыми ревностными защитниками р.-католицизма. Въ это движеніе входитъ понемногу все, что называется интригою пановъ и іезуитовъ. Вся цѣль—возстановленіе давней феодальной Польши, анархіи магнатовъ и шляхетской республики, каковою всегда была Польша. Какъ удивятся приверженцы польскаго возстанія, если имъ сказать: „Ваши усилія клонятся къ тому, чтобы возстановить монархическую Польшу, подъ щитомъ феодализма и р.-католицизма. Вы служите только ксендзамъ, потому что Польша предоставленная сама себѣ, была бы собственностью даже и не дворянства, а однихъ ксендзовъ" 1).

Землевладѣльцы, кромѣ обычнаго налога (impots ordinaires), и добровольныхъ пожертвованій, подвергались еще чрезвычайному налогу и насильственному займу; но когда видимые результаты не соотвѣтствовали ожиданіямъ, тогда раздались ихъ вопли о революціонной анархіи, о соціализмѣ 2). Но терроръ продолжалъ свое дѣло. Іезуиты говорятъ: „избыткомъ грѣха излечивается грѣхъ;" въ Польшѣ говорили: „избыткомъ зла излечивается зло." Вопросъ о возстаніи перешелъ на второй планъ; поднятіе народа признали излишнимъ; оно вовсе и не нужно. Придутъ французы, а пока нужны деньги 3).

Если бы Польша была предоставлена сама себѣ, то для нея нѣтъ будущности 4). Журналистика, во время мятежа 1863 г., по словамъ русскаго галичанина, была главнымъ двигателемъ и дѣятелемъ. Она руководила и услаждала поляковъ, которые *упивались* краковскимъ *Часомъ* и изъ него черпали политическую мудрость. Правительство дало полную свободу высказываться *Часу*. При такомъ положеніи, редакція *Часа* не нуждалась даже прикрывать себя своими корреспонденціями; или, по выраженію *Фука*, не заставляла своихъ корреспондентовъ писать себѣ-то, что сама не смѣла проводить отъ своего имени 5). При управленіи Галиціею *Голуховскимъ*, газета *Часъ* проводитъ свыше тѣ вѣсти, оживляющія надежды польскаго населенія, для достиженія которыхъ устраиваются, даже и между простолюдинами, всевозможныя *общества* и *ассоціаціи*, которыхъ цѣль не

1] p. 21. 2) p. 137. 3) p. 138. 4) p. 99.
5) „Ce qu'on no'se pas dire soi-même, on le fait dire par les correspondants" (p. 9.)

может быть неразгаданною русскими галичанами — въ главѣ этихъ союзовъ стоятъ или извѣстный польскій патріотъ, или ксендзъ, или эмигрантъ.

Со времени присоединенія Галиціи къ Австрійской имперіи, по мѣрѣ послѣдовавшихъ событій и по мѣрѣ послѣдовательнаго раскрытія *великаго будованія*, первыя отношенія въ Галиціи между австрійскимъ правительствомъ, русскимъ населеніемъ и полонизмомъ, принимаютъ постепенно болѣе ясныя формы.

Необузданная заносчивость полонизма съ одной стороны и вѣковое угнетеніе русскихъ съ другой обратили ихъ съ развитіемъ народной жизни, въ два враждебные озлобленные лагеря. Предъ австрійскимъ правительствомъ послѣдовательно все болѣе выяснялось, что въ русскихъ галичанахъ оно образовало для себя преданное и вѣрное населеніе, а что въ полонизмѣ гнѣздится вѣчная крамола. Австрія выяснила, что полонизмъ подрывается подъ слабыя связи ея областей, въ надеждѣ именемъ *Польши* замѣнить имя *Австріи*, и стать въ главѣ славянскихъ населеній, которыхъ полонизмъ съ своею своеобразною государственною опытностью расчитываетъ слить въ прочное преобладающе зерно, недостающее Австріи. Полонизмъ для того силится путемъ религіи и языка захватить преобладаніе между славянскими племенами Австрійской имперіи. „Благодаря заботамъ австрійскаго правительства, все русское духовенство въ Галиціи прошло чрезъ университетское воспитаніе. Оно всѣ свои надежды возлагаетъ на Вѣну въ отстаиваніи населенія отъ *изобрѣтательныхъ прижимокъ ксендзо-шляхетской касты.*" Русскіе галичане стали первые разгонять между австрійскими славянами тьму и мглу польскихъ дѣлъ; за ними чехи выяснили замыслы полонизма. Нѣмцы, при указаніяхъ галичанъ, сознательно стали понимать полячество во всѣхъ его изгибахъ; венгерцы проникаютъ вполнѣ, что въ своихъ польскихъ союзникахъ они имѣютъ затаенныхъ соперниковъ. Русскіе галичане выказывали пруссакамъ весь смыслъ притязательности поляковъ къ офиціальному сохраненію польскаго языка. При слабыхъ своихъ средствахъ, русскіе галичане, путемъ науки и свѣта, нанесли и наносятъ неотразимые нравственные удары полячеству, которые отражаются и на утраты, понесенныя въ послѣднее время ревнителями полонизма и во взглядахъ на полонизмъ въ русскомъ обществѣ. Вѣковые страдаль-

цы, изучивъ всѣ уловки, всѣ лазейки полонизма тяжкимъ путемъ испытаній, стали грозными изобличителями лицемѣрнаго коварства. За то поляки въ своемъ озлобленіи не щадятъ свою изобрѣтательность, чтобы выставить русскихъ галичанъ въ самомъ гнусномъ свѣтѣ.

Отдѣленіе италіанскихъ областей отъ Австріи нѣсколько упростило сложныя комбинаціи *великаго будованія*, и всегда неугомонное въ своихъ надеждахъ, оно все полагается на искусство своей интриги къ эксплоатаціи въ свою пользу основаній, при которыхъ сложилась Австрійская монархія. Австрія представляетъ цѣлую группу пригодныхъ элементовъ для подпольныхъ работъ *великаго будованія*, подготовляемыхъ и направляемыхъ *Ламберовымъ отцемъ*. Такое для полонизма выгодное положеніе Австріи *Шедо-Ферроти* въ 1864 г. предлагалъ за образецъ для государственнаго строя Россіи, по которому только монархъ во всѣхъ своихъ владѣніяхъ долженъ находить одноземцевъ, подданныхъ Имперіи, а всякій русскій, кромѣ одного государя, въѣзжающій въ Финляндію, Ливонію, Польшу и на Кавказъ обязанъ почитать себя уже внѣ отечества—за границею 1). Австрійское правительство, для избѣжанія польскихъ мятежей выработывавъ свою традиціонную внутреннюю политику относительно Галиціи, ея держится. „Австрійское правительство, пишетъ *Сала* 2) издавна смотрѣло на галиційскихъ помѣщиковъ, какъ на единственныхъ и дѣйствительныхъ представителей *польской* національности въ Галиціи, соединяющихъ политическое и общественное образованіе съ нравственными и матеріальными средствами къ мятежамъ; пока помѣщики не приступали къ заговору, до тѣхъ поръ нечего было опасаться за взрывъ мятежа въ Галиціи.“ Австрійское правительство ласкаетъ польскую аристократію, и держитъ въ уздѣ порывы полонизма русскими галичанами, и вообще крестьянскимъ сословіемъ, которому всегда оставляетъ еще неудовлетворенныя желанія. „Лѣсу да луговъ,“ говоритъ галиційскій крестьянинъ;

1) D. K. Schédo-Ferroti: Etudes sur l'avenir de la Russie—Que fera-t-on de la Pologne 1862 p. 202.

2) Geschichte des polnischen Aufstandes vom Jahre 1846 p. 113. Moritz Freiherr von Sala; нынѣ австрійскій тайный совѣтникъ; прежде управлялъ канцеляріею эрцгерцога Фердинанда въ Львовѣ съ 1840 до 1846 годъ.

лѣсу да луговъ, (Wald und Wiesen) повторяетъ австрійскій чиновникъ нѣмецъ 1).

Въ сочиненіи „Польскія революцій“ авторъ въ началѣ говоритъ, что Галиція-жемчужина въ коронѣ австрійскихъ монарховъ 2), далѣе *во всѣхъ подробностяхъ* онъ описываетъ, для назиданія читателей, убійства отдѣльныхъ личностей польскихъ пановъ, поднявшихъ мятежъ въ 1846 г., и кончаетъ свое сочиненіе словами: „Австріи нечего опасаться будущихъ польскихъ революцій“ 3).

Съ 1866 года, русскіе въ Галиціи снова сильнѣе начали чувствовать, что польское вліяніе усилилось въ Вѣнѣ. „Но, по словамъ русскаго галичанина, за ними было и осталось наше правое дѣло. Предъ лицемъ Австріи и всей Европы, ни какой краснорѣчивый адвокатъ полячества не отстоитъ его назойливыя притязанія. Поляки не цѣною крови купили землю Галицкую; король Казимиръ, принимая насъ какъ наслѣдство, обязался сохранить наши права. Уничтожая ихъ, что дали намъ взамѣнъ поляки, четыре вѣка вытягивая соки изъ плодовъ нашей почвы, изъ пота нашего труда? Признаніе папы они не умѣли достичь иначе какъ вѣковыми истязаніями; польскія полчища не защищали, а сами грабили нашу родину; поляки обратили народъ богатый въ нищихъ, вольныхъ людей въ рабовъ, народное развитіе 400 лѣтъ гнали обратно въ варварство; отняли землю, богохульствовали въ храмахъ, отнимали приношенія Христу Спасителю. Въ Европѣ, въ вѣка новой исторіи, когда все двигается впередъ, ростетъ, разцвѣтаетъ, полячество пересоздавало руссина Галиціи въ *парія*. Укажите что испытали мы отъ поляковъ, кромѣ изувѣрства и насилія, отыщите признаки человѣческаго побужденія, и когда мы привязались къ

---

1) Die poln. Rev. p. 373. Галиційскій крестьянинъ много потерялъ на лѣсѣ, при нарѣзкѣ ему угодій. Вмѣсто назначеннаго, по инветарямъ Іосифа II, поляки выхлопотали, чтобы *для сбереженія лѣсовъ*, отдѣльные лѣсные участки или опредѣленное количество топлива были замѣнены деньгами, которыя панская экономія ежегодно уплачиваетъ, бывшимъ къ нимъ приписаннымъ деревнямъ, для чего и постановлена постоянная цѣна. Эта цѣна составляетъ отъ 1/20 до 1/100 дѣйствительной, по которой крестьяне пріобрѣтаютъ лѣсъ отъ своихъ пановъ. 2) Vorrede p. III.

3) „Für Oesterreich giebt es keine polnischen Revolutionen mehr.“

Габсбургскому дому съ тѣмъ чувствомъ, которое могъ испытать только галичанинъ, вы, гг. поляки, насъ выставляете мятежниками, за то, что мы нашли защиту, и на нашей родной землѣ уже не хотимъ признать господство всегда бывшаго и остающагося намъ чуждаго и враждебнаго племени. Оно вкралось лицемѣріемъ, водворилось насиліемъ, властвовало изувѣрствами, и нынѣ напрягается удержать свое владычество лукавствомъ, ябѣдою и ханжествомъ. Пять вѣковъ ненависти отдѣлили руссина отъ поляка, а правдою всей исторіи мы выяснили эту ненависть. „Не потому пути мы идемъ, чтобы вернуться ко времени дикому, невозвратному." Мы, ведемъ борьбу съ полячествомъ,—хотя теперь и сильнымъ; но мы ведемъ борьбу сознательную. Руссинъ, угнетеніями закалился въ борьбѣ и намъ невперьые изъ Вѣны ждать руку помощи, когда пройдутъ времена трудныя. *„Не имами бѣжати; но станемъ крѣпко."*

Такъ русская народность въ Галиціи, подъ знаменемъ Австріи, не теряя бодрости, отстаиваетъ свою почву отъ польскихъ домогательствъ 1).

Авторъ „Польскихъ революцій, знакомя читателей съ историческими судьбами элементовъ, составляющихъ нынѣшнее населеніе Галиціи, упоминаетъ и о *евреяхъ*, составляющихъ по крайней мѣрѣ 1/9 его часть. Жиды явились въ Галиціи вмѣстѣ съ поляками, покровительствуемые польскими королями, которымъ очень нравились еврейскія красавицы 2). При своеволіи шляхетства, положеніе жидовъ не было однако завидно, и только одно крестьянское сословіе могло развѣ завидовать ихъ участи 3).

Заботы австрійскаго правительства распространились и на еврейское населеніе, особенно въ царствованіе Іосифа II, который оградилъ ихъ отъ разныхъ въ обыкновеніе вошедшихъ угнетеній и униженій. Жиды не остались неблагодарными правительству, и на дѣлѣ, въ разнообразныхъ видахъ, старались

---

1) Die Ruthenen, unter der Fahne Oesterreichs, ohne Entmüthigung, vertheigen ihr Land gegen die polnischen Postulaten. (Св. сообщ. изъ Австріи; die poln. Rev. p. 261).

2) Евреи въ Галиціи въ офиціальныхъ отчетахъ скрываютъ часть своего мужескаго населенія, для рекрутскихъ наборовъ.

3) „Die insbesondere Geschmak an den shoenen Judinnen fanden" p. 26.

ему помогать. Во время революціонныхъ броженій, они оказали наиполезнѣйшія услуги правительству, постоянно доставляя ему извѣстія и служа ему агентами. Ретивость евреевъ была такъ велика, что ее едва ли не болѣе можно отнести къ приверженности правительству и приверженности къ человѣколюбивымъ чиновникамъ австрійской администраціи, чѣмъ къ ихъ корыстолюбію и жаждѣ денегъ. 1). Таковы отношенія массы еврейскаго населенія къ австрійцамъ, когда оно чувствуетъ, что сила на сторонѣ правительственной власти, и что отъ правительства оно можетъ ожидать наибольшую поддержку своимъ выгодамъ. Австрія для прочнѣйшей связи Галицийской области съ правительствомъ преимущественно заботится о привлеченіи къ себѣ вліятельнѣйшихъ слоевъ пестраго ея населенія; но при эквилибрическомъ своемъ положеніи, она не всегда можетъ устранять стремленія къ чужеядности, и своими постанавленіями ограждать одни элементы отъ посягательствъ другихъ. Австрія не всегда можетъ проводить и всею силою власти поддерживать ту разумную равноправность, по которой личный трудъ и способности вели бы каждаго подданнаго къ упроченію частнаго благосостоянія, а не допускать цѣлымъ сплотившимся кастамъ, соединять свои силы съ цѣлью достиженія насильственно матеріальнаго преобладанія надъ другими сословіями.

Въ Галиціи, среди двухъ враждебныхъ элементовъ русскаго и ксендзо-шляхетскаго, стоитъ третій вліятельный элементъ *еврейскій*. Еврейскій элементъ преимущественно овладѣлъ городами и мѣстечками; онъ представляетъ собою знаменательную денежную силу; а потому *великое будованіе* внимательно изучаетъ всѣ пути, чтобы притянуть къ себѣ евреевъ, преобразовать ихъ въ *„поляковъ Моисеева закона.“*

Польскія снаряженія къ мятежамъ являются событіями особенно прибыльными для евреевъ, которыя они переводятъ въ капиталы, закупаютъ снабженія и тайно ихъ перевозятъ. Затаенныя мастерскія къ изготовленію снабженій для повстанцевъ доставляютъ евреямъ-ремесленникамъ обильную работу и щедрую плату. Наконецъ въ бойкое для пановъ время снаряженій къ возстанію, менѣе изъ нихъ запасливые и бережливые, побуждаемы требованіями *филяровъ* и тщеславіемъ имени

1) Тамъ же.

помѣщико патріоты, обращаются къ евреямъ за денежными пособіями, а евреи, при такихъ обстоятельствахъ, не снисходительны въ размѣрахъ процентовъ. Въ богатой плодородіемъ Галиціи, среди революціонныхъ бурь сороковыхъ годовъ, неурожай привелъ къ голоду и тогда, по словамъ автора: „Польскихъ революцій" 1), „землевладѣлецъ и крестьянинъ всюду очутились въ рукахъ евреевъ, которымъ хлѣбъ былъ проданъ на корню. Евреи затѣмъ потащили изъ страны (schlepten aus dem Lande), все ими закупленное; а у помѣщика осталось только необходимое для его домашняго обихода; малѣйшій, нежданный случай, требовавшій расхода, приводилъ въ растройство все хозяйство." Такъ евреи въ Галиціи пріобрѣли огромные барыши отъ затѣй поляковъ, и вся масса помѣщиковъ, при неусыпныхъ заботахъ губернатора графа *Голуховскаго* могла, по замѣчанію русскаго галичанина, только въ теченіи шести лѣтъ поправить свои дѣла, для новыхъ приготовленій къ польской справѣ.

Въ революціонное время сороковыхъ годовъ, поляки пріобрѣтали наиболѣе сторонниковъ (machten am meisten Proseliten) между евреями; они притягивали ихъ къ себѣ, братаясь съ ними (durch Verbruderung), а съ другой стороны угрожали имъ всѣми средствами террора. Угроза особенно дала толчекъ (der lezte gab vorzuglich dem Ausschlag). Въ городахъ и по деревнямъ Галиціи евреи однако держались *черножелтой партіи*, потому что они свой тылъ прикрыли своими друзьями—крестьянами 2).

Послѣдовавшія колебанія правительственной власти, усиливая вліянія полонизма, усилили его вліяніе и на еврейство. Соразмѣрно на сколько правительство его утрачивало, на столько уменьшалась готовность евреевъ содѣйствовать стремленіямъ австрійскихъ властей. Денежная сила евреевъ въ Галиціи тянетъ общественныя дѣла по пути отдѣльному отъ силы администраціи, отъ силъ русскихъ и отъ силъ полонизма, которыя при своихъ стремленіяхъ разрываютъ Галицію въ разныя стороны. Въ то время, когда русскія силы тянутся къ тому, чтобы слиться съ силами австрійскаго правительства, полонизимъ тянется къ приливу въ него силъ еврей-

1) p. 207. 2) p. 305.

скихъ. Полонизмъ заботится притянуть къ себѣ евреевъ, потому что это устраиваетъ какъ хозяйственныя, такъ и политическія стремленія ксендзо-шляхетства. Въ Галиціи въ деревняхъ и имѣніяхъ панскихъ, евреи первые помощники въ хозяйствѣ; они арендаторы, содержатели кабаковъ, покупщики, продавцы, сводчики, факторы, винокуры, домашеніе люди. Евреи имѣютъ вліяніе на сельское населеніе продажею вина, безпрерывными сношеніями и сдѣлками; они не отказываются выручать простолюдина въ крайности; но простолюдину разорительно обходится помощь еврея. За то жиды своимъ вліяніемъ умаляютъ вліяніе русскаго духовенства; — въ рукахъ еврея осталась искушающая чарка. Съ новымъ, общественнымъ устройствомъ австрійскихъ областей, послѣ дарованной въ 1848 году конституціи, полонизмъ и еврейство послѣдовательно устроили систематическую эксплоатацію *равноправности*, и для возраждающихся силъ русскихъ галичанъ, настала тяжкая борьба съ двумя матеріально сильными кастами, борба тѣмъ труднѣйшая, что администрація попала въ руки графа *Голуховскаго*. Жиды среди деревень своими внушеніями указываютъ на личности, руководятъ сельскими выборами, указывая на людей, пригодныхъ для панскихъ требованій и панскихъ стремленій. Евреи еще важнѣе полонизма въ городахъ и мѣстечкахъ; тамъ они собственно составляютъ среднее сословіе. Въ этомъ сословіи поляки въ меньшинствѣ; а число купцовъ и ремесленниковъ, переселившихся нѣмцевъ, такъ незначительно, что они вовсе не могутъ, безъ сильной поддержки правительственной власти, содѣйствовать къ водворенію нѣмецкаго вліянія.

Въ деревняхъ еврейское сословіе, тѣмъ полезнѣе для полонизма, что оно съ одной стороны, нравственнымъ развращеніемъ, ослабляетъ силы сельскаго сословія, а съ другой стороны, своимъ сплоченіемъ въ одну твердую сплошную касту, оно служитъ прочною и надежною запрудою, сквозь которую не могутъ прорваться оживающія русскія силы. Эти мѣстныя силы, коренныя силы страны, матеріально слишкомъ слабы, чтобы всякая ихъ попытка къ конкуренціи не была немедленно легко подавлена еврействомъ. Оно чутко ко всякой опасности, могущей угрожать сгроможденію денежныхъ средствъ, въ его рукахъ.

Изъ средняго сословія евреевъ, всплываютъ далѣе личности, которыя переходятъ въ высшій слой этой касты, и которыя имѣютъ вліяніе на всю массу евревъ, пріобрѣтеннымъ ли значительнымъ богатствомъ, или вліяютъ нравственнымъ значеніемъ, своимъ примѣромъ или своею дѣятельностью. Подобныя личности естественнымъ путемъ прежде онѣмечивались: они жили въ Галиціи подъ австрійскою властью, а жаргонъ евреевъ—искаженіе нѣмецкаго языка; отъ него освобождаетъ образованіе по нѣмецкимъ книгамъ.

Съ того времени какъ послѣ польскаго мятежа 1831 года, *Чарторыйскіе* перенесли центръ дѣятельности *великаю будованія* въ эмиграцію, въ Ламберовомъ отелѣ началось самое строгое систематическое изслѣдованіе, какими путями всякій мѣстный элементъ въ предѣлахъ Польши 1772 г. можетъ быть обращаемъ на пользу *фамильной программы*. Въ сороковыхъ годахъ желаніе ополячивать евреевъ начало обозначаться; оно стало уже осязательнымъ во время мятежа 1846 года 1), и съ того времени идетъ усиливаясь. Воскресли снова начала, положенныя въ послѣдніе годы существованія Рѣчи-Посполитой и закрѣпленныя конституціею 3 мая.

„Крещеные жиды, пишетъ авторъ „Польскихъ революцій" 2), стали покидать черно-желтое знамя и корчать *истыхъ поляковъ*, въ особенности тѣ, которые покупкою помѣстій и денежными средствами легально пріобрѣтеннымъ von, могутъ его вставить предъ своимъ фамильнымъ именемъ."

„Жидъ, разбогатѣвшій счастливыми спекуляціями, пишетъ *Фукъ* 3), принявъ католицизмъ, становится двоpяниномъ, не встрѣчая возраженій. Я могу привести имена подобныхъ одворянившихся жидовъ, которые считаются кровнымъ дворянствомъ, изъ уваженія къ ихъ шкатуламъ. И странное дѣло, что у этого сорта дворянъ, понятія о значеніи рода кажутся болѣе закоренелыми, нежели у другихъ. Признаюсь что прочный слитокъ, составляетъ жидъ, подложенный шляхетствомъ."

Вмѣстѣ съ тѣмъ, по давнимъ правиламъ іезуитовъ залучать въ свои школы молодежь, выдающуюся своими способностями 4), дабы подготовлять надежныя орудія для дальнѣйшаго проведе-

---

1) Польская эмиграція стр. 156.
2) Die poln. Rev. p. 26.
3) Plus de Pologne p. 70.

нія іезутизма, полонизмъ, усвоивъ его интеллигенцію, подкарауливаетъ пригодныя личности. „Въ наше время, пишетъ вышеприводимый нами авторъ 1), образованные жиды уже начали полонизироваться; а еще во время революцій сороковыхъ годовъ они, и даже такъ называемые между ними *либералы*, себя охотнѣе украшали черно-желтыми цвѣтами Австріи, чѣмъ красно-бѣлыми давней Польши.“ Предъ мятежами сороковыхъ годовъ, въ Галиціи было два лагеря противниковъ—*австрійскій* и *польскій;* послѣ революціонныхъ сотрясеній этого времени, эмансипировавшіеся евреи изъ *австрійскаю* лагеря потянулись въ *польскій*, а русскіе галичане, изъ массы освободившейся изъ подъ нравственнаго гнета полонизма, изъ польскаго лагеря, потянулись въ *австрійскій*.

Полонизмъ впрочемъ доказалъ, что онъ усвоилъ себѣ интеллигенцію іезуитовъ, со всею многостороннею ихъ тактикою. Во время начавшагося полонофильствующаго броженія въ умахъ галицкихъ евреевъ, явился раввинъ *Конъ* проповѣдникомъ и литераторомъ. Замѣчательная его ясность въ изложеніи съ убѣдительными своею положительностью доводами, предостерегали еврейство Галиціи отъ близорукихъ его влеченій къ полонизму. Вліяніе раввина *Кона* стало быстро возрастать; но въ началѣ 1852 году, отобѣдавъ, онъ внѣзапно умеръ отправленнымъ съ женою и двумя дѣтьми. Злодѣй не былъ открытъ 2).

„Евреи, продавцы вина, содержатели корчемъ, помощники полонизма при земскихъ выборахъ, преобладающее среднее сословіе, люди всегда при деньгахъ, представляютъ тяготѣющій элементъ надъ крестьянскимъ сословіемъ.“ Къ сожалѣнію еврейство вноситъ семена еще болѣе плачевной будущности. Іосифъ II и Фердинандъ I избавили крестьянина отъ польскаго рабства номинальнаго и дѣйствительнаго; но пьянство и случайныя бѣдствія, частныя и общія, какъ напр. голодъ 1866 г. 3)

1) J. Balińskiego: Pamiętniki o J. Sniadeckim T. I, p. 7. 5) Die p. Rev. p. 27.

2) Изъ свѣд. сообщ. изъ Австріи. Т. I часть I гл. V стр. 136.

3) Правительство разрѣшило Галиціи сдѣлать частный заемъ по 7% въ 2½ милліона гульденовъ, для пособія нуждающимся. Капиталъ попалъ въ польскія руки; пособія выдавались по опредѣленію комитетовъ, составленныхъ изъ поляковъ. На сколько эти комитеты имѣли въ виду помогать нуждающимся крестьянамъ указываетъ то обстоятельство, что въ нихъ не былъ приглашенъ ни одинъ русскій священникъ.

создаютъ новую кабалу, создаютъ новыхъ пановъ, не менѣе неумолимыхъ старыхъ—землевладѣльцевъ евреевъ. Полонизмъ, въ лицѣ губернатора графа *Голуховскаго*, вполнѣ сочувствуетъ водворенію этаго новаго рабства, которое начинаетъ принимать опредѣленныя формы. Подъ видомъ полной *равноправности*, подъ видомъ неограниченія никого въ правахъ распоряжаться своею собственностью, никакія правительственныя постановленія, никакія *ипотечныя свидѣтельства* не опекаютъ сохраненія простолюдинами, позомельныхъ участковъ, имъ полученныхъ выкупною системою. Нѣтъ постановленій, которыя сдерживали бы заблудившагося, и ограждали бы бѣдствующаго отъ еврейской готовности на ссуды, за полученіе закономъ установленныхъ векселей. Примѣры проявляются все чаще, что по опредѣленію судовъ, за поданные ко взысканію векселя, еврей водворяется хозяиномъ; а крестьянинъ съ своимъ семействомъ, идетъ на кочующую жизнь батрака. Паны усердно содѣйствуютъ такому положенію дѣлъ; батракъ дешевый работникъ; онъ принадлежитъ къ панской дворнѣ, которою пропитываютъ полонизмомъ." Для пановъ, по ихъ традиціямъ чуждыхъ и враждебныхъ сельскому населенію, волнуемыхъ патріотическими мечтами о ксендзо-шляхетской справѣ, недоступно сознаніе ихъ высокихъ обязанностей, какъ высшаго сословія. Они составляютъ касту, а не сословіе, и потому, въ союзѣ съ еврействомъ, они не защитники народа, и предъ правительствомъ они не представители интересовъ страны, а они только краснорѣчивые въ своихъ рѣчахъ мистификаторы, сотрудники *великаго будованія* и *польской справы*.

Другое явленіе беззащитности простолюдина отъ евреевъ и той гнетущей его *равноправности*, которая при польской интеллигенціи водворилась въ Галиціи, представляется при *рекрутскихъ наборахъ*. До конституціи 1848 года, еврейскія общества выставляли изъ своей среды положенное число новобранцевъ; но послѣ того, при дарованной равноправности, рекрутскую повинность несутъ христіанское и еврейское населенія вмѣстѣ. Евреи неуловимо изобрѣтательны въ своихъ уловкахъ при сдачѣ рекрутовъ. Австрійскому офицеру, военному пріемщику, гораздо пріятнѣе получить здороваго крестьянина, вмѣсто щедушнаго жида; полякъ—лекарь и полякъ—чиновникъ но дорожатся въ условіяхъ съ еврейскими сдатчиками. Лекарь свидѣ-

тельствуетъ о какихъ угодно болѣзняхъ; чиновникъ не замѣчаетъ что вмѣсто 20 ти лѣтняго жида представляютъ или 35-ти лѣтняго бородатаго, или 15-ти лѣтняго мальчика. Бракъ дополняется изъ христіанъ. Между депутатами, выборными отъ крестьянаго сословія на сеймъ, уже выработывается мысль о подачи челобитной императору, съ испрашиваніемъ уволить его отъ этой равноправности, съ постановленіемъ, выставлять евреямъ рекрутовъ, отъ своихъ общинъ отдѣльно, какъ было до конституціи 1848 года.

(Продолженіе впредь).

ВѢРОТЕРПИМОСТЬ ПАПЪ.

(Историческій очеркъ).

*(Продолженіе *).*

III.

Предвѣстники реформаціи.

Повальное избіеніе „еретиковъ“ въ южной Франціи не осталось безъ послѣдствій: весь западно-христіанскій міръ объятъ былъ ужасомъ, возбужденнымъ людьми, которые сильны были лишить свободы, „имущества“, чести и жизни всякаго, кто бы осмѣлился только выступить изъ того волшобнаго круга, въ который они заключили тогдашнее человѣчество. Конечно, открытыя возстанія противъ папскаго авторитета тогда были невозможны, но очень могло быть, что гдѣ-нибудь въ тиши и прозябало сѣмя вальденской ереси; очень могло быть, что въ глубинѣ неизвѣстныхъ міру піэмонтскихъ долинъ оставались даже цѣлыя общины, которыя по наружности исполняли латинскіе обряды, а внутренно исповѣдывали вальденское ученіе. Говоря вообще папство торжествовало,—и на всемъ западѣ никто не смѣлъ вѣровать иначе, чѣмъ какъ предписывалось изъ Рима. Между тѣмъ, въ этомъ предписанномъ кодексѣ вѣры и нравственности встрѣчалось не мало такого, что противорѣчило духу и даже буквѣ писанія, оскорбляло нравственность и христіанство, содѣйствовало распространенію и

---

*) См. 3-я книжка «Вѣстн. Зап. Россіи.»

утвержденію невѣжества, суевѣрій и предразсудковъ. Чтобы судить о нравственно-религіозномъ состояніи западно-христіанскаго міра временъ, непосредственно слѣдующихъ за окончаніемъ вальденскихъ войнъ, достаточно указать на то обстоятельство, что многіе изъ образованныхъ того времени, отчаявшись найдти себѣ утѣшеніе въ р. католической религіи и ея обрядахъ, впали въ совершенный атеизмъ, отрицая и бытіе Божіе, и безсмертіе души. Иное обратились въ іудейство и даже въ магометанство, были и такіе, которые совратились въ забытое уже язычество 1), объясняя свой переходъ къ нему тѣмъ, что „въ язычествѣ есть покрайней мѣрѣ добродѣтели, тогда какъ у христіанъ, а особенно среди духовенства, только грѣхи, пороки, беззаконія“ 2). Можно было опасаться тогда, что христіанство па западѣ падетъ, потому что видимая церковь погрязла въ безднѣ зла. Но какъ ни безотрадно было это состояніе (такъ безотрадно, что многіе подумывали уже основать новую религію), однакожъ безотрадность эта послужила отрицательною причиною очищенія церкви. Умнѣйшіе изъ духовныхъ поняли, что такое положеніе неестественно и обратились къ изслѣдованію, *дѣйствительно ли нужно считать заповѣдями Бо-*

---

1) Такіе, языческіе христіане были въ епархіяхъ бременской, маинцкой, трирской, кельнской и зальцбургской, а особенно много появилось ихъ, какъ видно это изъ писемъ папы Іоанна XXII, въ Италіи. Здѣсь они опять наставили себѣ статуй языческихъ божествъ, поклонялись имъ, какъ это было во времена древняго Рима, и открыто объявляли, что они и знать не хотятъ ни церкви, ни духовенства. Число язычниковъ-христіанъ возрасло до такой степени, что упомянутый папа, въ 1322 году, открылъ противъ нихъ крестовый походъ, при чемъ городъ Реканати разрушенъ былъ до основанія. Между ними были не одни необразованные и бѣдные, потому что во главѣ ихъ стоялъ Фридрихъ герцогъ монферратскій.

2) Что касается послѣдняго пункта, то Клементисъ въ своемъ сочиненіи de ruina ecclesiae говоритъ слѣдующее: «не можетъ быть ничего хуже и презрѣннѣе нынѣшняго (Клементисъ писалъ въ XIV столѣтіи) духовенства; и безстыдство его доходитъ до крайней степени. Все рѣшительно сословіе заражено пороками, и если случается изъ тысячи одинъ примѣръ, что священныя одежды возлагаетъ на себя человѣкъ добродѣтельный, то и тотъ въ короткое время дѣлается негодяемъ и развратникомъ; подумаешь, что надъ духовенствомъ совершаются какія-нибудь чары. Монастыри нынѣшніе нельзя назвать другимъ именемъ, какъ мѣстами разврата и плотоугодія, и возложить на дѣвушку монашеское платье значитъ тоже, что сдѣлать ее публичною женщиною.» Такъ разсуждалъ Клементисъ, и его современники поэтому не были не правы, когда говорили, что въ средѣ духовенства все грѣхи, пороки, да беззаконія.

жізни все то, что предписываемо было Римомъ. Эти изслѣдованія привели къ изученію евангелія и возвратили слову Божію подобавшую честь, на которую посягали папы своимъ запрещеніемъ библіи. Первые, возставшіе явно противъ папскихъ заповѣдей, были:

1) Братья свободнаго духа.

Францисканскій орденъ, какъ извѣстно, постановилъ правиломъ, для осуществленія въ жизни апостольской нищеты, питаться милостынею. Но въ самомъ скоромъ времени францисканцы пришли къ сознанію неудобствъ этой нищеты, какъ жалуется на это уже второй генералъ ордена, Бонавентура, и чрезъ пятьдесятъ лѣтъ по основаніи ордена, францисканцы сдѣлались такъ же богаты, какъ и прочіе ихъ собратія. Хотя они не переставали собирать милостыню и утверждать, что не имѣютъ никакой собственности, однакожъ сами носили прекрасныя одежды, жили съ комфортомъ, покупали для себя дома и сады, клали деньги въ банкъ, словомъ, обогатились такъ, что сдѣлались предметомъ зависти другихъ орденовъ. Не многіе въ ихъ средѣ, между тѣмъ, твердо держались правила, что не слѣдуетъ имъ собирать себѣ земныя сокровища, такъ какъ Господь и апостолы въ этомъ мірѣ ничего не имѣли, и хотя большая часть братіи давно уже отрѣшилась отъ такихъ недоумѣній, однакожъ они нисколько не соблазнялись этимъ примѣромъ и продолжали ревновать о нищетѣ тѣмъ болѣе, что имъ вовсе не хотѣлось подвергаться тому презрѣнію, съ какимъ смотрѣлъ общество на обитателей монастырей. Скоро дѣло дошло до открытаго спора съ разбогатѣвшими братьями, и при папѣ Клементѣ V (1305—1316) орденъ форменнымъ образомъ раздѣлился на двѣ части. Мечтавшіе и ревновавшіе о нищетѣ, оставивъ великолѣпныя жилища своихъ братій, образовали особое общество и называли себя „Fratres de spiritualitate,“ *духовными братьями,* а тѣ, которые не легче смотрѣли на апостольскую нищету, именовались „Fratres de communitate,“ *братьями общества.* Климентъ V хотѣлъ положить конецъ спору, и издалъ поэтому, въ 1312 году, нарочитую буллу; но послѣдняя, не смотря на строгія прещенія папы, не достигла цѣли. Даже напротивъ, самоотверженіе ревнителей еще усилилось, такъ что преемникъ Климента, папа Іоаннъ XXII поставленъ былъ въ немалое за-

трудненіе: ему вовсе не нравилось правило: „кто хочетъ уподобляться Христу и апостоламъ, тотъ не долженъ имѣть никакихъ стяжаній.“ Какъ можно было согласиться съ этимъ суровымъ правиломъ такому человѣку, каковъ былъ Іоаннъ XXII? 1). Въ 1322 г. онъ издалъ рѣзкую буллу, въ которой объявлялъ, что „совершенство апостоловъ состоитъ не въ бѣдности, а въ любви,“ а въ другой буллѣ своей, мысль будто Господь и апостолы ничего не имѣли, называлъ сущею ересью, а нѣсколько позже постановилъ даже догматомъ, что, такъ какъ апостолы никогда не давали обѣтовъ нищеты, то „подобные обѣты не имѣютъ силы ни утверждать вѣру, ни освящать жизнь, вообще, не имѣютъ никакого значенія.“ Всѣ эти буллы и распоряженія состоялись, безъ сомнѣнія, не затѣмъ, чтобы показать, хорошо или дурно поступали *духовные* братья или *спиритуалисты*, слѣдовало ли имъ обогащаться или не слѣдовало, но затѣмъ, что положеніе: „кто хочетъ уподобиться Господу, не долженъ имѣть ничего въ этомъ мірѣ,“ прямымъ образомъ подрывало всѣ тѣ основанія, на которыхъ утверждался папскій авторитетъ, власть и сила. Поэтому, папѣ хотѣлось, во чтобы то ни стало, заставить молчать спиритуалистовъ, которые въ его глазахъ представлялись такими же еретиками, какъ и вальденсы, но къ сожалѣнію буллы его произвели слѣдствія совершенно противоположныя. Затронутые въ своихъ убѣжденіяхъ монахи доказывали папѣ, что его ученіе рѣшительно неправовѣрно. Въ своей ревности зашли они такъ далеко, что *самою главною ересью* провозгласили „*мірское господство*,“ римскихъ первосвященниковъ. Могли ли послѣ этого ждать какой-либо пощады себѣ спиритуалисты? Священная инквизиція получила повелѣніе всею предоставленною ей властію дѣйствовать противъ новыхъ вольнодумцевъ также, какъ дѣйствовала обыкновенно противъ еретиковъ. Многимъ изъ нихъ, какъ на прим. знаменитому Михаилу *Цезенѣ*, удалось бѣжать къ императору Людовику баварцу, который, какъ извѣстно, былъ въ разладѣ съ папой; но значительная часть были схвачены и тотчасъ преданы сожженію. Одинъ только изъ схваченныхъ принужденъ былъ отречься отъ своихъ мнѣній; но такъ

1) Онъ былъ сынъ бѣднаго башмачника, а между тѣмъ, по смерти оставилъ имущество, состоявшее изъ 18 милліоновъ золотыхъ дукатовъ и на 17 милліоновъ разныхъ драгоцѣнностей.

какъ папа не разсудилъ даровать ему за это свободу, а даже осудилъ его на вѣчное заточеніе, то послѣ никто уже и не думалъ скрывать истинныя свои мысли. Многіе, напротивъ того, считали себѣ за честь быть заключенными въ темницу и потомъ претерпѣть на кострѣ мученическую смерть за вѣру и убѣжденія.

Благодаря такимъ мѣрамъ, инквизиція, чрезъ нѣсколько лѣтъ, достигла того, что между францисканами не осталось ни одного спиритуалиста, то есть настоящаго монаха. Не смотря на то, однакожъ, духъ, который былъ въ основѣ этой мощной ереси, не былъ истребленъ, но продолжалъ жить и одушевлять различныя общины. Изъ нихъ извѣстнѣйшія: *флагелланты* или бичующіеся, *пастореллы*, т. е. подражатели апостольскаго проповѣдничества, *фратицеллы* или христіанскіе братья, *бегины* и *бегарды*, т. е. нищенствующіе братья и сестры (они назывались также братьями и сестрами покаянія и свободнаго духа), *лолларды*, *турмопины*, *пикарды*, *адамиты* и т. д. Какъ ни различны были ихъ названія, но всѣ они имѣли между собой много общаго, сходнаго и, безъ сомнѣнія, всѣ эти общины обязаны своимъ происхожденіемъ главнымъ образомъ тому обстоятельству, что инквизиція съ ожесточеніемъ стала преслѣдовать спиритуалистовъ, и они разсѣялись въ разныя стороны. Что касается собственно фратицелловъ и бегардовъ, то самое названіе ихъ есть только переводъ францисканскаго „Frater minor,“ а имя „бегардъ“ или „бегинъ“ происходитъ отъ древне-саксонскаго „Began“ или „Biggan“ ниществующій. Еще яснѣе обнаруживается это изъ того ученія, какое проповѣдывали всѣ эти секты, именно, что „только совершенная апостольская нищета приводитъ къ христіанскому совершенству.“ Потому именно, что они, подобно спиритуалистамъ, царствіе Божіе считали принадлежностью апостольской нищеты, „существующую“ церковь считали они глубоко павшею, а потому и отвергали все римское священство со всѣми его прелатами и папами 1).

1) Замѣчательно, что р. католическіе писатели того времени упрекали всѣ эти секты въ общемъ распутствѣ, особенно же адамитовъ, которые во время собранія вмѣстѣ мужчинъ и женщинъ, въ извѣстное время гасили свѣчи. И бегардамъ въ Кельнѣ приписывали такъ называемый «подземный рай,» гдѣ оба пола вмѣстѣ предавались распутству. Въ какой мѣрѣ справедливы эти упреки, рѣшить трудно. Пр. Иннокентій, въ своемъ «Начертаніи церковной

Понятно, что такое ученіе не могло быть терпимо папами, и, само собой разумѣется, священная инквизиція уполномочена была употребить противъ новыхъ сектантовъ тѣже мѣры, какія она употребляла прежде противъ спиритуалистовъ, а еще прежде противъ вальденсовъ. Инквизиторы, жаждавшіе крови, съ ожесточеніемъ принялись исполнять папскія повелѣнія и, гдѣ только оказывались сектанты, вездѣ пламенѣли костры, такъ напр. при Иннокентіѣ VI (въ 1354 г.) въ одномъ городѣ Авиньонѣ было девять ауто-да-фэ или торжественныхъ процессій сожженія еретиковъ. Не смотря на такія варварскія и частыя мѣры, со стороны р. католиковъ, въ четырнадцатомъ столѣтіи, раздавались жалобы, что всѣ европейскія страны до самой Арменіи наполнены фратицеллами, бегинами и другими еретиками, и на различныхъ соборахъ, особенно на соборѣ въ Нарбоннѣ, бывшемъ въ 1374 г., постановлено, что „еретичество не прекратится до тѣхъ поръ, пока всѣ такъ называемые „апостолы," т. е. еретическіе проповѣдники не будутъ осуждены на смерть." И дѣйствительно, около этого времени съ особенною настойчивостью стали отыскивать и съ особенною жестокостію поступать со всѣми тѣми, которые, прикрываясь христіанскою нищетою, распространяли противу папскія мнѣнія. Противъ нихъ проповѣданы даже были крестовые походы, какъ наприм. въ 1406 г. епископъ берцеллійскій выступилъ съ сильною арміею противъ пармскихъ еретическихъ проповѣдниковъ Дульцина и Гергарда Сагарелли и ихъ приверженцевъ, и безъ всякой пощады истребилъ всѣхъ, кого только нашолъ въ горахъ у Наварры. Словомъ, римская церковь сдѣлала все, что было въ ея власти, для совершеннаго подавленія спиритуализма, но удалось ли ей подавить его совершенно, въ этомъ можно усумниться, такъ какъ извѣстно, что значительное число фратицелловъ и бегардовъ уцѣлѣло даже до времени реформаціи, совершившейся при Лютерѣ.

Еще большимъ вліяніемъ на волненіе умовъ чѣмъ ересь спиритуалистовъ или братьевъ свободнаго духа, сопровождалось ученіе:

исторіи,» замѣчаемъ, что «истинная исторія ересей и еретиковъ сокрыта враждебными имъ современниками и слишкомъ усердными къ нимъ потомками.»

2) Іоанна Виклефа.

Котораго не безъ основанія называютъ „англійскимъ Лютеромъ.“ Іоаннъ *Виклефъ* родился въ Ричмондѣ, въ графствѣ Іоркширскомъ, въ Ирландіи, 1324 г., въ правленіе Эдуарда II, и первое время своего образованія посвятилъ изученію богословія. При энергической натурѣ, обладая яснымъ смысломъ, онъ скоро замѣтилъ, въ какомъ бѣдственномъ положеніи находится религія и церковь. Здравый разсудокъ указалъ ему обратиться прежде всего къ изслѣдованію, истинно ли въ самомъ дѣлѣ, римское католичество, или нѣтъ? Чтобы рѣшить безошибочно этотъ вопросъ, онъ ревностно принялся за изученіе первоисточника христіанства, т. е. библіи. Успѣхи его въ этомъ изученіи были такъ блестящи, что онъ получилъ названіе „Doctor Evangelicus.“ Впрочемъ, много времени еще прошло, пока онъ совершенно проникся тѣми либеральными стремленіями, которыя впослѣдствіи доставили ему всеобщую извѣстность. Около 1330 года онъ былъ профессоромъ въ одной изъ коллегій оксфордскаго университета. Такъ какъ францисканскіе монахи, вслѣдствіе особеннаго благоволенія къ нимъ папы почти исключительно занимавшіе тогда всѣ богословскія каѳедры при университетахъ, вели себя крайне заносчиво и черезъ чуръ превозносили заслуги своего ордена, считая даже ихъ „выше заслугъ Христовыхъ,“ то Виклефъ, въ негодованіи на такое безумное самохвальство, издалъ нѣсколько брошюръ, въ которыхъ показывалъ, какая огромная разница между Христомъ и францисканами. Въ такомъ смѣломъ предпріятіи его поддерживали: другъ его *Николай Герефордъ*, знаменитый *Фицъ-Ральфъ*, армагскій архіепископъ и примасъ Ирландіи, ученый *Гроссетестъ*, епископъ линкольнскій. Къ нему присоединилось также и много міранъ, потому что англійскій народъ отличался стойкостью убѣжденій и далекъ былъ отъ рабскаго подчиненія папству. Сверхъ того, съ давняго уже времени англійскіе короли словомъ и дѣломъ, а нерѣдко даже и мечемъ, защищались отъ притязаній римской іерархіи, — особенно же ненавистны были имъ денежные поборы въ пользу папы, извѣстные въ исторіи подъ именемъ „петровой лепты,“ которые, въ счастливыя времена, приносили папамъ отъ одной Англіи доходъ въ пять разъ большій, чѣмъ какой получалъ самъ король, и однакожъ все еще не вполнѣ удовлетворявшій ихъ корыстолюбію подъ влія-

ніемъ котораго они всѣ лучшія и доходнѣйшія церковныя должности предоставляли своимъ „италіянскимъ" кліентамъ и креатурамъ 1). По этимъ причинамъ, какъ легко себѣ представить можно, не рѣдко происходили жаркіе споры, особенно съ того времени, когда Виклефъ получилъ каѳедру въ оксфордскомъ университетѣ. Это было въ правленіе Эдуарда III, человѣка съ здравымъ смысломъ и съ рыцарскимъ духомъ. Онъ не только удалилъ изъ государства всѣхъ италіянцевъ и иноземцевъ, занимавшихъ въ Англіи церковныя мѣста, но и наотрѣзъ отказалъ папѣ Урбану V въ высылкѣ петровой лепты, о которой тотъ не однократно напоминалъ ему. Естественно, папа не могъ перенесть такой чувствительной обиды, объявилъ, что этимъ оскорбляется „религія," грозилъ отлученіемъ; но король созвалъ свой парламентъ, и этотъ обязался не только противостоять папѣ всѣми силами, но и защищать интересы правителя до послѣдней крайности.

Такимъ образомъ, самыя обстоятельства какъ нельзя болѣе благопріятны были для Виклефа, и лишь только начался споръ между королевскою властію и папскою, или лучше между англійскою націею и притязаніями римскаго первосвященника, онъ, само собою разумѣется, присоединился къ первой партіи и написалъ сочиненіе, въ которомъ самымъ безпощаднымъ образомъ нападалъ на злоупотребленія, допускаемыя папами. Прочитавъ это сочиненіе, король Эдуардъ III, а еще болѣе братъ его, сильный герцогъ ланкастерскій, осыпали автора своими милостями и приняли его подъ особенное свое покровительство. Ему дано было отличное мѣсто въ духовномъ вѣдомствѣ, степень доктора богословія, и потомъ его же, Виклефа, двукратно посылали (1373 и 1374 г.) для дипломатическихъ переговоровъ съ папою Григоріемъ XI. Когда явился онъ ко двору папы, этотъ послѣдній пытался, ласками и обѣщаніями, склонить Виклефа на свою сторону, но видъ авиньонскаго двора и

1) Уже въ 1282 г. англійское дворянство составило конфедерацію, въ цѣлію силою оружія изгнать изъ Англіи всѣхъ италіанскихъ клириковъ, назначенныхъ папою на лучшіе и богатѣйшіе приходы; въ этомъ же духѣ дѣйствовалъ и король Эдуардъ 1, издавшій въ 1279 г. законъ, по которому церковь лишалась права, безъ особеннаго дозволенія короля, пріобрѣтать имущества покупкою или по завѣщанію, клиръ облагался податью наравнѣ съ міряками, и наконецъ не впускаемъ былъ въ Англію ни одинъ прелатъ, поставленный папою.

личное удостовѣреніе въ испорченности высшаго духовенства произвели дѣйствіе совершенно противоположное интересамъ папы и окончательно утвердили его въ рѣшимости продолжать съ папствомъ борьбу, которая, какъ увидимъ въ послѣдствіи, поколебала самыя основанія іерархіи. И въ сочиненіяхъ своихъ, и въ лекціяхъ съ каѳедры онъ открыто говорилъ и доказывалъ, что высшее римское духовенство погрязло въ порокахъ и беззаконіяхъ, что оно, вмѣсто предметовъ вѣры, преподаетъ народу вымыслы и ложь, лишенные всякаго основанія. Онъ зашелъ такъ далеко, что папу сталъ называть „антихристомъ," а прелатовъ „его отродьемъ," и въ заключеніе доказывалъ, что „папа не имѣетъ ни малѣйшаго права на мірскую власть и господство въ церкви." Такое ученіе пришлось какъ нельзя болѣе по вкусу королю и его баронамъ, такъ какъ и тотъ и другіе съ давняго времени старались колебать притязанія іерархіи; еще болѣе понравилось оно собственно народу, такъ что многіе изъ его среды присоединились къ Виклефу. Его же сторону держали и нѣкоторые изъ профессоровъ и докторовъ богословія въ оксфордскомъ университетѣ, напр. Николай Герефордъ, Филиппъ Ѳеппиндонъ, Іоаннъ Астонъ и др. Конечно, римская партія, т. е. епископы и другіе приверженцы папы, страшно вопіяла, а папа (Григорій XI) не только объявилъ одиннадцать членовъ ученія Виклефа еретическими, но и предписывалъ оксфордскому университету и королю Эдуарду употребить противъ еретика свою власть и заключить его въ мрачную тюрьму. Но ни университетъ, гдѣ большинство состояло изъ друзей Виклефа, ни король и не думали объ исполненіи папскаго указа, а потому гордый и могущественный кентерберійскій архіепископъ долженъ былъ ограничиться тѣмъ только, что призвалъ Виклефа въ торжественное собраніе епископовъ въ церкви св. Павла въ Лондонѣ, чтобы произвести тамъ судъ надъ нимъ. Въ назначенный срокъ, дѣйствительно, явился Виклефъ, но онъ явился не одинъ, а въ сопровожденіи могущественнаго Іоанна, герцога ланкастерскаго, и отважнаго лорда Перси, а равно и многихъ другихъ бароновъ и рыцарей. Когда епископы, побуждаемые Вильгельмомъ, епископомъ лондонскимъ, хотѣли осудить еретика, граждане Лондона, принимавшіе всѣ сторону Виклефа, подняли такой страшный шумъ, что архіепископъ, опасаясь, вооруженной борьбы, до окончанія

суда распустилъ собраніе. Этимъ однакожъ дѣло не кончилось. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, назначено было второе собраніе въ ламбетской капеллѣ. Виклефъ явился и сюда, но опять въ сопровожденіи герцога ланкастерскаго, лорда Генриха Перси, лорда Людвига Клиффорда и нѣкоторыхъ другихъ, къ тому же за него стояли всѣ граждане Лондона, такъ что и это второе собраніе кончилось тѣмъ же, чѣмъ и первое. Это было въ 1377 году. Хотя въ этомъ же году и умеръ Эдуардъ III, но и преемникъ ею, Ричардъ II тоже принялъ Виклефа подъ свое покровительство. Къ тому же 27 марта 1378 г. умеръ и папа Григорій XI. Со смерти его, какъ извѣстно, начался великій церковный расколъ 1), причемъ римскій папа Урбанъ VI препирался о папскомъ достоинствѣ съ авиньонскимъ Климентомъ VII. Весь латинскій міръ раздѣлился тогда между двумя папами, и такъ какъ англійское правительство признало законнымъ архипастыремъ Урбана VI, то этотъ, съ своей стороны, не рѣшался на какой нибудь шагъ непріятный для короля Ричарда,—уже изъ одного опасенія, чтобы онъ не перешелъ на сторону Климента VII. Такимъ образомъ Виклефъ безопасно и безпрепятственно могъ заняться развитіемъ и распространеніемъ своего ученія. Въ слѣдствіе этого, единомышленники и ученики его въ скоромъ времени прошли всю Англію и вездѣ проповѣдывали „необходимость преобразованія римской церкви и начать такое преобразованіе съ отнятія у клира мірскихъ богатствъ. Такая проповѣдь не могла быть не по сердцу ни королю, ни баронамъ, ни даже народу. Еще больше, чѣмъ такимъ своимъ ученіемъ, пріобрѣлъ себѣ приверженцевъ и послѣдователей Виклефъ тѣмъ, что въ это время онъ началъ переводъ библіи на англійскій языкъ (трудъ этотъ оконченъ имъ въ 1383 г.), потому что теперь даже міряне могли сравнивать римское католичество съ простотою первобытнаго христіанства и подвергать первое строгой критикѣ или лучше осужденію 2).

1) См. объ этомъ времени статью «Непогрѣшимость папъ» въ V-й кн. Вѣстн. Зап. Россіи за 1867 г.

2) Виклефъ перевелъ не всю библію, а только часть ея, особенно Новый Завѣтъ. Переводъ же остальной части библіи продолженъ былъ Іоанномъ Тревизскимъ, окончившимъ его въ 1387 г. Какое необыкновенное впечатлѣніе произвелъ на народъ переводъ евангелія, это видно изъ свидѣтельства современнаго Виклефу исторіографа Книгтона, который говоритъ, что «теперъ даже

Каждому мыслящему нельзя было не замѣтить разительной противоположности между евангельскимъ идеаломъ пастыря и пародіею на этотъ идеалъ, представляемою тогдашнимъ духовенствомъ и особенно его главою, и потому проповѣди Виклефа привлекли къ нему весьма многихъ, не смотря на то, что онъ являлся еретикомъ относительно главнѣйшихъ пунктовъ р. католическаго вѣроученія. Сюда особенно относится его опровержение ученія „о транссубстанціаціи"—пресуществленіи выдовъ хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христову. Противъ такого дерзкаго опровержения возстали весь клиръ,доктора оксфордскаго университета и въ главѣ ихъ канцлеръ Вильгельмъ Бартонъ, глубоко оскорбленные въ своемъ священническомъ достоинствѣ. Они, подъ угрозой отлученія и тюремнаго заключенія, запретили ему прикасаться св. тайнамъ. Эта угроза однакожъ не устрашила Виклефа, напротивъ, онъ, 1382 г., представилъ королю и парламенту проэктъ совершеннаго преобразованія церкви, доказывая, предварительно, что, при развращенности и невѣжествѣ тогдашняго духовенства, необходимо преобразованіе радикальное, и что мірскія владѣнія, принадлежащія духовенству, составляютъ корень симоніи, еретичества, забвенія евангелія, источникъ всякой вражды, распущенности и нестроенія. Парламентъ принялъ представленный проэктъ; нижняя палата объявила себя за проэктъ, но палата лордовъ, гдѣ большинство составляли епископы, осудила Виклефа, какъ еретика. Къ послѣднему мнѣнію присоединился и король, находившійся тогда подъ сильнымъ вліяніемъ кэнтербурійскаго архіепископа и, такимъ образомъ, не уваживъ мнѣнія нижней палаты, въ іюлѣ 1382 г., издалъ декретъ, въ силу котораго еретики: І. Виклефъ, І. Астонъ, Н. Герсфордъ и Ф. Реппиндонъ должны быть схвачены и представлены кэнтерберійскому архіепископу, а ихъ сочиненія и книги сожжены. Послѣдніе трое добровольно явились къ архіепископу и, можетъ быть, изъ страха, отреклись отъ своихъ мнѣній. Что же касается Виклефа, то онъ не только не явился добровольно и не былъ схваченъ насильно, но даже нижняя палата сильно протестовала противъ королевскаго эдикта, объясняя въ своемъ протестѣ, что въ высшей степени невыгодно будетъ преслѣдовать Виклефа, всегда защищавшаго

женщины гораздо лучше знаютъ Новый Завѣтъ, чѣмъ прежде ученые изъ клира.»

свѣтскую власть противъ духовной, что слѣдуетъ немедленно отмѣнить изданный декретъ, а такъ называемаго еретика Виклефа взять подъ свое особенное покровительство. Конечно, и Урбанъ VI требовалъ Виклефа на судъ къ себѣ въ Римъ, однакожъ Виклефъ оставался при своемъ приходѣ въ Люттерверте и папа не могъ вытребовать его оттуда, потому что королю не нравилось вторженіе папы въ его внутреннія дѣла 1). Такимъ образомъ Виклефъ спокойно оставался въ своей деревнѣ до 1384 г. т. е. до самой своей смерти.

Въ нашъ планъ не входитъ подробное изложеніе ученія Виклефа, и потому мы ограничимся общимъ замѣчаніемъ, что Виклефъ во многомъ сходствомъ съ позднѣйшими реформаторами и въ дѣлахъ вѣры основывался на одномъ евангеліи. „Нѣтъ", говорилъ онъ, „авторитета, который былъ бы выше или даже равенъ писанію, и нѣтъ другаго ходатая, кромѣ Господа и Спасителя нашего." Сообразно такому общему положенію, онъ отвергалъ ходатайство святыхъ, *транссубстанціацію*, ученіе объ отпущеніи, чистилищѣ и т. д., а прежде всего отвергалъ ученіе о главенствѣ папы. Короче, онъ проповѣдывалъ почти тоже самое, что проповѣдывали впослѣдствіи Лютеръ и Цвингли, и, по мнѣнію папистовъ, ересь его была очевидна, а если онъ не попалъ на костеръ, то этимъ обязанъ единственно покровительству короля 2) и парламента. Покровительство это имѣло слѣдствіемъ еще и то, что ученіе его быстро распространилось по всей Англіи, потому что его ученики и послѣдователи, напр. Іоаннъ Перней, Іоаннъ Паркеръ, Робертъ Швиндерлей, Вальтеръ Диссъ (бывшій кармелитскій монахъ, безстрашно раскрывшій предъ публикой тѣ ужасные пороки и беззаконія, которые

---

1) Вмѣсто Виклефа добровольно отправился въ Римъ Н. Герефордъ защищать ученіе Виклефа предъ папой. Естественнымъ слѣдствіемъ было то, что его осудили на заточеніе. Однакожъ не рѣшались сжечь его изъ опасенія разгнѣвать короля Ричарда, который, пожалуй, перешолъ бы на сторону «антипапы.» Герефордъ содержался подъ строгимъ карауломъ, пока не возсталъ римскій народъ противъ Урбана VI и не выпустилъ всѣхъ заключенныхъ. Получивши свободу, онъ поспѣшилъ въ свое отечество, чтобы поддержать тамъ дѣло начатое Виклефомъ.

2) Король Ричардъ II, въ религіозномъ отношеніи, былъ, какъ кажется, индифферентистъ, но его супруга Анна, дочь императора Карла IV, съ которой онъ вступилъ въ супружество въ 1882 г., была ревностная послѣдовательница Виклефа.

совершались въ монастыряхъ) и другіе совершенно открыто возстали противъ папства, и если случалось гдѣ-нибудь епископу схватить еретика, то гражданская власть тотчасъ освобождала его и брала подъ свое покровительство. Такъ, въ 1383 г., епископъ линкольнскій захватилъ виклефіанца Вельгельма Швиндибрея и хотѣлъ уже сжечь его безъ всякаго суда, но герцогъ ланкастерскій прибылъ въ Линкольнъ съ вооруженною свитою и освободилъ узника, обреченнаго на смерть. Въ такой же мѣрѣ безуспѣшны были дѣйствіе архіепископа кентербурійскаго, которому удалось захватить въ свои руки Іакова Тайлора и Вильгельма Шмета, потому что самъ король не только настоялъ на освобожденіе этихъ еретиковъ, но и заставилъ архіепископа снять съ Лейчестера интердиктъ, которому подвергся этотъ городъ за свою ересь. Кратко сказать, виклефитство распространилось такъ широко, что, по свидѣтельству одного р. католическаго историка, „въ Англіи нельзя было встрѣтиться съ двумя человѣками, въ числѣ которыхъ бы не было одного виклефита.“

Такое положеніе дѣлъ грозило папству паденіемъ его власти въ Англіи, а потому папы должны были озаботиться пріисканіемъ дѣйствительныхъ мѣръ къ прекращенію опасной для нихъ ереси. Виклефитство должно быть *безусловно* истреблено, нужно непремѣнно восторжествовать надъ ересью, хотя бы путь къ торжеству лежалъ „чрезъ трупъ короля.“ Таково было безотмѣнное рѣшеніе папы. Ультрамонтанская партія хорошо понимала, что ничего нельзя было сдѣлать съ ересью, пока живъ былъ Рычардъ II, котораго никакимъ образомъ невозможно было склонить на свою сторону, и потому она рѣшила положить конецъ его правленію посредствомъ революціи. Поводъ къ революціи она нашла въ томъ, что у короля не было дѣтей. Но у него было четыре дяди—герцоги: люнельскій, ланкастерскій, іоркскій и грочестерскій, братья покойнаго Ричардова отца. По законамъ Англіи, въ случаѣ смерти бездѣтнаго короля Ричарда, ему долженъ былъ наслѣдовать старшій сынъ старшаго изъ королевскихъ дядей, герцога ліонельскаго (самъ герцогъ уже померъ), *Рожеръ Мортимеръ*. Но Мортимеръ былъ вовсе не изъ такихъ людей, какіе нужны были римской партіи, такъ какъ онъ былъ либеральнѣе самаго Ричарда. Поэтому ультрамонтаны обратили свои взоры на старшаго сына герцога

ланкастерскаго, Генриха, который составлялъ совсѣмъ совершенную противоположность своему отцу, и потому была основательная надежда на поддержку папскихъ намѣреній. Посредникомъ избранъ былъ новоопредѣленный архіепископъ контербурійскій *Ѳома Арундель*, смертельный врагъ Ричарда II, который, за государственную измѣну, велѣлъ казнить его брата, графа Арунделя, въ 1396 г. Принцъ Генрихъ, прельстившись блеснувшею ему надеждою возсѣсть на простолъ Англіи, вошелъ въ ближайшія секретныя сношенія съ архіепископомъ и другими папскими приверженцами и сдѣлалъ необходимыя приготовленія къ огромному заговору. Такъ какъ Ричардъ II своими тяжкими поборами и своею расточительностію вооружилъ противъ себя подданныхъ, то естественно, что большая часть королевства отнеслась съ сочувствіемъ къ затѣваемой Арунделемъ революціи; но Ричардъ сталъ догадываться о существованіи замысловъ противъ него, и потому, въ концѣ осепе 1396 г., выслалъ изъ государства какъ Арундеели, такъ и двоюроднаго брата своего Генриха ланкастерскаго. Этимъ думалъ онъ, положенъ конецъ всякимъ противъ него козням, и потому, въ апрѣлѣ 1399 г., отправился въ Ирландію для подавленія обнаружившагося тамъ возмущенія; но едва только король оставилъ свою столицу, какъ Ѳома Арундель, не смотря на свою опалу, поспѣшилъ въ Лондонъ, переговорилъ съ расположенными къ нему вельможами, и съ вожделѣнными вѣстями поскакалъ обратно въ Парижъ, чтобы уговорить тамъ Генриха ланкастерскаго, пользуясь отсутствіемъ короля и нелюбовію къ нему знати и народа, сдѣлать вторженіе въ Англію. Все совершилось по его желанію. 4-го іюля 1399 года Генрихъ высадился въ Англію, и тутъ же на его сторону перешли графы нортумберландскій и вестмореландскій, такъ что войско Генриха дошло до 60,000 человѣкъ. Въ это время и Ричардъ воротился изъ Ирландіи и, такъ какъ у него было тоже сильное войско, то нельзя было еще предвидѣть, чѣмъ кончится борьба между соперниками. Но кентербурійскій архіепископъ успѣлъ поставить дѣло такъ, что Ричардъ, не подозрѣвая хитрости и вѣроломства, охотно согласился вступить въ переговоры съ Генрихомъ. Личное свиданіе ихъ состоялось въ августѣ 1399 г., и слѣдствіемъ этого свиданія было, что Генрихъ велѣлъ довѣрившагося ему Ричарда засадить сначала въ замокъ

Флинтъ, а оттуда, въ скоромъ времени, перевелъ въ Товеръ, гдѣ содержались государственные преступники. Тутъ онъ принудилъ его отречься отъ престола, а потомъ перевелъ его въ замокъ Посифретъ, въ графствѣ Iоркскомъ, гдѣ Ричардъ 11, 14 февраля 1440 г., умеръ отъ голода.

Ультрамонтаны достигли теперь того, чего желали. Генрихъ ланкастеръ взошолъ на престолъ Англiи подъ именемъ *Генриха IV*, и Ѳ. Арунделя, архiепископа кэнтербурiйскаго,— главное орудiе папы и главнаго противника виклефитовъ, сдѣлалъ первымъ своимъ совѣтникомъ. Слѣдствiемъ такой перемѣны въ правленiи и въ совѣтѣ было *истребленiе еретиковъ*. Сначала, впрочемъ, взялись за это дѣло съ большою осторожностiю, чтобы крутыми мѣрами не произвести возстанiя въ народѣ; духовенство удовольствовалось, пока, тѣмъ, что заключало еретиковъ въ темницы, или принуждало къ отреченiю отъ ереси. Но въ скоромъ времени оно взялось за дѣло истребленiя ереси съ большею смѣлостью и убѣдило короля примѣнить и къ Англiи инквизицiонныя мѣры, до того времени здѣсь неизвѣстныя. Вслѣдствiе этого, всѣ гражданскiя власти, всѣ королевскiе чиновники получили строжайшее повелѣнiе арестовать всѣхъ виклефистовъ и представлять мѣстнымъ епископамъ. Чтобы легче было узнавать, кто еретикъ и кто нѣтъ, указаны были и признаки, которыми должны были руководствоваться тѣ, на которыхъ возлагалась обязанность ловить еретиковъ. „Еретикомъ должно считать всякаго," такъ сказано въ инквизиторской инструкцiи, „кто не кланяется иконамъ, или не лобызаетъ ихъ, кто не преклоняетъ колѣнъ предъ крестомъ, кто имѣетъ у себя библiю на англiйскомъ языкѣ, или слушаетъ читаемое изъ ней, или водитъ знакомство съ имѣющимъ у себя библiю, или посѣщаетъ подозрительныхъ особъ, кто не каждую недѣлю ходитъ на миссу, или неуважительно отзывается о какомъ либо священникѣ, или кто даже движенiями физiономiи выражаетъ, что у него есть что нибудь досточтимѣе римскаго католичества." Изъ этой инструкцiи видно, какъ легко было навлечь на себя подозрѣнiе въ ереси. Но еще легче было „подозрѣваемаго" сдѣлать дѣйствительно „виновнымъ въ ереси;" потому что духовенство въ потребныхъ случаяхъ не стѣснялось употреблять въ дѣло и орудiя пытки. Уже съ 1401 г. ярко запылали костры, и первою жертвою инквизицiи былъ

Вильгельмъ Савутръ. За нимъ скоро послѣдовала сотня другихъ; введенная же при этомъ система доносовъ развилась такъ широко, что въ скоромъ времени сосѣдъ не могъ положиться на сосѣда, другъ на друга, родственникъ на родственника. Доносы сдѣлались часты оттого, что у обвиненнаго обыкновенно конфисковалось все его имущество, и третья часть его поступала въ пользу доносчика. Впрочемъ, не ограничились заточеніемъ и сожженіемъ еретиковъ, но воздвигли гоненіе и на то написанное слово, отъ котораго исходила ересь (гоненіе прежде все на переведенную библію), и всѣ попадавшіеся экземпляры сожигали такимъ же торжественнымъ образомъ, какъ и живыхъ людей. Добирались даже и до мертвыхъ, наприм., достали изъ могилы трупъ Виклефа, торжественно сожгли его и пепелъ разсѣяли по воздуху! Такія дѣйствія показались народу слишкомъ звѣрскими, и нижняя палата сдѣлала королю представленіе, чтобъ онъ ограничилъ законъ о казняхъ. Хотя энергическій протестъ народныхъ депутатовъ принятъ былъ королемъ, но такъ какъ палата лордовъ, гдѣ засѣдали епископы, сильно возстала противъ представленія нижней палаты, то съ 1413 г. гоненія на еретиковъ еще ожесточились. Въ числѣ многихъ другихъ, въ это время сожжены были: Вильгельмъ *Тайлоръ*, Іоанъ *Клейтонъ*, Іоаннъ *Бровнъ*, Вильгельмъ *Торпъ*, Іоаннъ *Беверлей*, Ѳома *Будби* и рыцарь Ромеръ *Актонъ*. Только не многіе изъ виновныхъ въ ереси, для спасенія своей жизни, отреклись отъ своихъ убѣжденій, напр. Вильгельмъ *Тонъ*, Рудольфъ *Онтридъ* и др. Такъ дѣло шло во все правленіе Генриха IV. Но и при сынѣ, Генрихѣ V, положеніе еретиковъ не измѣнилось, какъ доказываетъ это исторія съ лордомъ *Кобгамомъ*. Этотъ сильный баронъ и даже личный другъ Генриха V возбудилъ ненависть къ себѣ клира не только своимъ собственнымъ „еретичествомъ,“ но особенно тѣмъ, что давалъ виклефитамъ пріютъ и защиту въ своихъ владѣніяхъ. Поэтому кэнтербурійскій архіепископъ призывалъ его предъ свой трибуналъ; но такъ какъ лордъ не слушался, то онъ потребовалъ отъ короля, чтобы тотъ арестовалъ его. Король исполнилъ требованіе архіепископа, велѣлъ схватить лорда, и въ 1413 г. представилъ его въ церковь св. Павла въ Лондонѣ. Вслѣдъ за тѣмъ лордъ былъ отлученъ отъ церкви и сданъ свѣтской власти для сожженія. Но послѣднее (т. е. сожженіе) уда-

лось не такъ скоро, потому что король, опасаясь безъ всякаго суда предать на казнь такого могущественнаго вассала, велѣлъ посадить лорда въ Товеръ и далъ ему пятьдесятъ дней на размышленіе. Лорду удалось бѣжать изъ заключенія и укрыться въ собственномъ замкѣ Комплини, гдѣ онъ считалъ себя безопаснымъ, потому что къ нему тотчасъ присоединились всѣ его друзья и подвассалы. Но король не оставилъ его въ покоѣ, онъ вышелъ противъ него съ войскомъ, разбилъ на голову и нѣсколько тысячъ его подданныхъ, подозрѣваемыхъ въ виклефитствѣ велѣлъ частію повѣсить, частію сжечь. Самъ лордъ, съ немногими храбрецами, пробился сквозь непріятельскіе ряды и укрылся отъ преслѣдованія въ горахъ Шотландіи. Однакожъ и тамъ онъ былъ схваченъ и представленъ въ Лондонъ. Въ лагерѣ римлянъ, радостно торжествовавшихъ побѣду, лица прелатовъ омрачались думою, озабоченною изысканіемъ болѣе мучительной казни надъ лордомъ. Его повѣсили за обѣ ноги, головой внизъ, на желѣзной висѣлицѣ и зажгли подъ нимъ слабый огонь, чтобы продлить муки и предсмертную агонію.

Не смотря на такія ужасныя мѣры, ересь, кажется, не была исторгнута съ корнемъ, потому что даже чрезъ 40 лѣтъ послѣ этого, именно въ 1457 г., встрѣчались осужденія на сожженіе, а эти случаи не доказываютъ ли, что виклефитскія убѣжденія продолжали еще существовать, хоть и въ тиши?

(Окончаніе впредь).

ПОПЫТКА ВОЗВЕСТИ ВО СВЯТЫЕ ДВУХЪ Р. КАТОЛИЧЕСКИХЪ МОНАХОВЪ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ДѢЯНІЙ ПОЛЬСКАГО МОНАШЕСТВА ВЪ XVIII ВѢКѢ.

Въ 1865 году, вмѣстѣ съ другими р.-католическими монастырями, упраздненъ правительствомъ въ Гродненской губерніи, расненскій монастырь маріанскаго ордена. Монастырская библіотека съ частью архива поступила въ виленскую публичную библіотеку, которая (да позволено будетъ выраженіе признательныхъ чувствъ!) останется однимъ изъ прекраснѣйшихъ воспоминаній о бывшемъ попечителѣ виленскаго учебнаго округа, незабвенномъ И. П. Корниловѣ. Мы имѣли случай разсмотрѣть часть переписки и считаемъ небезполезнымъ—огласать нѣкоторыя свѣдѣнія, въ ней почерп-

нутыя. Беремъ именно два любопытные момента внутренней жизни маріанскаго ордена — двѣ попытки маріанъ причислить своихъ собратій къ лику прославленныхъ церковію святыхъ. Писанныя по этому случаю письма проливаютъ довольно яркій свѣтъ на своекорыстныя стремленія польскихъ монаховъ и на средства къ ихъ осуществленію. Маріанскій орденъ, основанный въ концѣ XVII в., въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій не могъ выйти изъ своего убожества и твердою стопою утвердиться въ своей независимости. Видя безсиліе, онъ отважился, въ надеждѣ на счастье, начать въ Римѣ смѣлое ходатайство о причтеніи къ святымъ своего основателя—Станислава Папчинскаго и ученика его—Казиміра Вышинскаго. Вѣрующій въ простотѣ р.-католикъ не станетъ изслѣдовать исторіи, а преклонится въ благоговѣйномъ трепетѣ предъ новоявленными святыми, чего и надобно было ордену для денежныхъ и другихъ соображеній. Переписка достаточно знакомитъ насъ съ тѣмъ, по какимъ побужденіямъ орденъ внезапно возгорѣлся ревностію къ славѣ имени Божія,—какъ онъ, согласно духу латинства, понималъ святость,—что дѣлалъ для увеличенія молвы о мнимыхъ святыхъ,—какъ настраивалъ полезныхъ свидѣтелей и какими иными происками шелъ къ своей незаконной цѣли. Попытки эти не удались, но только единственно потому, что орденъ не могъ бороться ни съ алчнымъ корыстолюбіемъ Рима, ни съ своимъ собственнымъ убожествомъ. Впрочемъ и въ такомъ видѣ онѣ составляютъ прекрасное примѣчаніе къ знаменитой похвалѣ, что «Польша—мать святыхъ». Провидѣніе несомнѣнно награждаетъ заслуги истинныхъ святыхъ, — но исторія имѣетъ также священное назначеніе—служить истинѣ и, по силѣ этого, имѣетъ ли она право напримѣръ глупца, разбойника, лицемѣра, фанатика называть иными именами, пока не получила на сіе точныхъ свидѣтельствъ? Въ польскомъ католическомъ мірѣ исторія имѣетъ довольно указаній, что Кунцевичи, Боболи, Фабіаны и мн. др. служили политическимъ знаменемъ вражды одной народности къ другой. Ложь предъ истиною лжива, — и слѣдов. безпристрастіе должно согласиться, что если съ вѣроятностію доказана истина, то не можетъ и ложь оставаться не обличенною. Свѣдѣнія о дѣйствіяхъ маріанскихъ монаховъ, заимственныя изъ подлинныхъ, вполнѣ достовѣрныхъ источниковъ, освѣтятъ, надѣемся, нѣсколько тотъ путь, котораго должно держаться осторожное историческое изслѣдованіе при встрѣчѣ со многими другими случаями, подобными настоящимъ. Обманываетъ

ли нас надежда, пусть судит тот, кто внимательно прочтет предлагаемую заметку. Прибавим, что мы старались как можно более дать случаев — говорить самим действующим лицам, да от уст своих осудятся или оправданы будут.

Переписка начинается письмом из Рима—от прокуратора маріанскаго ордена Казиміра Вышинскаго к генеральному препозиту ордена Каетану Ветыцкому.

(Перевод с латинскаго.)

«Рим 16 ноября, 1751 года. Здѣсь в Римѣ я старался вписать в список «честных» (venerabilium) нашего святой памяти основателя Станислава. Но пока не начнется сперва дѣло перед мѣстною властью, до тѣх пор никто в Римѣ вписан быть не может, равно и «честным» именуем быть не должен. И когда я совѣщался об этом с адвокатом «святых» (т. е. по дѣлам о святых), то первым дѣлом он весьма удивился нашей небрежности в том именно, что отзываемся уже через 50 лѣт по смерти сего отца, тогда как, по кончинѣ такого мужа, в надеждѣ святости, (вдруг же) слѣдовало начинать дѣло; как здѣсь напримѣр и 15 лѣт не прошло еще по кончинѣ подобных мужей, а они уж не только «честными» стали, но скоро блаженными сдѣланы будут. Но, когда я изложил ему, что до сих пор были у нас разныя препятствія и преслѣдованія с разных сторон нашего закона (ордена), — мы должны были вперед стараться, как бы установить закон и оградить его от преслѣдователей, — а потом наступил мор и войны разныя, и таким образом мы не имѣли удобнаго времени для производства дѣла об исполненной святостію жизни нашего основателя,—тогда он велѣл как можно скорѣе озаботиться началом дѣла перед мѣстною властію, пока еще живы кто либо из лиц, его знавших, дабы свидѣтели очевидцы могли дать свидѣтельство о знаменіях святости его (de odore sanctitatis), так как на такого рода свидѣтелей не потребны большія хлопоты и издержки в дѣлах о святых людях. Как нужно будет поступать в этом случаѣ, я в будущем мѣсяцѣ пришлю о том инструкцію, составленную адвокатом, а между тѣм вам нужно повидаться с тѣми, которые его знали, как напр. с г. Инчинским, равским кастеляном, который знал о нем, а также поискать около

Горы, Пущи, Студяны, Левичина и по другимъ мѣстамъ, а также внушите нашимъ законникамъ (монахамъ), чтобы развѣдывали у таковыхъ о его жизни и дѣлахъ, и, если отъ кого услышатъ что либо важное, то пусть ихъ, въ особенности же свидѣтелей очевидцевъ, обязываютъ не жалѣть трудовъ, если бы пришлось давать свидѣтельство о его святости, когда начнется дѣло предъ мѣстною властію. Назову, которыхъ я помню: панъ кастелянъ равскій, панна Отолія доминиканка въ Горѣ, панъ Ловчій, органистъ въ Горѣ, да Михаилъ старый, п. Белизина, Брыльскій. Можетъ быть, тамъ въ Горѣ и еще кто найдется изъ стариковъ, также и въ Варшавѣ, и около Пущи въ домѣ Карскихъ, ибо и дѣти могутъ быть свидѣтелями относительно того, что слышали отъ своихъ родителей. Если же кто найдется около Гозлина, пусть вспомянетъ о побитіи арапниками ксендза Вильде, равно какъ и его же проповѣдь, которая есть по этому дѣлу въ архивѣ; такъ какъ это случилось при жизни отца нашего, то и можетъ быть приписано его святымъ молитвамъ; въ домѣ Лакоцкихъ объ этомъ можетъ быть всего болѣе извѣстій. Пишу также письмо къ о. виленскому ректору (піаровъ) о томъ, чтобы онъ, какъ обѣщалъ мнѣ, напечаталъ жизнь Станислава; попроси его и ты и, велѣвши выписать изъ протоколовъ о жизни, перешли ему съ вѣрною оказіею; ибо въ подобныхъ процессахъ гораздо болѣе значитъ житіе, изданное посторонними, чѣмъ—своими. Изъ этого изданія и мы въ состояніи будемъ узнать много такого, чего теперь не знаемъ; ибо у этихъ отцовъ Станиславъ много имѣетъ вѣса,—считаютъ они его положительно чуть не другимъ послѣ благословеннаго Каласантія. Братъ Францискъ и отецъ Павелъ также знали о его благочестивой жизни, равно и тѣ, которые слышали кое-что отъ нашихъ старшихъ. Сочиняться житіе его будетъ тоже не нами самими, а есть написанное отцами реформатами, хорошо расположенными къ его святости, т. е. покойнымъ Клейномъ и Мансветомъ Лепориніемъ, которые были провинціалами, у насъ когда-то состоявъ лекторами. Также писанія и разныя мелкія сочиненія его, изъ которыхъ можно видѣть его добродѣтели; разные консисторскіе акты, свидѣтельствующіе о его ревности, привиллегію короля Яна и пр. Также кс. оффиціала заблаговременно обяжите, чтобы, когда прійдетъ изъ Рима инструкція, не пожалѣлъ трудовъ по этому дѣлу. А для того, чтобы тебѣ легче было распоряжаться этимъ дѣломъ и процессомъ, я выслалъ изъ Рима кс. Канта, подбивши его на эту

работу, — такъ какъ онъ здѣсь присмотрѣлся къ подобнаго рода дѣламъ; я желалъ бы, чтобы ты назначилъ его прокуратором (ходатаемъ) по этому дѣлу. Теперь онъ долженъ быть недалеко отъ Польши, ибо изъ Рима выбрался въ первыхъ числахъ сентября,— развѣ, можетъ быть, въ Прагѣ замѣшкался у своихъ.

P. S. Нужно будетъ ко гробу V. P. (Venerabilis Patris, т. е. Станислава) велѣть сдѣлать по скорѣе петли и, взявъ въ консисторіи оффиціальное разрѣшеніе (какъ и на переложеніе тѣла нюю получено таковое, которое вшито въ протоколъ или въ Горѣ, или въ архивѣ ордена: не явить ли и его оффиціально для будущаго удобства), прибить ихъ и замкнуть. Дѣлать же это осторожно, чтобы до замкнутія никто не провѣдалъ изъ нашихъ и изъ чужихъ и не разбилъ бы костей. Ибо въ подобныхъ процессахъ много оказывалось у слугъ Божіихъ недостатковъ именно оттого, что не были замкнуты ихъ гробы или раки: ихъ кости бывали выбраны, а на мѣсто ихъ накладено чужихъ, или же къ настоящимъ подмѣшано было чужихъ; и когда, по приказанію апостольской столицы, начинался осмотръ ихъ костей, то находимо было костей или менѣе или болѣе или перемѣшаны онѣ были съ другими, и затѣмъ бывала большая проволочка процессовъ и большія издержки, прежде чѣмъ удавалось распознать настоящія кости отъ подложныхъ. Или напр. кости куда нибудь запропадали, такъ что нерѣдко по такимъ лживымъ поводамъ прекращались самые процессы, или же протягивались съ величайшими издержками, пока наконецъ удавалось открыть истину, какъ напр. случилось при осмотрѣ благословеннаго Яна Друклянскаго. Хотя тамъ гробъ былъ и замурованъ, хотя и запоромъ снабжонъ, а, когда пришлось къ дѣлу, найдены кости перемѣшанными съ чужими,— и нѣкоторыхъ костей болѣе, чѣмъ человѣку слѣдуетъ имѣть, а другихъ менѣе, и много потомъ было трудовъ и расходовъ. У насъ же теперь гробъ только что подъ поломъ лежитъ. Такъ (т. е. какъ я говорю) принято въ обычай сохранять тѣхъ, о коихъ есть слава святости, и притомъ же всѣ эти предосторожности принимаются прежде, чѣмъ начнется самый процессъ. Прибивая же петли, слѣдуетъ дѣлать это секретно, не обнародывать, и чтобы не было при этомъ никакого стеченія чужихъ людей, кромѣ слесарей и монаховъ, потому что не будь этой осторожности при замыканіи и устроеніи гроба, этимъ самымъ попрекнули бы насъ въ доказательство, что мы даже промежь себя не имѣемъ добраго убѣжденія

въ святости достопочтеннаго отца; тогда какъ такое доброе убѣжденіе, хотя и не должно быть распространяемо всенародно но, между нами должно быть сохраняемо и во время производства дѣла не скрываемо. Для того же, чтобы явить документальныя свидѣтельства его святости и добродѣтелей, слѣдуетъ это первое и послѣднее разрѣшенія, полученныя изъ консисторіи, вписать въ протоколы конгрегаціи и спрятать въ архивъ въ Пущѣ, ради будущаго свидѣтельства, когда станутъ Станислава производить или въ «честные», или же въ «блаженные», или же захотятъ его канонизировать (т. е. причислить къ лику святыхъ, всею церковью чествуемыхъ). Составляю также списокъ нѣкоторыхъ его святыхъ дѣлъ и чудесъ, о которыхъ слышалъ у своихъ и чужихъ. А такъ какъ это дѣло не обойдется безъ значительныхъ расходовъ, то я желалъ бы, чтобы заблаговременно былъ отправленъ какой либо вѣрный монахъ по сеймамъ и сеймикамъ собирать на производство дѣла у разныхъ благотворителей, а другой пусть займется изысканіемъ документовъ, не то пусть и всѣ стараются, чтобы Господь Богъ открылъ славу святаго Своего. А когда я изложилъ здѣсь адвокату святыхъ жизнь его и подвиги, онъ несомнительно высказалъ увѣренность, что дѣло наше будетъ имѣть хорошій конецъ. И да будетъ сіе для большаго прославленія Господа и для возвышенія почестей непорочному зачатію Пресвятой Богородицы, ибо весьма упала (нынѣ) эта тайна непорочнаго зачатія. Такъ напр. и въ самомъ Римѣ находится много противящихся ей знатныхъ особъ и ученыхъ—особенно вслѣдствіе того что одинъ докторъ, пользующійся у всѣхъ уваженіемъ, издалъ противъ непорочнаго зачатія книжку, которая пошла въ гору, и многіе стали опираться на авторитетъ такого доктора. А впрочемъ Господь Богъ возбудилъ одного бернардина, который отвѣтилъ на эту книжку основательнѣйшими возраженіями, разбивая ее и утверждая непорочное зачатіе Пресвятой Дѣвы, на что ему отвѣчала школа упомянутаго доктора; но онъ и этотъ отвѣтъ разбилъ изданіемъ новой книжки. Теперь ужъ больше не отзывается никто противъ нея, и только зараза послѣ первой книжки успѣла крѣпко засѣсть въ головахъ. Въ такомъ-то упорствѣ пребываютъ многія великія особы церкви Божіей, почему и мнѣ во многомъ неудачи; отецъ же с. Луб. (?) благопріятствуетъ тайнѣ непорочнаго зачатія и самъ издалъ объ этомъ книги, но не хочетъ раздражать упорныхъ, чтобы не возникла какая либо ересь, а ждетъ, что сами

они опамятуются или одумаются: много бы этому помогло прославленіе нашего основателя, да покроетъ его Господь славою святаго житія и чудесами, яко ревнителя непорочнаго зачатія»....

Вѣтыцкій, во исполненіе этого письма, сталъ хлопотать, чтобы выдали позволеніе на вторичный вынемъ тѣла изъ земли, потому что гроба замкнуть нельзя было, по «совершенно истлѣвшему его состоянію». Варшавскій кс. инстигаторъ обѣщалъ это, если будетъ представлено въ консисторію выданное прежде дозволеніе. Было не мало хлопотъ съ поисками по разнымъ архивамъ нужнаго документа; впрочемъ въ началѣ 1752 г. требуемое изъ консисторіи дозволеніе получено. Тѣмъ временемъ римскій корреспондентъ Казиміръ Вышинскій снова писалъ: «посылаю къ виленскому ректору (піарской коллегіи) письмо на счетъ изданія жизнеописанія отца нашего. Ибо и адвокатъ настаиваетъ, чтобы жизнеописаніе было издано до начала самаго процесса—къ произведенію его въ блаженные, а пока неначнется онъ, до тѣхъ поръ (отецъ нашъ) не можетъ быть почтенъ и титломъ «честнаго», хотя бы самое произведеніе въ «блаженные» случилось и черезъ нѣсколько десятковъ или черезъ сто лѣтъ. Возведеніе же его въ блаженные будетъ стоить по меньшей мѣрѣ четыре тысячи (золотыхъ?) здѣсь въ Римѣ. Нужно бы поэтому установить на это сборъ по трибуналамъ и сеймикамъ и по добродѣямъ, а самое дѣло въ Польшѣ слѣдуетъ двигать, пока живы еще очевидцы и свидѣтели, ибо въ нихъ главная суть. Инструкція для этого дѣла еще не кончена адвокатомъ; надѣюсь прислать ее съ будущею почтою. Книжечку „Templum Mysticum" берегите, ибо здѣсь въ Римѣ она въ большомъ почетѣ, и полагаютъ по ней, что велика святость достопочтеннаго отца (т. е. Станислава). Жизнь его отошлите въ Вильну отцу ректору: пусть отвѣтитъ, есть ли надежда, что издастъ; если не онъ, надобно кого либо другаго (просить). Писанный образъ достопочтеннаго отца слѣдуетъ имѣть въ Горѣ (гдѣ почиваетъ) безъ лучей и безъ подписи Venerabilis, но съ такою подписью: „Vera effigies adm. Rndi Patris Stanislai a Jesu Maria Papczynski Institutoris, ac primi praepositi gener. congr. Immac. Conc. B. V. M. in suffragium animarum." Ибо этотъ образъ нуженъ будетъ при ревизіи гроба его. Образъ этотъ не долженъ быть въ самомъ костелѣ, но въ монастырскомъ корридорѣ или въ келіи, а всего лучше въ ризницѣ. Ноября 20, 1751.

Отъ 18 декабря римскій корреспондентъ увѣдомляетъ:

.... «Посылаю вамъ составленную здѣшнимъ адвокатомъ инструкцію для производства дѣла мѣстною властію и другую инструкцію pro probando non cultu, и всѣ къ этому подробности, такъ что посланные мѣстною властью судьи не будутъ много ломать головы, ибо все готово и составлено, чтобы ни въ чемъ не было затрудненій. Отъ этого такъ много зависитъ, что напр. когда производился процессъ объ Андреѣ Боболѣ *) безъ таковыхъ правилъ (ибо ихъ не было), то іезуиты и доселѣ имѣютъ большія издержки для пополненія недостатковъ и все-таки мало имѣютъ успѣха; это же и со многими случается, когда такихъ инструкцій не имѣютъ, а процессы починаютъ. Также и рабы Божіи, ради таковыхъ опущеній, нерѣдко выключаются изъ списковъ, или же снова приходится начинать дѣло о нихъ съ великими издержками и убытками. А такъ какъ д. отецъ (т. е. Станиславъ Папчинскій) несомнѣнно есть святой (NB. а вышеупомянутый Боболя слѣд. сомнительный?), то и требуется начать какъ можно скорѣе, пока еще могутъ быть въ живыхъ иные свидѣтели очевидцы, о которыхъ я писалъ вамъ поименно; а когда начнется процессъ, несомнѣнно найдутся и иные, если только ты поищешь ихъ. Г. Подкоморника Черскаго Грибовскаго слѣдуетъ впередъ уговорить, чтобы, если захочетъ быть свидѣтелемъ, не сказалъ бы чего непристойнаго, ибо онъ, будучи сердитъ на насъ вслѣдствіе позывовъ къ суду отъ пок. кс. Алексѣя, не простилъ этого и нашему основателю и сталъ укорять его въ одномъ непристойномъ дѣлѣ. И такъ, если бы онъ не захотѣлъ объ этомъ промолчать (ибо это дѣйствительно вещь неприличная), то не допускать его, потому что прокуратору дано право не пропускать такихъ, которые хотѣли бы злосвидѣтельствовать о чемъ либо по ненависти, а также и людей корабіевскихъ (тоже не допускать), ибо они издавна съ нами вздорятъ. Впрочемъ если бы, зная что либо хорошее, они хотѣли хорошо свидѣтельствовать, то слѣдуетъ съ ними войти въ соглашеніе, и если будутъ не прочь, допустить ихъ. Господину же подкоморнику слѣдуетъ отвѣтить, что не могло быть того, о чемъ онъ говорилъ мнѣ, т. е. чтобы столь мудрый и святой мужъ (Станиславъ), могъ учинить тотъ легкомысленный поступокъ, о которомъ онъ Грибовскій знаетъ и мнѣ

*) Трупъ его и по настоящее время находится въ б. полоцкомъ доминиканскомъ костелѣ.

сообщилъ, скорѣе онъ самъ обманутъ, чѣмъ это могло дѣйствительно случиться.» Затѣмъ римскій корреспондентъ совѣтуетъ списать инструкцію со всѣми подробностями и положить въ архивъ на всякій случай, ибо адвокатъ употребилъ все свое искуство на составленіе ея и въ тѣхъ мѣстахъ едва ли такая другая найдется. Затѣмъ продолжаетъ: «Въ вопросныхъ пунктахъ находятся такія вещи, для которыхъ свидѣтель едва ли найдется, но это ничего не значитъ; можетъ быть, найдется однако который что либо слышалъ отъ другаго; а если и такого не найдется, то судьи объ этомъ настойчиво допытываться не обязаны и не будутъ. Что же касается преслѣдованія и преслѣдователей достопочт. отца, то въ этой матеріи не слѣдуетъ ничего скрывать; все это есть въ нашемъ архивѣ въ писаніяхъ его, которыя всѣ до малѣйшаго листка подъ присягой должны быть явлены судьямъ, а также и всѣ монахи должны быть оповѣщены, не знаютъ ли и еще о какихъ либо писаніяхъ и твореніяхъ достоп. отца. Обыкновенно въ преслѣдованіяхъ рабовъ Божіихъ является ихъ святость и твердость, ибо не на иныхъ, какъ только на святыхъ, дьяволъ привыкъ воздвигать гоненія, это же относится и къ прочимъ праведнымъ и святымъ, о чемъ можешь прочесть въ твореніяхъ новаго папы въ томъ о канонизаціи святыхъ: думаю, что они должны быть въ варшавской публич. библіотекѣ Залусскаго; также вычитаешь и много другаго объ этомъ предметѣ. За подобныя то преслѣдованія, хотя отъ своихъ собственныхъ Scholarum Piarum понесенныхъ, получилъ великую славу святости и терпѣнія бл. Іосифъ Каласантскій, такъ что нынѣшній св. отецъ (папа) и съ нимъ многіе другіе сравнивали его въ терпѣніи съ Іовомъ. Также вотъ и нашъ д. отецъ не по вѣтренности вышелъ изъ благочестивой школы (scholis pius), но по таковымъ преслѣдованіямъ уразумѣлъ свое призваніе къ другому. Въ архивѣ есть тоненькая красная книжка, гдѣ д. отецъ собственноручно пишетъ о своемъ рожденіи и поведеніи своемъ въ молодости: здѣсь, онъ хотя и признается въ бываломъ нарушеніи цѣломудрія (castitatis suae), нужно однакожъ и ее представить судьѣ, ибо изъ нея можетъ быть доказано подвижническое смиреніе д. отца, а подобное паденіе въ юности случалось со многими святыми прежде, чѣмъ начали они жить свято, однако это нимало не помѣшало, когда они измѣнили къ лучшему жизнь свою: Господь оставилъ въ забвеніи грѣхи ихъ, какъ случилось съ Давидомъ и Петромъ и Павломъ, чтобы и другіе грѣшники не отчаявались, если захотятъ

обратиться. Адвокаты сказывали, что человѣкъ можетъ быть канонизованъ, если бы только 10 лѣтъ велъ жизнь святую и подвижническую (heroicam) и свято померъ, чтоже говорить о такомъ, который, поблудивши въ юности и потомъ исправившись, цѣлый вѣкъ проводитъ въ благочестіи. Чудесъ хотя и нѣтъ по смерти, на это не смотрѣть, ибо они есть въ жизни; ктому же для произведенія въ «честные» они не очень требуются, изслѣдуется только жизнь свято проведенная и украшенная подвигами, которые въ достопочт. отцѣ ясно открываются изъ всѣхъ его поступковъ и трудовъ на славу Божію. Чудеса же, если есть при жизни или по смерти, должны быть подтверждены, и это въ виду, дастъ Богъ, произведенія въ блаженные и канонизаціи. Свидѣтелями могутъ быть также и наши монахи, и напр. относительно видѣннаго ксендзъ Павелъ и братъ Францискъ, о слышанномъ же можетъ свидѣтельствовать всякій, что либо слышавшій. Свидѣтелей же, которыхъ представитъ прокураторъ, не нужно спрашивать обо всемъ, а только о томъ, что кто изъ нихъ знаетъ, и съ какимъ свидѣтельствомъ кого приведетъ прокураторъ, о томъ и скажетъ судьямъ, что «вотъ этотъ знаетъ только то,» и можетъ такой свидѣтельствовать. Посылаю счетъ, по которому слѣдуетъ заплатить г. Іоанну Баптистѣ Аллегіани и адвокату Азону, ибо въ такихъ дѣлахъ всегда двое участвуютъ; въ счетѣ поставлено за сказанныя инструкціи и за составленіе вопросовъ 24 скуди, 60 ооловъ, всего 13 червонцовъ золотыхъ, которые постарайся, пожалуйста, поскорѣе выслать. Это еще очень не дорого, ибо другіе за тѣже самыя наставленія, хотя и не столь мастерски составленныя, берутъ по 50 и по 60 скуди... Нужно ихъ поскорѣе удовлетворить, чтобы имѣть у нихъ вѣру при дальнѣйшемъ производствѣ дѣла. Дешевѣйшихъ адвокатовъ здѣсь не найдется, и ктомуже мѣнять ихъ не годится, ибо у нихъ есть взаимная сдѣлка, по которой въ Римѣ продолжаютъ процессъ тѣ самые, которые дали первыя инструкціи для начала дѣла; если же встрѣтится въ Польшѣ какое либо затрудненіе, придется къ нимъ же прибѣгнуть, и если мы не будемъ предъ ними исправны въ уплатѣ, то могутъ потомъ они мѣшать намъ и портить. Когда въ Польшѣ счастливо начнется это дѣло, прошу меня увѣдомить; нужно будетъ подготовлять дальнѣйшее и искать ходатаевъ предъ кардиналами, свят. отцомъ и всѣмъ священнымъ соборомъ, также въ конгрегаціи обрядовъ, постарайся же усерднѣе поработать въ этомъ дѣлѣ, чтобы въ твое же предстоятельство оно перешло въ

Римъ; когда же это сдѣлается, Богъ и чудесами можетъ прославить слугу своего, ибо и другихъ прославлялъ уже только послѣ заведенія дѣла, вслѣдствіе чего въ одинъ же разъ было выхлопатываемо такимъ облаженствованіе (beatificatio) и канонизація. Надѣюсь на Господа Бога, что поможетъ намъ въ этомъ дѣлѣ и дастъ намъ добродѣевъ, которые внесутъ нужную на расходы сумму примѣрно болѣе 5000 золотыхъ польскихъ. Другаго же средства на сборъ ея не имѣемъ, какъ только послать заблаговременно по сеймикамъ, трибуналамъ и пр. краснорѣчиваго прокуратора, который будетъ, восхваляя это дѣло, съ покорностію вымогать на произведеніе въ блаженные и канонизацію д. отца Станислава. Чрезъ то и слава ордена возрастаетъ и почтеніе къ святому, какъ соотечественнику ихъ, и нѣтъ сомнѣнія, что они возьмутся помогать намъ. Вѣдь вотъ же испанцы настойчиво добиваются здѣсь въ Римѣ, чтобы произведена была въ блаженныя (честная уже) Марія Агреданская, такъ и намъ слѣдуетъ поспѣшить съ нашимъ св. отцомъ, чтобы такимъ образомъ, когда будутъ возвышаться почитатели непорочнаго зачатія пр̂есв. Дѣвы Маріи, унижалось бы этимъ противное мнѣніе и помаленьку закрывались уста тѣхъ, которые открылись противъ непорочнаго зачатія по поводу книги славнаго доктора Ламиридія, противъ которой впрочемъ уже сильно отвѣчено и отвѣчается; этой же всеобщей аттакѣ противнаго мнѣнія посодѣйствуетъ и наше дѣло о д. отцѣ, искреннѣйшемъ почитателѣ непорочнаго зачатія Дѣвы Маріи. Съ три недѣли тому, здѣсь въ Римѣ померъ нѣкій рабъ Божій о. Леонардъ а Порто (ордена реформатовъ), въ чаяніи святости (я зналъ его): они ужъ тутъ увиваются, какъ бы начать процессъ о немъ, и уже распродаютъ по Риму его образки безъ лучей. Съ такимъ-то усердіемъ нужно дѣйствовать, если кто умираетъ въ чаяніи святости; иначе когда умедлится начало процесса, то возрастаютъ разныя недоумѣнія и затрудненія (которыя тѣмъ больше, чѣмъ длиннѣе проволочка), по недостатку очевидцовъ свидѣтелей, а также и по неимѣнію добраго мнѣнія учениковъ тѣхъ лицъ особливо еще если они основали какой либо орденъ».....

Затѣмъ прибавляются нѣкоторыя частныя наставленія, изъ которыхъ нѣкоторыя приводятся здѣсь въ объясненіе, на сколько тверды были доводы святости Станислава:

«......

«3) *О паннѣ Подканской и дочери ея Колумбѣ,* что (въ

чаяніи святости) онѣ пребывали подъ руководствомъ раба Божія, писано ими въ архивѣ собственноручно.

4) *Его стараніемъ въ Ясенѣ выстроенъ костелъ*— писано въ житіи.

5) *Левичинъ имѣлъ его апостоломъ своимъ*—тоже въ житіи.

6) *Непорочное зачатіе Дѣвы Маріи* — наше спасеніе и покровъ—установлено имъ; свидѣтели—наши монахи.

7) *О священникѣ чудесно исправленномъ въ Гозлинѣ* должны быть найдены свидѣтели,—о томже въ проповѣди его.

8) *О знаменіяхъ и чудесахъ, происшедшихъ въ домѣ Карскихъ*, за смертью личныхъ очевиддовъ могутъ свидѣтельствовать ихъ дѣти, внуки, что слышали, — и если бы можно,— опатъ святаго Креста — Карскій, ибо онъ долженъ былъ многое слышать отъ отца своего и бабки, отъ которыхъ и я много слышалъ.

9)*О томъ, что онъ предсказалъ возведеніе* въ провинціалы реформату Якову Вольскому, доказательствомъ послужитъ его собственная рука въ нашемъ протоколѣ при жизни д. отца, а что его рука,—во свидѣтели должны быть призваны реформаты, коихъ онъ былъ провинціаломъ.

10) *О гребнѣ* (pectine — см. ниже)., *обѣщанномъ отцу Іоахиму,* можетъ свидтельствовать нашъ кс. Павелъ и другіе наши.

11) *Объ экстазѣ въ Студянѣ и въ домѣ Карскихъ* я слышалъ отъ нашихъ стариковъ—покойника Антонія Цинскаго, покойника Іеронима и другихъ. Если еще кто либо слышалъ объ этомъ, пусть свидѣтельствуетъ.

12) *Что его погребеніе украшено было присутствіемъ монаховъ и многихъ священниковъ* и горскаго народонаселенія, — свидѣтельствовать можетъ (не знаю другаго)—отецъ Антоній реформатъ, ибо онъ прибылъ съ другимъ отцомъ въ Вечорники, когда разошелся слухъ о смерти такого славнаго слуги Божія, котораго (по его словамъ) видѣлъ, какъ онъ лежалъ на столѣ (что нынѣ въ вечорницкомъ костелѣ); наши же монахи могутъ свидѣтельствовать, какъ о. Іоахимъ, прибывшій уже послѣ его смерти, бросился къ ногамъ его, съ плачемъ взывая: «святой отче, на кого же насъ оставляешь»? и проч., что все должно было происходить по великому убѣжденію въ его святости.

14) *О томъ, какъ онъ освободилъ отъ демоновъ замокъ Жолкевскій*, я слышалъ отъ покойника Антонія Цинскаго,—могутъ свидѣтельствовать и другіе наши, ежели слышали.

15) *О чудищѣ гозлинскомъ, являвшемся въ углу зданія*, я недаромъ слышалъ около Гозлина отъ какого-то старика,—и нужны свидѣтели объ этомъ, видѣвшіе или слышавшіе.

61) *Объ истеченіи воды изъ гроба* д. отца хорошо знаютъ всѣ личные очевидцы въ Горѣ (NB. не только въ гробѣ, но и подъ гробомъ всюду была вода вслѣдствіе сырости, о чемъ будетъ ниже).

17) *Объ ударѣ, полученномъ мною надъ гробницею* раба Божія, въ знакъ того, чтобы какъ можно скорѣе хлопотать объ урнѣ (ракѣ)? для раба Божія,—наши знаютъ и могутъ засвидѣтельствовать, что я тогда же разсказалъ имъ объ этомъ, равно какъ и панъ Ловчій тоже отъ меня слышалъ, когда я просилъ у него и получилъ гробъ для раба Божія.

18) *Можно прибавить и то,* что, когда я просилъ въ консисторіи о дозволеніи перемѣнить гробъ, то оное дано было мнѣ безъ всякихъ отказовъ (tergiversationes) и проволочекъ, изъ чего можно заключить, что само епископское управленіе, предчувствуя святость раба Божія, не отрицало, что таковое дозволеніе справедливо».—Послѣ нѣкоторыхъ еще пунктовъ и предостереженій относительно того, чтобы обѣ инструкціи были четко, красиво и съ полями переписаны для судей, самый же подлинникъ спрятанъ на всякій случай въ архивъ, а также—чтобы назначеннымъ судьямъ дано было право, въ случаѣ нужды, передавать свои обязанности другимъ по усмотрѣнію, корреспондентъ прибавляетъ слѣдующее: «адвокатъ предостерегъ насъ, чтобы сохранены были останки (reliquiae) д. отца, равно какъ и келлія, въ которой жилъ онъ, но я отвѣтилъ ему, что это попорчено водою. Впрочемъ все-таки изъ уваженія къ свят. отцу съ нашей стороны онъ велѣлъ почитать и беречь,—не говорю объ останкахъ тѣла его, но слѣдуетъ спрятать тотъ столикъ, который поставленъ для органиста на хорахъ, ибо этотъ столикъ сдѣланъ изъ того амвона, на которомъ дост. отецъ говорилъ проповѣди—какъ въ костелѣ, такъ и на дворѣ (такъ какъ былъ онъ переносный),—слѣдуетъ спрятать и старую дверь, что въ монастыркѣ, ибо она, по всей вѣроятности, отъ стараго конвента и святой отецъ безъ сомнѣнія часто касался ея святыми руками, когда отворялъ и затворялъ,—и все другое, чтобы ни нашлось изъ старыхъ вещей, на чемъ бы предположительно сидѣлъ или ѣлъ дост. отецъ,—все это нужно отложить къ сторонѣ въ келью какую либо или въ библіотеку. Здѣсь (въ Римѣ) такимъ именно способомъ чествуются учениками своими

основатели разныхъ конгрегацій, хотя еще и не причтенные къ блаженнымъ: такъ напр. святаго Игнатія хотя келья и сохранилась, но показываютъ кромѣ того и простенькую старую дверь отъ стараго монастыря, единственно только ради того, что св. Игнатій отворялъ и замыкалъ ее; — а напр. бл. Іосифа Каласантскаго и св. Филиппа Нерскаго и многихъ другихъ, хотя бы и не причтенныхъ къ блаженнымъ. Такъ сохраняютъ кельи, двери, постели, матрацы, сундуки, амвоны, конфессіоналы, шкафы, перья, чернилицы и другіе горшки, миски, тарелки, ложки и пр., что только они употребляли,—также орнаты, чаши, миссалы, бревіаріи, книги и пр., что было въ употребленіи; да и при процессѣ о non cultu будутъ про это спрашивать, ибо эти вещи хотя безъ публичнаго чествованія, но по крайней мѣрѣ втайнѣ, должны быть тщательно хранимы учениками рабовъ Божіихъ. Въ Пущѣ тамъ есть изъ старыхъ распятій нѣкоторые, рѣзанные, конечно, рукою д. отца (какъ мнѣ еще въ молодости разсказывали старшіе наши),—таковыхъ три или четыре; у стариковъ—отцовъ нужно спросить, не знаютъ ли еще чего такого, что трогалъ или употреблялъ, или въ рукахъ держалъ д. отецъ: все это спрятать и понадписывать, напр.—изъ старыхъ миссаловъ, бревіаріевъ,—чашу, на которой правилъ литургію, и одинъ или два старые орната, которые, безъ сомнѣнія, должны находиться въ Горѣ, Пущѣ и Гозлинѣ, — все это спрятать и просушить, чтобы не истлѣло, и т. под. Всѣ эти вещи хранить отдѣльно—въ виду, дастъ Богъ, будущаго причтенія д. отца къ лику блаженныхъ (ибо такія-то вещи признаются останками—reliquiae), — и не для того, чтобы имъ теперь же воздавать какое либо чествованіе, но — чтобы выставить на открытую почесть послѣ причтенія къ блаженнымъ. А нужно ко всему этому прилагать стараніе заблаговременно, а не тогда, когда уже начнется процессъ, и, насколько возможно, секретно собирать эти вещи, дабы не сочтено это было за публичное чествованіе. Впрочемъ, если объ этомъ будутъ и знать наши монахи, это не составитъ публичной почести, лишь бы не показывали этого людямъ и не выдавали за святые останки, хоть бы сами они и считали ихъ таковыми, публично о томъ не разглашая чужимъ. И слѣдовательно сказать напр. больному: «поручи себя тому святому, котораго здѣсь имѣю останки»—еще не значитъ вызывать публичную почесть ему, ибо иначе святые и чудесъ не творили бы. Не говорю я этого объ останкахъ (мощахъ) костей слуги Божія, но

только о тѣхъ предметахъ, которые были въ прикосновеніи съ ними, ибо кости до рѣшенія и причтенія къ блаженнымъ разбирать не слѣдуетъ, и вообще приложить вниманіе, чтобы не были разобраны, по причинамъ прежде изложеннымъ. Шкафикъ, что стоитъ въ сакристіи въ Горѣ, вѣроятно, тоже—д. отца и заключалъ его библіотеку,—его тоже присоединить къ другимъ съ надписью; въ Пущѣ есть также старый бревіарій, бывшій, конечно, въ употребленіи д. отца, ибо много въ немъ по краямъ приписокъ его руки: спрятать и его и, разумѣется, его тоже прійдется во время процесса представить вмѣстѣ съ другими его писаніями, ибо въ немъ д. отецъ по краямъ написалъ много важнаго и святаго. Ко всѣмъ этимъ вещамъ, для большей вѣрности выспросивши у нашихъ стариковъ, дѣйствительно ли были въ употребленіи у него, привязать или прилѣпить надписи такого рода: чаша, на которой д. отецъ нашъ обыкновенно совершалъ литургію и т. д. Ибо такія вещи благосл. Іосифа Каласантскаго и другихъ нынѣ уже, когда они причтены къ блаженнымъ, выставлены на публичное поклоненіе за окнами, стеклами и пр. Стараюсь здѣсь усильно добыть костелъ, называемый Пресвятой Маріи въ кораблѣ. Если бы добыть его, то, конечно, безошибочнымъ свидѣтельствомъ пророческаго духа дост. отца сдѣлалось бы и то обстоятельство, что онъ устроилъ насъ на мѣстѣ, названномъ корабль Ноевъ (Корабеево село), дабы мы на кораблѣ Маріи могли избавиться отъ всякаго наводненія; ибо въ этомъ храмѣ дѣйствительно давно, сдѣланы старинной мозаикой всѣ святые апостолы и ангелы вокругъ Божіей Матери (чего въ другихъ храмахъ не дѣлалось), а на верху въ потолкѣ сама Божія Матерь сидящая, какъ бы въ ковчегѣ Ноевомъ плывущая, — а предъ храмомъ выставленъ и представленъ бѣлый мраморный корабль» и т. д.—Къ письму же приложенъ и счетъ, о которомъ было говорено; каждую статью о жизни, добродѣтеляхъ и чудесахъ д. отца римскіе адвокаты цѣнили отдѣльно въ 10 оволовъ; значитъ, чѣмъ святѣе было лицо, чѣмъ болѣе имѣло благочестивыхъ подвиговъ, чудотвореній и пр., тѣмъ дороже обходилось дѣло о причтеніи его къ лику избранниковъ Божіихъ и тѣмъ труднѣе было попасть въ этотъ сонмъ *).»

---

*) Буквальный переводъ письма Вышинскаго изъ Рима къ Ветицкому.

15 февраля «тѣло или кости» Станислава были переложены въ новую гробницу и при этомъ замкнуты, какъ совѣтовалъ римскій прокураторъ,— въ присутствіи лишь нѣсколькихъ монаховъ. А генеральный предстоятель (препозитъ) Ветыцкій отвѣчалъ ему, что насилу добился себѣ разрѣшенія переложить Станислава въ другой гробъ и замкнуть. Что же касается дѣла о его причисленіи къ лику честныхъ, то Ветицкій теперь (къ веснѣ 1752) не находитъ этого удобнымъ. «Это потому (пишетъ), что изъ за кс. Алексѣя на насъ разгнѣваны власти (духовныя) и я едва могъ получить позволеніе на переложеніе костей. Ктому же въ Польшѣ голодъ, ибо въ прошломъ году сѣно было плохо, жито все почти проросло, а при водахъ — затонуло, причемъ ни въ гозлинскомъ, ни въ горскомъ, ни въ пущинскомъ общежитіи хлѣба старого нѣтъ, и я ужь не знаю, какъ обойдусь дальше. И такъ, не имѣя теперь никакихъ запасныхъ средствъ, чтобы собирать судей и свидѣтелей и также чтобы дѣлать развѣдки (на что—на все потребуется значительная сумма), я долженъ сперва прибѣгнуть къ Провидѣнію Божію, дабы послало оно мнѣ хорошаго благотворителя». Впрочемъ Ветицкій добавляетъ, что разослалъ по своимъ монастырямъ запросъ о томъ, что извѣстно монахамъ о чудесахъ святаго, пророческомъ духѣ его и святой жизни. Денегъ, потребованныхъ адвокатами за данныя инструкціи, проситъ пока подождать.

Въ присланныхъ изъ Рима наставленіяхъ тамошній прокураторъ даетъ подробную инструкцію, что и какъ свидѣтельствовать предъ судьями, когда начнется на мѣстѣ дѣло о заслугахъ новопроизводимаго угодника. Послѣ общаго замѣчанія въ такомъ смыслѣ, что, хотя, по однимъ канонистамъ, нужны при дѣлѣ свидѣтели—самовидцы, но другіе канонисты, за давностію лѣтъ, считаютъ совершенно достаточнымъ свидѣтельство и людей почтенныхъ, а также и прочихъ, слышавшихъ что либо отъ своихъ родителей и стариковъ и под.... Слѣдуютъ подробности. Извлекаемъ нѣкоторыя:

.... 3) Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что дост. отецъ лежа во гробѣ просто подъ поломъ безъ насыпи или обмуровки, не издавалъ въ костелѣ никакого запаха, что могло бы служить знакомъ несомнѣнной святости. Также и втеченіи 20 лѣтъ (по протоколу въ жизни его) былъ нетлѣненъ,—а если съ теченіемъ времени разсыпался, то причина та, что вода, во время наводненія, стояла въ костелѣ ровно съ поломъ и выше, а вслѣдствіе

этого стѣнки, нарочно сложенныя по сторонамъ его гроба, будучи размыты, рушились на гробъ, раздробили его и тѣло смѣшали съ грязью и землей. Послѣ этого-то я, по данному мнѣ разрѣшенію, — и вынималъ гробъ, но впрочемъ съ однѣми ужъ костями; ибо никакимъ образомъ не могло быть того, чтобы, лѣтъ пятнадцать будучи подъ камнями, въ водѣ и грязи, онъ не разрушился. О таковомъ же нетлѣніи его записано не только въ нашихъ протоколахъ, но и старики наши разсказывали намъ, что, когда визитаторъ покойный кс. суффраганъ луцкій Ростоковскій велѣлъ открыть гробъ его (еще до наводненія) и увидѣлъ его нетлѣннымъ, то сказалъ: «а пожалуй, они станутъ еще считать его за святаго» (ибо онъ желалъ нашъ орденъ уничтожить и потому нетлѣніе для него не было убѣдительно, а д. отецъ тѣмъ не менѣе сдѣлался нетлѣннымъ), все равно-какъ онъ же въ Скорцѣ подходилъ къ престолу изслѣдовать, дѣйствительно ли чудотворно тамъ распятіе, но, пораженный силою Божіею, долженъ былъ признать его чудотворность. Кажется мнѣ, что о. Амвросій знаетъ объ этомъ, и кто можетъ, пусть свидѣтельствуетъ по крайности о томъ, что слышалъ отъ людей вѣры годныхъ.

4) О собачкѣ, убитой словомъ Божіимъ (какъ записано въ житіи его), я самъ слышалъ отъ г-жи Карской, а потомъ Ярины, подкоморницы равской, которую навѣстилъ я въ болѣзни, когда ей было безъ малаго сто лѣтъ. Она съ великимъ уваженіемъ вспоминала о нашемъ отцѣ, давала знатныя свидѣтельства о его святости и разсказала мнѣ слѣдущее о томъ, какъ онъ убилъ собачку: «имѣла я, уже замужемъ будучи, роскошную собачку, и въ молодости своей очень ее любила, — мы ѣли съ ней изъ одной тарелки, я вѣчно держала ее на рукахъ, подчасъ она мнѣ лизала губы, а я цѣловала ее. О. Станиславъ, когда бывалъ у насъ въ домѣ для исповѣди и миссы, всякій разъ выговаривалъ мнѣ, что я такъ люблю эту собачку; я же, какъ свѣтская дама, возражала ему, что это излишняя придирка; онъ же на это отвѣчалъ мнѣ, что, «сударыня, ты изъ той же тарелки, изъ которой кормишь пса, даешь потомъ остатки ѣсть людямъ—прислугѣ, а человѣкъ, вѣдь, образъ Божій, а песъ—скотина; второе же—ты часто причащаешься, а собака облизываетъ тебѣ уста, которыми ты принимала Бога живаго»,—и много иныхъ духовныхъ наставленій давалъ мнѣ, которыхъ я, по молодости своей, не принимала на счетъ этой собачки, ибо мнѣ казались они излишними придирками. Когда

я отъ перваго мужа своего понесла плодъ, то разъ св. отецъ, позванный нами для службы, сталъ говорить мнѣ; «вотъ, сударыня, теперь ты носишь во чревѣ своемъ плодъ, который да благословитъ Богъ; не пристойно теперь такъ пѣстовать собачку и заглядываться на нее, ибо, сохрани Богъ, уродишь какое либо чудовище, «что отъ такихъ причинъ нерѣдко случается съ женщинами». Я и на это не обратила вниманія. Когда сѣли мы за столъ, а собачка ко мнѣ на руки, отецъ св. Станиславъ и говоритъ: «собачка, долой»! Собачка противъ обычая, намъ на удивленіе, вдругъ же соскакиваетъ, и хотя ни онъ собачки, ни она его — терпѣть не могли, смотритъ св. отцу въ глаза, какъ бы вслушиваясь, что еще скажетъ онъ. И говоритъ св. отецъ: «собачка, издохни», и собачка вдругъ же пала и, дрыгая ногами, издохла. Всѣ мы присутствующіе ошеломѣли, а я отъ великаго страха бросилась къ ногамъ о. Станислава, прося у него прощенія въ своемъ невниманіи къ его наставленіямъ. И съ тѣхъ поръ въ семействѣ нашемъ весьма его уважали, послѣ такого чуда надъ собачкой, сама же я понесла нѣкоторыя наказанія отъ Бога за то, что не слушала такого святаго мужа». И много еще она разсказывала мнѣ про его святость и показала также надъ своею кроватью простыя деревянныя чотки; прибавивъ: «это чотки вашего отца основателя, чрезъ нихъ я испытываю великія милости Божіи — надъ собой и людьми своими и чужими, исцѣляя ими много недужныхъ *)».

5) Хорунжій равскій—Карскій, сынъ вышеназванной, много разсказывая мнѣ о святости Станислава, разсказалъ между прочимъ и слѣдующее чудо его. Въ молодости своей поѣхалъ онъ разъ на охоту и потерялъ въ полѣ лучшаго лягаваго пса, котораго всѣхъ болѣе любилъ отецъ его. Послѣ многихъ поисковъ, «когда я воротался домой, отецъ сталъ мнѣ сильно пенять, въ домѣ настала смута, и я на глаза не смѣлъ показываться отцу. Когда это дѣлалось съ большимъ неудовольствіемъ для цѣлаго двора, дня чрезъ два или три, конечно, пророческимъ духомъ прозрѣвъ наши ссоры, пріѣзжаетъ о. Станиславъ, котораго замѣтивъ, я бросился къ нему разсказывать о своемъ горѣ—и въ какую немилость я впалъ у отца. Отецъ святой и говоритъ мнѣ: не безпокойся, сынъ мой, песъ сейчасъ прійдетъ. По этому же дѣлу я осмѣлился пойти съ о. Станиславомъ къ отцу своему и, когда

*) Тоже буквальный переводъ изъ вышесказанной инструкціи.

послѣ привѣтствій начался разговоръ и отецъ, поблагодаривши, началъ жаловаться на свое горе, вдругъ, радуясь, является предъ нами потерянный песъ; свора на шеѣ была исправно привязана,— въ знакъ же того, что онъ былъ гдѣ-то въ землѣ, песъ предъ нами встряхнулся и при этомъ съ него посыпалось столько земли, что мы всѣ дивились, какъ это могло столько земли помѣститься въ шерсти его и какъ онъ не растрясъ ее прежде, пробѣжавши такое длинное поле. Но онъ какъ бы давалъ намъ этимъ знать, что освобожденіе его изъ-подъ земли послѣдовало предстательствомъ слуги Божія, для возвращенія домашняго согласія. Ибо если бы и находился онъ, положимъ, гдѣ нибудь въ ямѣ лисьей или бобровой, такъ со сворой навѣрное ни въ какомъ случаѣ не выбрался бы изъ нея, какъ и часто случается, что такіе псы, и ктому же со сворой, въ ямахъ издыхаютъ, не будучи въ силахъ выкарабкаться оттуда. Ясно, что д. отецъ, пророческимъ духомъ прозрѣвъ о возникшемъ изъ-за пса разногласіи въ семьѣ, ему преданной, нарочно пріѣхалъ и успокоилъ всѣхъ возвращеніемъ пса и примиреніемъ отца съ сыномъ. Да и песъ самый явился ни прежде, ни послѣ, но именно, когда прибылъ тотъ, кто принесъ дому покой, а земля тоже на псѣ держалась въ шерсти до тѣхъ поръ, пока не явила въ самомъ слугѣ Божіемъ причины освобожденія изъ нея пса; къ этому же и самъ Богъ явилъ слугу своего въ одномъ и томъ же домѣ умертвителемъ пса негоднаго и оживителемъ пса полезнаго»—и т. д. *).

6) Слышалъ я также или отъ нашихъ старцовъ, или въ томъ же семействѣ Карскихъ, что разъ справлялись тамъ похороны, на которыя приглашено было много духовенства, а также и нашъ о. Станиславъ, какъ приближеннѣйшій и любезнѣйшій въ семьѣ. Когда, по окончаніи службы, всѣ приглашенные сѣли, по обычаю польскому, съ благословеніемъ за столъ, то д. отецъ, сидя за столомъ, вдругъ пришелъ въ восторгъ и, имѣя, очи устремленными горѣ, сдѣлался недвижимъ. Другіе, подмѣтивъ это, никто ничего не смѣли промолвить изъ уваженія къ мужу, будучи свѣдомы о его святости, но—про себя кто ѣлъ, а кто ждалъ конца этого событія. Д. отецъ, пришедши въ себя, всталъ, прошелъ себѣ по столу, не потрогавъ ни передъ столомъ, ни за столомъ никого изъ густо сидящихъ (столъ былъ не по срединѣ,

---

*) Тоже буквальный переводъ тогожъ самаго документа.

ню у стѣны, и одни сидѣли къ стѣнѣ, а другіе—впереди стола), а также не затронувъ ни ногами, ни платьемъ ни одного кушанья, хотя столъ былъ уставленъ блюдами и тарелками такъ густо, что никоимъ образомъ нога не помѣстилась бы между ними. Видя это, никто не смѣлъ ему слова сказать, — онъ же вышелъ изъ комнаты, ни съ кѣмъ не простившись и знака никому не подавши, и велѣлъ возницѣ своему какъ можно скорѣе закладывать лошадей; такъ «уѣхалъ въ корабеевскій монастырь на Пущѣ, ничего въ тотъ день не ѣвши и не пивши. Когда же братья стали дивиться такому скорому возвращенію его, то онъ возопилъ: «братья! молитесь за умершихъ»; самъ же на долгое время или на три дня (кажется, такъ мнѣ разсказывали) заперся въ кельѣ безвыходно. Когда чрезъ нѣсколько дней одинъ изъ Карскихъ сталъ его спрашивать—«что онъ видѣлъ и куда былъ восхищенъ духомъ во время прошлыхъ поминокъ и какимъ это чудеснымъ способомъ вышелъ онъ изъ-за стола по столу»? — то д. отецъ сперва отнѣкивался, но потомъ, вынужденный настойчивыми просьбами, отвѣтилъ: «скажу, — съ тѣмъ впрочемъ, чтобы до смерти моей никому объ этомъ не было разсказываемо», и, получивъ обѣщаніе этого, прибавилъ: «былъ я въ чистилищѣ, видѣлъ души, терпящія неизглаголанную муку, — а какъ вышелъ изъ-за стола, этого самъ не знаю, ибо мнѣ казалось, что передо мною ничего нѣтъ, и я просто иду по землѣ». «Къ этому же я слышалъ еще отъ стариковъ, что, во время своихъ экстазовъ, д. о. Станиславъ бывалъ въ чистилищѣ и будто бы самъ попробовалъ нѣсколько чистилищныхъ мученій, и потому-то и взывалъ къ братіи: молитесь за умершихъ, ибо нестерпимыя претерпѣваютъ мученія» и т. д. *).

7) Разсказанъ еще одинъ подобный случай экстаза, бывшій съ Станиславомъ въ чужомъ монастырѣ. Здѣсь его чуть было не похоронили. Впрочемъ, оживши, также, какъ и выше было, велѣлъ запрягать коней и дома опять три дня не выходилъ изъ своей кельи.

8) Въ Жолкви былъ замокъ, занятый чертями, такъ что никто къ нему не могъ приступиться; и слышны были въ немъ какъ бы войсковые оклики и трескъ. Станиславъ вошелъ съ крестомъ, и это шайтайнское войско выгналъ и замокъ освободилъ.

---

*) Тоже буквальный переводъ.

9) «Слышалъ я, кажется, отъ бр. Антонія или отъ кого другаго, что Станиславъ былъ въ Украйнѣ съ войсками короля Яна, а тамъ—много могилъ воиновъ, побитыхъ въ разное время. Между этихъ могилъ ходилъ Станиславъ изъ обоза молиться за души умершихъ, и вотъ здѣсь будто бы души умершихъ обратились къ нему съ просьбою, чтобы онъ ихъ спасъ и нашелъ къ тому способъ, говоря ему: «насъ здѣсь въ чистилищѣ цѣлая республика,—гораздо больше, чѣмъ на землѣ, и мы терпимъ великія и несносныя муки, почему смилуйся надъ нами, отче, и найди способъ къ избавленію насъ». По этой причинѣ будто бы и основанъ имъ тогда же, по сношенію съ королемъ и при содѣйствіи епископа краковскаго и сословій, орденъ непорочнаго зачатія Дѣвы Маріи, для молитвъ о душахъ умершихъ.

10) Относительно дара чудотвореній римскій корреспондентъ разсказываетъ: «кажется мнѣ, что отъ кого-то слышалъ, или отъ нашихъ стариковъ—хорошо этого не знаю, не помню, а только мнится мнѣ, что отъ кого-то слышалъ, Станиславъ особенно любилъ надъ дѣтьми больными умирающими или даже и умершими (обыкновенно съ таковыми матери являлись къ нему начаще) являть милость Божію. Возьметъ онъ у матери дитя—больное или умирающее или совсѣмъ умершее, внесетъ его въ костелъ, а мать оставитъ за дверьми. Тамъ молитвами своими исцѣлитъ или оживитъ дитя, вынесетъ матери да и начинаетъ бранить: «ты меня только обманываешь. Вотъ твой ребенокъ: какъ былъ здоровъ, такъ и есть, а ты говоришь, что онъ боленъ». А когда мать начинала увѣрять, что принесла больнаго, онъ еще болѣе начиналъ браниться и т. д.

Далѣе слѣдуютъ доказательства о святой жизни Станислава, которыя всѣ 12 сводятся къ одному, что былъ, значитъ, святой человѣкъ, если удалось ему положить основаніе особому ордену непорочнаго зачатія. Впрочемъ не лишено искренней наивности то соображеніе, что двѣ женщины, мать съ дочерью Колумбою, увлеченныя почтеніемъ къ Станиславу, желали поселиться подъ непосредственное руководство его, въ особомъ домикѣ; но онъ, избѣгая толковъ, посовѣтовалъ имъ постричься въ женскій монастырь доминиканокъ. Колумба тоже умерла въ чаяніи святости, и пишущій это римскій корреспондентъ не разъ выражаетъ опасеніе, чтобы доминиканку не успѣли ученицы Станислава сдѣлать святою прежде учителя, и почему всѣ приготовленія по настоя-

щему дѣлу совѣтуетъ дѣлать какъ можно скрытнѣе относительно женскихъ монахинь.

Затѣмъ приведено нѣсколько пророчествъ, даръ коихъ имѣлъ Станиславъ. Такъ:

«Когда покойный король Августъ II возвращался со свитою изъ Кракова, послѣ коронаціи своей, въ Варшаву, черезъ Гору, гдѣ во дворцѣ ночевалъ или просто имѣлъ роздыхъ, горскіе монахи являлись къ нему и получали милостыню на свои монастыри. Нашъ основатель тоже явился къ королю, но сталъ что-то наединѣ выговаривать ему, едва ли не за бывшее большое кровопролитіе предъ возведеніемъ его на престолъ, а, можетъ быть, за что либо другое; по крайней мѣрѣ король весьма на него разсердился. Впрочемъ, свѣдомый о святости его, король долженъ былъ волей-неволей выслушать его увѣщаніе и, чтобы отвязаться отъ него, позвалъ подскарбника и велѣлъ ему отсчитать что-то 30 или около того червонцевъ,—то есть—ихъ было столько, сколько лѣтъ Августъ пробылъ королемъ. Д. отецъ, взявъ деньги, вышелъ съ ними въ залъ, гдѣ много пановъ и сенаторовъ бесѣдовали между собою въ томъ смыслѣ, что—«вотъ выбрали мы себѣ короля: доброе дѣло; только онъ долго не проживетъ.» Тогда д. отецъ, выходя, замѣтилъ имъ на это: «ошибаетесь, панове; король этотъ проживетъ не мало, а много, именно столько лѣтъ, сколько далъ мнѣ червонцевъ,» и, открывъ руку, сталъ ихъ считать, и не мало ихъ было; а паны были рады пророчеству, ибо короля любили и желали, чтобы королевствовалъ онъ подолѣе, дабы насладиться имъ покоемъ, и записали это число червонцевъ. Исполнилось это пророчество, ибо король жилъ столько лѣтъ, сколько д. отецъ ему напророчилъ. Я слышалъ это отъ о. Діонисія, онъ же отъ человѣка достойнаго вѣры.»

«По тому же духу пророчества, онъ предсказалъ, что кары Божіи постигнутъ всѣхъ тѣхъ, кто будетъ преслѣдовать его орденъ, какъ и дѣйствительно на многихъ это сбылось уже, а на иныхъ сбывается, что гибнутъ ихъ семейства или сами терпятъ большія несчастія. Такъ напр. подстароста Затроскій, который наѣзжалъ на нашу границу, дѣлалъ намъ несправедливости, при чемъ даже одинъ монахъ нашъ былъ убитъ, дошелъ теперь до страшнаго положенія и весь источенъ червями. Въ *Гозликѣ ксендзъ*, неблагопріятствовавшій основанію нашего ордена, былъ отъ діаволовъ на смерть избитъ, но въ агоніи опамятовался, раскаялся и, чудесно

исцѣлѣвшись, гласно за проповѣдью объявилъ грѣхъ свой и изъ преслѣдователя ордена сталъ его покровителемъ (его проповѣдь есть у насъ въ архивѣ). Въ свѣжей памяти также примѣръ покойнаго *Фр. Опацкаго,* владѣльца въ Бирникѣ, Лысоволѣ и Волькѣ Заторской, у Пущи, гдѣ нашъ монастырь. Усовѣщиваемый нашими проповѣдниками и исповѣдниками перемѣнить дурную жизнь и самымъ присутствіемъ монастыря побуждаемый къ отмѣнѣ распутныхъ обычаевъ, онъ до того возненавидѣлъ орденъ, что не только на словахъ, гдѣ могъ, клеветалъ на него, но и нерѣдко, нарядивъ своихъ паробковъ въ длинныя бѣлыя одежды, сгонялъ ихъ съ дѣвками въ корчму, велѣлъ играть и плясать, возглашая: «а нуко-сь маріане въ танецъ.» Въ короткое время этотъ человѣкъ пришелъ въ такое состояніе, что винно или безвинно лишенъ доходовъ и долженъ былъ побираться Христа-ради хлѣбомъ. Не разъ, получивъ подачку въ нашемъ монастырѣ, онъ сознавался предъ нами, что «за васъ, отцы святые, привелъ меня Богъ въ такую бѣдность» и другимъ нерѣдко повторялъ тоже самое. Наконецъ, сжалился его племянникъ и взялъ его къ себѣ, но и здѣсь его обуяла такая немочь, что живаго его точили черви,—и все это мы видѣли и слышали самолично. Много и другихъ можно было бы вспомнить, но довольно и того, отчасти изъ почтенія къ нѣкоторымъ, отчасти ради свѣжей у всѣхъ памяти; довольно засвидѣтельствовать, что пророчество д. отца исполняется. Одинъ ксендзъ, постоянно возставая противъ ордена и по ненависти порицая доброе имя нашего основателя и предпринятаго имъ дѣла, гдѣ могъ—преслѣдовалъ ихъ; а вышло то, что на новомъ мѣстѣ въ Остроленкѣ поссорился съ своимъ коляторомъ (ктиторъ или такъ называемый, подаватель—въ западно-русскихъ актахъ) до того, что этотъ велѣлъ ему выколоть оба глаза,—а ксендзъ, съ поводыремъ побираясь потомъ милостынею, каялся всегда, что преслѣдовалъ нашъ орденъ. Это извѣстно въ цѣломъ деканатѣ варецкомъ и архидіаконствѣ варшавскомъ.»

Выше было указано пророчество о гребешкѣ о. Іоахима. Избѣгая подробностей, передаемъ здѣсь главное. Гребень былъ обѣщанъ о. Іоахиму метафорическій. Онъ не слушалъ распоряженій своего настоятеля, дѣлалъ все наперекоръ его настояніямъ, въ самомъ Римѣ нерѣдко портилъ ловко поведенное Станиславомъ дѣло. Отношенія между ними видны изъ того, что когда разъ Іоахимъ привезъ изъ Рима для монаховъ бѣлыя шляпы, которыя онъ ви-

дѣлъ у римскихъ монаховъ, то Станиславъ велѣлъ принести топоръ и всѣ эти шляпы изрубить. За такія-то постоянныя себѣ досады отъ Іоахима, онъ сказалъ ему: постой, будешь и ты имѣть въ старости гребешокъ.» Римскій корреспондентъ, Казиміръ Вышинскій увѣряетъ, что этимъ гребешкомъ для Іоахима былъ именно онъ—Казиміръ. «Я, говоритъ, хорошо почесывалъ его старичка», при чемъ, дѣйствительно, говоритъ правду. Съ наивностью римско-католическаго монаха, онъ признается, какъ прилагалъ всякое усердіе, чтобы огорчать Іоахиму, который былъ послѣ Станислава начальникомъ ордена, какъ противъ интриги работалъ интригой: «его махины, говоритъ, самъ Богъ открылъ мнѣ въ Римѣ и разстроилъ ихъ.» Дѣло доходило до того, что Іоахимъ даже проклялъ этого-подчиненнаго себѣ монаха. Въ этой тяжбѣ за ловкость въ интригѣ трудно, конечно, назвать честнымъ человѣкомъ о. Іоахима, ибо онъ напр., по смерти Станислава, крѣпко билъ его келейника, чтобы выпытать—гдѣ лежали деньги), но не болѣе пригодна похвала честности и Вышинскому, который хвастаетъ своею ролью пакостника плоти. «Я былъ ему гребнемъ порядочнымъ, онъ самъ въ этомъ признавался,»—такъ хвалится Вышинскій. Всего же замѣчательнѣе, что въ этихъ отношеніяхъ своихъ къ своему начальнику, въ этихъ огорченіяхъ и интригахъ, онъ видитъ ему справедливое отъ Бога возмездіе за то, что Іоахимъ не началъ дѣла о причтеніи Станислава къ лику святыхъ.

Эти свидѣтельства святости, продолжаетъ онъ же, нужно бы переписать крупными буквами, хорошо бы даже по латыни и вручить мѣстной власти, внушая ей благоволеніе къ процессу о столь знаменитомъ слугѣ Божіемъ.... Подобные процессы, чѣмъ они свѣжѣе по кончинѣ чьей либо въ чаяніи святости, тѣмъ легче потомъ наступаетъ причтеніе къ блаженнымъ (beatiticatio) и святымъ (canonizatio)». Затѣмъ-совѣтуетъ не посылать піарскому ректору ни чудесъ, ни пророчествъ и настаиваетъ, чтобы монахи усерднѣе поискали всюду годныхъ свидѣтелей лѣтъ 55—70, и что только услышатъ, чтобы записывали. «Спѣшить, говоритъ, нужно, пока я здѣсь въ Римѣ, и пока свидѣтели живущіе не ослабѣли и не потеряли памяти, ибо такіе къ свидѣтельству не допускаются.» Въ доказательство же, что нужно это дѣло непремѣнно двигать впередъ, приводитъ недавно бывшій случай, что умеръ въ Италіи нѣкто о. Павелъ, основатель ордена пассіоналовъ (страданій Господа), ко-

тораго ученики стали живо хлопотать о возведеніи его въ ликъ святыхъ. «А никакихъ чудесъ еще отъ него не послѣдовало, просто человѣкъ жилъ благочестно и не безъ пользы говорилъ проповѣди.» Указавъ еще благодѣтелей, отъ которыхъ можно кое-чего ждать изъ за денегъ «ибо таковые процессы не обходятся безъ значительныхъ издержекъ», патеръ Вышинскій предается мечтамъ о будущемъ. «Если усердно похлопочемъ, то и почесть непорочнаго зачатія расширимъ и душамъ помощь, и орденъ въ тѣхъ странахъ воздвигнутый, и новому патріарху новыхъ псевдо-маріановъ загородимъ путь, хотя въ Римѣ и взяли его сторону доминикане, очень здѣсь сильные.» Въ объясненіе этого нужно сказать, что (такъ какъ существованіе ордена, конечно, влекло за собою не малое число матеріальныхъ выгодъ), въ Римѣ явился нѣкто Турчиновичъ, который всячески съ своей стороны добивался получить отъ высшей куріи утвердительное бреве на свой орденъ, также маріанскій. Казиміръ Вышинскій ревниво наблюдаетъ за нимъ, вывѣдывая и выглядывая, извѣщаетъ о каждомъ его шагѣ и наполняетъ письма свои безконечными соображеніями, если Турчиновичу удастся купить себѣ клочекъ благоволенія римскихъ урядниковъ. Собственно для того и съ дѣломъ о святомъ Станиславѣ торопитъ Вышинскій, чтобы окончательно восторжествовать надъ своимъ соперникомъ по раздѣлу выгодъ. Но, утѣшаетъ онъ, отцы іезуиты намъ весьма благопріятствуютъ, побуждая насъ прибавить своихъ усилій, дабы такимъ образомъ могъ размножиться орденъ непорочнаго зачатія и закрыть очи противникамъ непорочнаго зачатія.

На всѣ эти совѣты генеральный препозитъ могъ отвѣчать (напр. 19, 1752 г.) только посылкою 13 червонцевъ для римскихъ адвокатовъ; «дѣла же, говоритъ, начать еще не можемъ, ибо доселѣ еще не имѣемъ средствъ пригласить гг. судей и ходатаевъ.» Тѣмъ временемъ, въ письмѣ отъ 12 февр., Вышинскій подтверждаетъ свои прежнія настоянія. «Въ пользу непорочнаго зачатія здѣсь сильно скрипятъ перья; иныя же лица—стараются дѣлать святыми разныхъ слугъ Божіихъ чтителей его; намъ тоже велятъ поскорѣе хлопотать о своемъ д. основателѣ, дабы такимъ образомъ были отовсюду поражены противники этой тайны, и тѣмъ проложенъ путь, къ возведенію въ догматъ этого мнѣнія о непорочной Дѣвѣ. Процессъ Агреданы (см. выше) идетъ хорошо, только та книга служитъ ему препоной. Двигаютъ здѣсь также въ святые одного францисканца, который, не проходивъ ни одной школы, на-

писалъ нѣсколько десятковъ сочиненій по разнымъ наукамъ, и въ нихъ привелъ столько доводовъ въ пользу непорочнаго зачатія, что стяжалъ себѣ имя doctor illuminatus... Надобно непремѣнно огласить публичный сборъ «на возвышеніе раба Божія;» такіе сборы римская курія не только позволяетъ, но и весьма благоволитъ къ нимъ, ибо чрезъ такіе сборы возрастаетъ слава Бога, святыхъ и церкви. Адвокатъ предостерегаетъ насъ, чтобы, когда будетъ просмотръ писаній Станислава, орденскій ходатай по этому дѣлу поручился, что болѣе нигдѣ таковыхъ не обрѣтается, и никакихъ другихъ болѣе мы не знаемъ,—для чего слѣдуетъ заблаговременно всюду ихъ искать. и собирать: изъ за нихъ-то наибольшая бываетъ проволочка, если въ случаѣ открываются какія нибудь новыя сочиненія, дотолѣ неразсмотрѣнныя.» Затѣмъ Вышинскій говоритъ, что можно вырѣзать образокъ Станислава и раздавать желающимъ не только образки нѣкоего о. Леонарда, но и куски одежды его, хотя послѣ смерти никакихъ чудесъ не было и прошла только молва о его святости; между прочимъ и онъ былъ усерднымъ защитникомъ непорочнаго зачатія.» Вышинскій настаиваетъ, что необходимо учредить сборъ между прочимъ и потому, что въ Римѣ представляется случай выгодно купить мѣсто съ орденскимъ костеломъ; позже будетъ труднѣе, потому что въ Римѣ все болѣе и болѣе прибавляется число орденовъ и монаховъ. «Испанцы тоже такъ сдѣлали, учредивъ сборъ на канонизацію Франциска Голани: его-то канонизовали, да и себѣ выстроили на собранныя деньги особый монастырь при Арацели. Теперь въ Польшѣ вѣдь нѣтъ сбора ни на одинъ подобный предметъ, а потому, пожалуй, можетъ быть и возгорятся сердца благотворителей къ возвышенію этого слуги Божія, какъ національнаго основателя польскаго ордена. Надобно притомъ спѣшить, пока не открылись сборы на благословеннаго Ладислава Гельневскаго, Яна Дукленскаго и Симона Липницкаго. Такъ совѣтуютъ здѣшніе адвокаты святыхъ. А когда дѣло перейдетъ сюда, въ Римъ, то будетъ имѣть исходъ благопріятный,— какъ потому, что Станиславъ есть несомнѣнно великій слуга Божій,—такъ и потому, что онъ—не простой монахъ, но основатель такого похвальнаго ордена, и не просто для одной почести Матери Божіей, но и ко спасенію умершихъ. Вѣдь ни одного такого ордена еще не бывало въ церкви Божіей. Всѣ прочіе ордена зовутся орденами «церкви воинствующей (Ecclesiae militantis), а нашъ — «воинствующей церкви и очищающей (purgantis). Ему

благоволитъ самъ святой отецъ, и когда я былъ у него на послухѣ, онъ велѣлъ мнѣ пріискивать мѣсто и, гладя меня по головѣ, прибавилъ: «ищи себѣ мѣста, я же помогу тебѣ изукрасить его привиллегіями и индульгенціями.» Прибудь мы въ Римъ ранѣе, въ началѣ его правленія, то, вѣрно, получили бы отъ него новую фундацію; но теперь онъ совсѣмъ исчерпанъ, много потратился на разные ордены, костелы и восточныя миссіи, такъ что наостатокъ едва можетъ прожить. Но только бы намъ ногу сюда вставить,—мы достали бы что нибудь и отъ папы, нынѣшняго или будущаго. Все дѣло стало за мѣстомъ.»

4 марта идутъ изъ Рима новыя настоятельнѣйшія приглашенія—«спѣшить отсылкою ректору виленскихъ піаровъ—жизни Станислава,—дабы скорѣе взяло перевѣсъ это публично провозглашенное имя.» Патеръ Вышинскій потому особенно торопитъ, что счастіе поблагопріятствовало вышеназванному Турчиновичу, сопернику маріанъ. Дабы склонить къ своему ордену римское благоволеніе, и вмѣстѣ съ нимъ право называться Маріанскимъ, Турчиновичъ сталъ оглашать въ Римѣ, что его община ревностно трудится надъ обращеніемъ невѣрныхъ (т. е. православныхъ?) и вообще надъ распространеніемъ р. католической вѣры въ виленской епархіи. Здѣсь кстати замѣтить, что Турчиновичъ хотѣлъ распространить свой орденъ преимущественно въ Западной Россіи. Патеру Вышинскому, оцѣнивъ дѣло Турчиновича, стали сурово пенять, что своими происками онъ хочетъ только остановить прекрасно начатое Турчиновичемъ дѣло пропаганды латинства. Новыя заботы, новыя издержки. «Пришлите мнѣ, какъ возможно скорѣе, 30 червонцевъ, если не хотимъ проиграть, ибо здѣсь нужно смазывать руки не однимъ адвокатамъ, но и кое-кому другому... А прійдетъ май, надобно, какъ бы по закону, посылать подарки, будь ты хоть самъ кармедитъ, (т. е. такой монахъ, который по самому своему уставу, не долженъ имѣть ни гроша денегъ или какой либо иной запасной собственности). Подарки эти состоятъ—или въ 30 фунтахъ шоколаду, или въ 6 каплунахъ и столькихъ же флягахъ самаго лучшаго вина.» Кромѣ того—Вышинскій требуетъ наискорѣе прислать ему рекомендательные отзывы о маріанскомъ орденѣ отъ короля и знатнѣйшихъ сановниковъ. Впрочемъ—въ такихъ хлопотахъ онъ не оставилъ собратій своихъ безъ утѣшенія и отъ 11 марта сообщаетъ имъ радостное извѣстіе, что португальскій король приглашаетъ маріанскихъ монаховъ къ себѣ—

въ набожную и богатую Португалію.» Всѣ наши земляки, римскіе поляки, радуются и поздравляютъ; думаю, что и въ Польшѣ будетъ восторгъ немалый.» Вышинскій увѣренъ даже, что Королевство Польское возьметъ даже на государственный счетъ отправку этихъ монаховъ на дѣло, столько льстящее національному польскому самолюбію.» Совѣтуетъ захватить съ собою побольше образковъ Станислава, для раздачи по дорогѣ; не забываетъ прибавить и насчетъ высылки денегъ, ибо—«адвокатъ и всѣ прочіе въ руку смотрятъ» Въ слѣдующемъ письмѣ, давая новые совѣты для отправляющихся въ Португалію, патеръ Вышинскій особенно совѣтуетъ имъ всячески удерживаться отъ соблазновъ и непристойностей. «Хорошенько присматривайте за кс. Петромъ, чтобы его, либо кого другаго нелегкая не дернула напередъ улепетнуть въ Португалію; пока не попало на кого либо такое искушеніе, лучше поспѣшите отправкой. Я до сихъ поръ не могу очнуться отъ того, сколько эти проходимцы напакостили, пьянствуя по кабакамъ и засѣдая въ римскихъ тюрьмахъ, волочась по улицамъ, точно мошенники—оборванные, грязные. А Петруша нашъ такъ даже въ самый Парижъ пробрался и всюду, какъ въ Неаполитанскомъ королевствѣ, недобрые оставилъ по себѣ слѣды; до того дошелъ, что сидѣлъ даже подъ карауломъ въ кордегардіи, какъ говорилъ мнѣ его товарищъ изъ Кракова, сидѣвшій вмѣстѣ съ нимъ.» Въ Португаліи—мечтаетъ Вышинскій—легче будетъ хлопотать о причтеніи Станислава къ блаженнымъ; тамъ денегъ легче добыть, чѣмъ въ Польшѣ, и въ особенности, если самъ король возьмется за это дѣло. Письмо заключается просьбою—соблюдать вообще всевозможную осторожность, потому что самыя письма перехватываются противниками ордена, которые стараются ловить всякіе неблагопріятные для него слухи. Онъ обѣщаетъ также просить, чтобы разрѣшено было поставить гробъ Станислава повыше, ради сырости, съ каменнымъ саркофагомъ надъ поломъ; въ такомъ случаѣ старый гробъ велитъ высушить и спрятать, чтобы впослѣдствіи могъ пойти онъ за «останки.» У гроба можно будетъ также и молиться желающимъ,—только, во избѣжаніе придирокъ, всѣ могущія быть приношенія лучше привѣшивать не у гроба, но въ ризницѣ. Приложенъ и самый рисунокъ саркофага, въ случаѣ—если разрѣшеніе будетъ получено.

Отъ 25 марта 1752—Вышинскій продолжаетъ дѣлать наставленія о томъ, какъ устроить подъемъ гроба Станислава въ сар-

кофагъ, нарочно для того приготовленный въ углу костела; настаиваетъ спѣшить выправкой въ Португалію именно потому, что успѣхъ дѣла о Станиславѣ много отъ этого зависитъ.» Призыва въ Португалію, говоритъ онъ, для насъ—словно курочка, что несетъ золотыя яички; смотри, какъ бы отъ промедленія не улетѣла. Къ тому же—враги наши отъ кого-то, должно быть отъ бернардиновъ, провѣдали о нашемъ вызовѣ въ Португалію: начнутъ, чего добраго, оговаривать насъ предъ португальскимъ королемъ; и то ужъ успѣли распустить слухъ, что нашъ основатель утонулъ,—равно и всячески инымъ образомъ злословятъ насъ.... Къ процессу слѣдуетъ добавить еще новую статью, именно—что лишь только мы начали дѣло о нашемъ основателѣ, какъ Богъ явно благословилъ насъ, подвигнувъ такого славнаго монарха призвать насъ въ Португалію. Такъ именно совѣтуетъ адвокатъ, потому, что хотя это и не чудо, тѣмъ не менѣе должно быть признано за особенное знаменіе милости Божіей, можетъ быть именно заслугъ ради Божія Станислава.» Въ заключеніе же Вышинскій все таки требуетъ денегъ для адвоката, по случаю тяжбы съ вышеназваннымъ Турчиновичемъ, замѣчая при этомъ, что адвокаты противной стороны готовы были отступиться отъ этого дѣла за нѣсколько сотъ скуди.

Къ письму приложена новая адвокатская инструкція на тотъ случай, если, по засвидѣтельствованной судьями святости Станислава, начнется изслѣдованіе, въ какой мѣрѣ было ему воздаваемо чествованіе. Инструкція состоитъ изъ 38 пунктовъ и ссылками на римскихъ канонистовъ опредѣляетъ, какія почести считаются дозволенными усопшему въ надеждѣ святости, и какія противозаконны—до канонизаціи. Образъ съ сіяніемъ имѣть нельзя, безъ сіянія—можно; молитвъ общественныхъ отправлять непризнанному угоднику нельзя, но частнымъ образомъ его чтить и призывать—позволено, и под. По особой спеціальности и подробности статей инструкціи считаемъ умѣстнымъ ограничиться общимъ указаніемъ на этотъ ея двойственный характеръ, существенно обусловленный двойственностью мнѣній самихъ римскихъ канонистовъ. За спиною канониста—богослова нечуткая совѣсть латинскаго патера легко успокоивается на такихъ двусмысленностяхъ, которыя для совѣсти простой показались бы существеннымъ нарушеніемъ первыхъ требованій нравственнаго долга. Кому же напримѣръ непонятно, что гробъ Станислава вынимается изъ-подъ земли, ставится въ особый саркофагъ на виду въ костелѣ, снабжается надписями и пр. не

для чего иного, какъ именно только для возбужденія благоговѣйныхъ чувствъ народа къ этому непризнанному еще угоднику? И если толпа усердныхъ простецовъ въ благоговѣніи припадетъ ницъ къ этой гробницѣ, сердцемъ и устами взывая къ усопшему о молитвенномъ предстательствѣ,—развѣ не будетъ это чествованіемъ,—и развѣ могло бы оно проявиться, если бы гробъ почившаго не былъ выставленъ на видъ и разукрашенъ? Совѣсть христіанина даетъ одинъ отвѣтъ, а римскій канонистъ даетъ отвѣтъ противоположный: монахъ же, не колоблясь и не смущаясь совѣстію, соглашается съ тѣмъ, который законными соображеніями прикрываетъ незаконныя стремленія.

(Продолженіе впредь).

III.

ВРЕДНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА.

Въ передовой статьѣ одной изъ петербургскихъ (конечно) газетъ помѣщена, не такъ давно, полемика противъ извѣстной, вдохновенной передовой статьи 5 № «Москвы». Эта борьба безсилія, еще болѣе обезсиливаемаго злостью, съ силой русскою первой величины, возбуждаетъ одно сожалѣніе. Прослѣдивъ со вниманіемъ всѣ пріемы этой неравной битвы, поневолѣ повторишь извѣстный стихъ нашего баснописца:

Ай моська,—знать она сильна! Назвать—ни больше, не меньше, какъ И. С. Аксакова «Донъ-Кихотомъ», значитъ—не полемизировать, а срамиться, не доказывать, а ругаться, издѣваться надъ публикой и публицистикой.

Битва какого-то № съ первымъ публицистомъ русскимъ была бы для насъ дѣло почти стороннее, мы бы взглянули на эту битву со «слономъ» мимоходомъ, если бы яблоко раздора не выросло на той почвѣ, которую и мы по силамъ возлѣлываемъ, если бы лай «мосекъ» былъ столько же пріятенъ и безвреденъ для *всякаго* уха, какъ онъ безвреденъ для «слона». Мы бы не замѣтили даже и того, что этотъ лай порой относился и къ звѣрямъ не столь крупнымъ, какъ слонъ, что *единоборецъ* И. С. Аксакова, поражающій воздухъ своимъ картоннымъ мечемъ, задѣваетъ иногда и по нашимъ доспѣхамъ,—если бы задоръ его имѣлъ какой-либо смыслъ историческій или логическій. Ставить «Вѣстникъ Западной Россіи» съ «Домашнею Бесѣдой», значитъ, помимо собственнаго желанія и сознанія, дѣлать много части и тому и другому изданію; обзывать ругательными прозвищами и безсмысленными эпитетами лю-

дей разномыслящихъ, не значитъ еще доказывать, что они ошибаются, не значитъ еще опровергать ихъ доводы, опирающіеся на незыблемыхъ данныхъ—историческихъ, логическихъ, теологичесихъ, на полувѣковомъ почти практическомъ изученіи всѣхъ отправленій жизни края, — значитъ—однимъ словомъ— выставлять на показъ либо свое невѣжество, лисбо неблагонамѣренность.—*Никто* вѣдь изъ нашихъ антатонистовъ не опровергъ еще *ни одного* изъ нашихъ доводовъ, никто еще не доказалъ, чтобъ онъ имѣлъ больше нашего шансовъ къ удовлетворительному рѣшенію спорнаго вопроса , больше насъ зналъ *нашу родину*, ея нужды, симптомы ея болѣзней, средства къ ихъ исцѣленію,—искреннѣе насъ страдалъ ея страданіями, радовался ея воскресенію, лучше насъ изучилъ ея исторію, этнографію , больше насъ любилъ ея исконную вѣру и народность. Доселѣ съ нами боролись и враги, и, «лжебратія» однѣми словами, бранью, жалкимъ остроуміемъ, клеветами, наушничествомъ и софизмами. Вѣроятно, другимъ оружіемъ бროться съ нами не приходится.

Но оставимъ субъективную часть вопроса въ сторонѣ: люди мыслящіе и честные русскіе, и безъ нашихъ заявленій, знаютъ, на чьей сторонѣ правда, искренность, патріотизмъ, убѣжденіе, сила, и на чьей сторонѣ ложь, двоедушіе, индифферентизмъ, легкомысліе и «пошлость—дряблость.» Займемся, поэтому, лучше объективною частью вопроса , исключивъ, впрочемъ, изъ нея все то, что относится на долю извѣстныхъ «Виленскихъ писемъ», съ которыми мы сосчитались окончательно, и автора которыхъ газета слишкомъ дружелюбно хотѣла поставить рядомъ съ Шедо-Феротти , тогда какъ послѣдній поцеремонился бы взять къ себѣ перваго и въ наборщики. Если газета и нашла въ немъ «теплоту русскаго порыва», то мы поздравимъ ее съ открытіемъ небывалой звѣзды, но рефрактеру ея не позавидуемъ. Чтожъ оставалось дѣлать газетѣ , замѣнившей пустоту мѣста пустотою содержанія, какъ не отыскивать въ этомъ хаосѣ типографскаго набора тѣ атомы жизни, которыхъ никогда тамъ не обрѣталось

Тѣхъ людей , которыхъ прозвали пѣкоторые клерикалами, газета теперь переименовала въ «фанатиковъ» На-

званіе столь же безсодержательное, какъ и названіе клерикаловъ. Клерикалъ и фанатикъ—синонимы; кому не прилично первое, тому не свойственно и последнее названіе. Фанатизмъ, какъ внѣшнее, крайнее проявленіе религіознаго увлеченія и нетерпимости, какъ *страсть* пропагандирующая насиліемъ и всяческими преступными средствами, абсолютно неприменима къ православной миссіи и всѣмъ вообще и каждому порознь миссіонерамъ православія. Фанатизмъ предполагаетъ отстаиванье *личныхъ*, внѣшнихъ, политическихъ, мірскихъ интересовъ соотвѣтствующими имъ средствами и оружіемъ, предполагаетъ прикрытіе эгоистическихъ, матеріальныхъ стремленій религіозными цѣлями,—стремленіе къ славѣ своей, а не Христовой, не къ истинѣ и добродѣтели, а къ преобладанію и захвату благъ и привиллегій внѣшнихъ. Фанатики исполняютъ свою миссію съ мечемъ въ рукѣ, ведутъ борьбу съ иновѣріемъ пытками,—«Сицилійскими вечернями, Варѳоломеевскими ночами, Варшавскими нешпорами», отдаютъ иновѣрные храмы христіанскіе въ аренду евреямъ, доказываютъ непогрѣшимость» своей догматики ружьями Шаспо, наемными зуавами, политической интригой, проповѣдуютъ рѣзню и клятвопреступленіе (иногда и стрѣляютъ) съ церковныхъ каѳедръ, внушаютъ туже мораль на исповѣди, въ домашней бесѣдѣ, обращаютъ храмы Божіи въ центральныя мѣста мятежныхъ сборищъ, въ фабрики и кладовыя боевыхъ припасовъ, предводительствуютъ бандами повстанцевъ, партіями кинжальщиковъ, и проч. и проч.

Теперь обращаемся къ людямъ, имѣющимъ хоть каплю человѣческаго смысла, хоть атомъ христіанской совѣсти, и спрашиваемъ ихъ: можно ли, не утративъ окончательно перваго и не заглушивъ послѣдней, искать фанатиковъ въ средѣ православія вообще и въ миссіонерахъ его въ западной Россіи вчастности? Гдѣ историческія доказательства фанатизма православной миссіи? Когда она извлекала изъ «ноженъ мечъ Петровъ» „ad maiorem Dei gloriam?“ Кого она столкнула съ пути долга для полученія удобствъ временныхъ, для политическихъ расчетовъ, для борьбы съ законною властью, для возбужденія разныхъ усобицъ? Когда православная миссія пропагандировала посредствомъ іезуит-

ской интриги, фарисейства, золота, *фанатизма?* Почему и насъ индифферентизмъ и космополитизмъ обзываетъ фанатиками? Не потому ли, что мы имѣемъ ясное понятіе о фанатизмѣ и фанатикахъ, что мы исповѣдуемъ умомъ и сердцемъ, словомъ и дѣломъ исключительную божественность святаго православія, что его лучше другихъ знаемъ, больше любимъ, считаемъ его существеннымъ, кореннымъ, нераздѣльнымъ элементомъ русской народности, славянскаго типа? Не потому ли, что мы въ папствѣ ищемъ истолкованія тѣхъ грустныхъ явленій, которыя чуть-было вконецъ не олатинили, не ополячили края русскаго православнаго, что въ этомъ папствѣ видимъ доктрину политическую, главную поддержку полонизма, важнѣйшую причину вражды и невозможности примиренія съ поляками? Не потому ли, что мы горячо обличаемъ невѣдомыя для невѣждъ и индифферентистовъ уклоненія ученія папскаго отъ ученія Христова, наросты и заблужденія привитыя къ нему человѣческими страстями, что мы задушевнѣе другихъ желаемъ поворота назадъ историческихъ судебъ здѣшняго края, теплѣе другихъ молимся, вмѣстѣ съ церковью, о скорѣйшемъ исполненіи пророческихъ словъ Спасителя: будетъ едино стадо и единъ (конечно, не папа) пастырь,— о возсоединеніи съ православною церковью отторгнутыхъ когда-то *фанатиками* отъ ея лона чадъ православія? Но для такихъ людей есть названія болѣе соотвѣтствующія ихъ миссіи,—хоть бы названія лучшихъ сыновъ Россіи, энергичнѣйшихъ исповѣдниковъ православія, надежнѣйшихъ обрусителей края, доблестнѣйшихъ исповѣдниковъ православія, доблестнѣйшихъ бойцовъ съ супостатами; но отнюдь не названіе фанатиковъ, которое можетъ усвоить имъ, опять повторимъ, или невѣжество, или индифферентизмъ, или озлобленіе враговъ. Съ тѣми, кто не можетъ или не хочетъ оцѣнить нашей искренности, значенія нашей миссіи, характера нашей дѣятельности, силы нашихъ доводовъ, непоколебимости нашихъ истинъ, мы объ этомъ предметѣ говорить больше не станемъ.

«Мы стоимъ не за вражду, а за ассимиляцію»,—говоритъ таже передовая статья газеты. Да кто вамъ говорить

о враждѣ, кто стоитъ (?) за нее, кто ее желаетъ? Мы только говоримъ объ урокахъ исторіи, о недовѣріи *къ словамъ* примиренія, объ осторожности въ настоящемъ, о сомнѣніяхъ на счетъ будущаго, о несомнѣнности вражды *къ намъ*, а не о враждѣ *къ нимъ*. А если бы чувство человѣческое пересилило иногда въ духѣ нашемъ незлобіе христіанское, если бы воспоминаніе прошедшаго невольно сорвало съ языка нашего слова укора, обвиненія, негодованія, едва-ли насъ, какъ людей, осудятъ за это люди честные, мыслящіе. Наши счеты съ сосѣдями далеко еще не покончены: могилы нашихъ мучениковъ еще не уровнялись съ землею; наши храмы—одни носятъ еще на себѣ слѣды поруганія, другихъ напрасно мы отыскиваемъ слѣды, одни дотлѣваютъ въ нищетѣ и запустѣніи, другіе превращены въ тщеславные храмы пропагандистовъ; наша церковь еще не досчитывается болѣе мильона прежде своихъ, теперь чужихъ чадъ, похищенныхъ у нея нашествіемъ пришлецовъ, насиліемъ ренегатовъ и миссіонеровъ папства; на нашемъ народѣ, на его жаргонѣ, бытѣ нравственномъ и экономическомъ, еще виднѣются слѣды бичевавшей ихъ силы,—наши счеты далеко еще не покончены, мы имѣемъ много личныхъ поводовъ къ негодованію, которыхъ другіе не имѣютъ. Да, вамъ враждовать почти не за что, быть можетъ неудобно или убыточно, а наше положеніе совсѣмъ иное; вы зрители, а мы дѣйствующія лица, и притомъ не на подмосткахъ театральныхъ, а на сценѣ жизни; вы думаете, что мы враждуемъ, горячимся, декламируемъ, дѣлаемъ позы, а мы бьемся,—

Вамъ не понятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда.....

Извините, что мы нѣкоторымъ образомъ выдѣляемъ васъ, цитируя этотъ стихъ, изъ «семьи» русской; мы думаемъ, что *родной* намъ русскій далеко разумнѣй и снисходительнѣе отнесся бы къ нашему, вполнѣ законному и мимовольному негодованію.

Вы желаете «ассимиляціи»? И мы ничего больше не желаемъ. Жаль только, что вы никогда не договариваете до конца истины и не объясняете, кто кому и какъ долженъ ассимилироваться. Правда, вы прибавляете послѣ,

что стоите «за русскую образованность»; но этого слишкомъ мало для полной и окончательной ассимиляціи. Если вы включаете въ объемъ вашей «образованности» все міросозерцаніе, со всѣми принципами политическими, религіозными, со всѣми убѣжденіями ума, симпатіями сердца,— то мы съ вами согласимся; но если вы, по обыкновенію, съуживаете идею вашей образованности до одного внѣшняго выраженія убѣжденія и симпатій,—до одного языка, мы должны только изумляться узкости вашей ассимиляціи, потому что такъ ассимилировались и Огаревы, и Бакунины, и Герцены, и Огрызки, и Сѣраковскіе, потому что такъ могутъ ассимилироваться даже попугаи. Ужели бѣлый, выпачкавшій свою физіономію сажей, дѣлается отъ того негромъ; ужели русскій, нарядившійся въ маскарадъ туркомъ, перестаетъ быть русскимъ? Вообще, мы такъ разносторонно и непоколибимо доказали не однажды несостоятельность, въ дѣлѣ ассимиляціи, одного языка, что дальнѣйшее упорство нашихъ антагонистовъ походитъ уже на борьбу ихъ не съ нами, даже не съ истиной, а съ простымъ здравымъ смысломъ и опытомъ.

«Вражда, тогда, когда польщизна закопошится, запропагандируетъ, а не тогда, когда лежитъ смирно и проситъ пощады,—продолжаетъ газета. Да когда же польщизна не пропагандировала, не копошилась? Такого счастливаго момента не представляетъ ни прошедшее, ни настоящее. Быть можетъ кто либо не хочетъ или не можетъ видѣть этой копошливости, пропаганды, но мы ихъ видимъ, слышимъ, чувствуемъ и понимаемъ. Есть, конечно, разныя степени копошливости, разные пріемы пропаганды; но всѣ они равно для насъ враждебны и опасны,—и едвали не опаснѣе тѣ именно, которые *кажутся* нѣкоторымъ безвредными и какъ бы не существующими. Внѣшнее проявленіе буйства для насъ не слишкомъ страшно; сила внѣшняя— не на сторонѣ супостатовъ; «всѣ, взявшіеся за мечъ, отъ меча и погибнутъ»; но копошливость и пропаганда, ускользающая отъ наблюденія чувствъ, гнѣздящаяся въ семейныхъ и дружескихъ кружкахъ, шушукающаяся съ эмиссарами и бѣглою колоніей, прикрывающаяся наружнымъ спокойствіемъ, *фразами* миролюбія, и въ тоже время сѣю-

щая среди насъ моральныя усобицы, раздвояющая наши силы, увлекающая насъ на путь фальшивыхъ теорій и мѣропріятій, ослабляющая узы нашихъ соціальныхъ отношеній,—такая пропаганда, какъ растлѣвающая душу націи, подрывающая коренныя основы ея покоя и счастія, располагающая незлобивую, симпатичную, славянскую натуру русскаго къ забвенію, усыпленію,—далеко опаснѣе для насъ пропаганды внѣшней, борьбы физической. Никогда пропаганда не была такъ тиха, какъ въ концѣ 20 и 50 годовъ, и однакожъ эта тишина предшествовала бурямъ 1830 и 1863 годовъ; никогда мы не были болѣе гуманны и довѣрчивы, какъ въ концѣ 20 и 50 годовъ, и этимъ именно довѣріемъ и гуманностью и воспользовались наши враги, чтобы, въ глуши своихъ сборищъ, въ минуты нашего сна моральнаго, оттачивать ножи на наши шеи. Кто не знаетъ этой правды, тотъ не знаетъ азбуки пропаганды.

«Вражда тогда, когда польщизна закопошится, за пропагандируетъ»!! Не поздо ли? Тогда уже пойдетъ въ дѣло не *вражда*, а битва,—оружіе физическое, а не моральное. Доводить болѣзнь до послѣдней крайности, до степени неизлѣчимости, тушить пожаръ, когда зданія уже не видно изъ за пламени, искать оружія тогда, когда кинжалъ непріятеля въ двухъ вершкахъ отъ нашей груди, дуло револьвера уставлено въ нашъ лобъ,—было бы болѣе, чѣмъ рисковано, было бы даже болѣе, чѣмъ безразсудно. Къ чему подвергать и себя, и другихъ такимъ опытамъ незлобія, къ чему распологать въ одно и тоже время, однимъ и тѣмъ же способомъ и убійцъ, и самоубійцъ, и преступленія, и наказанія? Отъ наказанія преступниковъ мертвые не воскреснутъ, нанесенныя странѣ раны не излѣчатся, преступники не истребятся. Нѣтъ! Ничего не видѣть, ни на что не обращать вниманія до самаго бунта, вѣрить на слово всякому, «кто лежитъ смирно, проситъ пощады», и кто все это дѣлаетъ по причинѣ только невозможности дѣйствовать *пока* иначе,—такихъ совѣтовъ не можетъ намъ давать другъ нашъ, даже другъ поляковъ. Что скажетъ намъ тогда газета, которую «Голосъ» назвалъ «польскою, издающеюся на русскомъ (плохомъ) языкѣ», и которая совѣтуетъ *„подавлять возстанія въ самомъ ихъ зароды-*

имъ," то есть тогда, когда онѣ подготовляются подъ навѣсомъ наружнаго миролюбія и *словеснаго* прошенія пощады?

Такъ мы рѣшительно не хотимъ мириться? Избави Богъ! Какъ русскіе, мы крѣпко держимся русской пословицы! «худой миръ лучше доброй ссоры». Но всячески мы не согласны принять условія мира, предлагаемыя намъ врагами и лжебратіями. Такой миръ былъ бы не «худымъ», а безчестнымъ, а главное—былъ бы съ одной только стороны *миромъ*, а съ другой перемиріемъ, заключеннымъ съ предвзятыми намѣреніями воспользоваться перемиріемъ для приготовленія къ слѣдующей битвѣ. Мы желаемъ мира искренняго, а не лукаваго, полезнаго, а не вреднаго, внутренняго, а не наружнаго, не на словахъ, а на дѣлѣ. *Таких* мирныхъ крѣпко прижмемъ мы къ груди русской и дружно пойдемъ на встрѣчу славной будущности, ожидающей великій, славянскій, православный народъ. Отвергнутъ поляки такой миръ, и имъ же будетъ хуже: они израсходуются по мелочамъ въ латинозападной интригѣ, они пойдутъ окольными тропинками отъ своего историческаго призванія, къ своему исчезновенію, ихъ ожидаетъ судьба разсѣяннаго Израиля.

Сообразивъ все сказанное сейчасъ и прежде въ обличеніе разныхъ неразумныхъ и опасныхъ толковъ о польской «справѣ» нѣкоторыхъ петербургскихъ газетъ, мы приходимъ къ тому непреложному убѣжденію, что если эти газеты не перестанутъ—волей—не волей—возбуждать подстрекательства, надежды, поощренія, притязанія, злобу—съ одной и усыпленіе бдительности, зоркости, благоразумія, чувства самосохраненія съ другой стороны,— то въ одинъ и тотъ же моментъ произойдетъ разоруженіе одного и вооруженіе другаго лагеря.

IV.

ЕВРЕЙКА-ТАЛМУДИСТКА.

ДРАМАТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ, ИЗЪ СОВРЕМЕННЫХЪ НРАВОВЪ, ВЪ 4-ХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ,—СЪ ПРОЛОГОМЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА

въ 4-мъ дѣйствіи.

Иванъ.
Давидъ. Отецъ Ревекки, лѣтъ 50-ти.
Сара. Жена его, лѣтъ 40.
Давидъ Давидовичъ. Сынъ ихъ, лѣтъ 25-ти.

*(Окончаніе *).*

ДѢЙСТВІЕ 4-е.

Комната очень обыкновенная, стѣны выкрашены подъ бои. На право двѣ двери и въ глубинѣ окна; на лѣво два окна. Мебель старинная и очень подержанная. По стѣнамъ развѣшаны картины библейскаго содержанія. Вечеръ. На столахъ, въ старинныхъ серебряныхъ подсвѣчникахъ, горятъ сальныя свѣчи. Полъ посыпанъ пескомъ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Давидъ и Давидъ Давидовичъ. Первый сидитъ у стола, на лѣво между оконъ за талмудомъ и читаетъ его полушепотомъ, протяжно, изрѣдка вскрикивая. Второй на право за столомъ набиваетъ папиросы. Изъ средней двери выходитъ Иванъ въ дорожномъ пальто.

Иванъ (Обращается къ Давиду и говоритъ хриплымъ голосомъ). Хозяинъ, ступайте къ моему барину... Расчитываться нужно, или дочку что ль посылайте, мы черезъ какихъ нибудь минутъ десять уѣдемъ, все уложено... Только за расчетомъ дѣло остановилось.

---

*) См. 1 2 и 3 кн. Вѣст. Зап. Россіи.

Давидъ. Сейчасъ... (Цѣлуетъ книгу и закрываетъ ее). Я самъ пойду... (оправляется передъ зеркаломъ).

Иванъ. Да вы поживѣе копайтесь-то... Мѣшкать нечего... Баринъ сердиться будетъ.

Давидъ. Сейчасъ, сейчасъ... (смотритъ на Ивана). А можетъ на дорожку-то рюмочку водочки выпьете?

Иванъ. Нѣтъ не стану,herрси... У меня и со вчерашняго руки еще трясутся...

Давидъ. Я вамъ дамъ сладкой, золотистой, отъ этой не будутъ руки трястись... Выпейте (идетъ къ шкафу).

Иванъ. Золотистой? Покажите, что такое за золотистая... хошъ не выпью, такъ покрайности посмотрю...

Давидъ (Вынимаетъ изъ шкафа полштофа данцигской золотистой водки и подаетъ Ивану, потомъ достаетъ рюмку). Выпейте, это хорошая водка...

Иванъ. Что тамъ такое?.. Кажись что то плаваетъ? (смотритъ на свѣтъ). Золото плаваетъ, вотъ что!.. Проказники!—Выдумаютъ же!.. (Вынимаетъ пробку и хочетъ пить прямо изъ горлышка).

Давидъ (предлагаетъ рюмку). Да вотъ извольте — рюмочкой лучше...

Иванъ (посмотрѣвъ на него). Рюмочкой?.. Извѣстно что рюмочкой будетъ поспоручнѣе, да только ужъ не сердитесь, изъ вашей рюмки я пить не стану... Я больно брезгливъ, у насъ на это законъ есть... Кабы я былъ пьяный, ну оно ничего бы, а то трезвому грѣхъ противъ закона идти... Я лучше такъ... (показываетъ какъ).

Давидъ. Какъ себѣ хотите...

Иванъ (пьетъ изъ горлышка). Водка славная (повторяетъ). Настоящій ликеръ... Да вотъ что хозяинъ; я у васъ весь полштофъ возьму сколько вамъ заплатить за него?..

Давидъ. Онъ стоитъ полтинникъ бутылка; да я ужъ вамъ такъ его лучше подарю...

Иванъ. И то дѣло! (Закупориваетъ и кладетъ въ карманъ). Дорогой будетъ чѣмъ помянуть васъ, а я грѣшный человѣкъ, люблю въ дорогѣ нутро свое подогрѣвать... Пойдемте же (къ Давиду Давидовичу). Прощайте, молодой хозяинъ... Не поминайте лихомъ... Пріѣзжайте къ намъ въ гости на Волгу матушку, мы стерлядями васъ угостимъ, икрой зернистой асетровой покормимъ, арбузами... У насъ всего вдоволь, не такъ какъ здѣсь въ Вильнѣ... Прощенья просимъ (Уходитъ за Давидомъ).

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Давидъ Давидовичъ, потомъ Ревекка.

Давидъ Давидовичъ (Укладываетъ папиросы въ коробочку). Слава Богу, кончилъ!... Четыреста штукъ набилъ... Недѣли на двѣ хватитъ. (Закуриваетъ папиросу; входитъ изъ послѣдней двери—на право которая,—Ревекка).

Ревекка (Блѣдная, подъ глазами красно; садится рядомъ съ братомъ). А гдѣ отецъ?

Давидъ Давидовичъ. Сейчасъ пошолъ на верхъ къ Губанину, за расчетомъ, онъ уѣзжаетъ (шутливо). Не хочешь ли папиросы?

Ревекка. Развѣ ты не знаешь, что я не курю?

Давидъ Давидовичъ. Знаю и поэтому предлагаю; папиросный дымъ для некурящихъ, а особенно для страждущихъ душевными болѣзнями (улыбаясь), самое успокоительное средство (смотритъ на нее).

Ревекка. Почему же ты думаешь, что я страдаю душевными болѣзнями?..

Давидъ Давидовичъ. Да такъ... Вѣдь съ Губанинымъ уѣзжаетъ и Пазухинъ...

Ревекка. Ну, такъ что жъ?

Давидъ Давидовичъ. Какъ что жъ? — Да вѣдь ты любишь его?!

Ревекка (заплакавъ). Ну люблю, что жъ изъ этаго?

Давидъ Давидовичъ. Конечно ничего, я такъ спросилъ... Будь я на твоемъ мѣстѣ, я бы самъ съ ними уѣхалъ... Тебя Пазухинъ любитъ, ты его, значитъ и раздумывать нечего, садись да поѣзжай... Увидишь свѣтъ, иную жизнь, свободу. Сдѣлаешься женой Пазухина, будешь человѣкомъ, а не жидовкой, участь и положеніе которой, очень безрадостны...

Ревекка. Я не понимаю, зачѣмъ ты мнѣ это говоришь!?!.

Давидъ Давидовичъ. А за тѣмъ, что я очень люблю тебя, и желаю тебѣ счастья; затѣмъ что я хочу, что бы ты жила, а не чахла въ этой грязной канурѣ; за тѣмъ что бы ты не упускала удобнаго случая выбиться изъ грустной колеи жизни... Мнѣ не хочется, что бы моя сестра, такая красавица и такая умница, досталась въ жены какому нибудь грязному еврею-фанатику, сдѣлавшемуся идіотомъ отъ глубокаго изученія премудрости талмуда... А вѣдь это рано или поздно будетъ, если ты пропустишь настоящій случай порхнуть изъ душной темницы на здоровый воздухъ... Изъ нашей еврейской аристократіи къ тебѣ не посва-

таются, будь увѣрена; изъ образованныхъ евреевъ—тоже, потому что большею частью образованные евреи—бѣдняки, — это разъ, а во вторыхъ, что брать въ жены себѣ еврейку воспитанную въ фанатическомъ семействѣ значило бы накинуть на свои руки и ноги тяжелыя цѣпи... Да и наконецъ за этихъ просвѣщенныхъ евреевъ наши отцы фанатики не отдаютъ своихъ дочерей, они смотрятъ на нихъ какъ на богоотступниковъ, какъ на людей праздныхъ и негодныхъ. Вотъ причины, которыя заставляютъ цивилизованныхъ евреевъ избѣгать такихъ браковъ. У тебя примѣры на глазахъ; не спорю есть исключенія, но они очень рѣдки... За псевдо-прогрессиста выйдти замужъ не мудрено, но, по моему, это таже горькая пилюля, только позолоченая... Наши псевдо-прогрессисты хороши только на словахъ, а дойдетъ до дѣла, такъ оказываются такими же рьяными фанатиками, какъ ихъ родители... (смотритъ на Ревекку). И выдадутъ замужъ тебя, мою милую сестрицу Ревекку, за какого нибудь жидка, весь свѣтъ и цѣль жизни котораго заключается въ талмудѣ, и сбрѣютъ твои черные волосы,—такъ картинно украшающіе твою голову, и надѣнутъ безобразный парикъ, при видѣ котораго у меня кровь застынетъ въ жилахъ... И вотъ пройдетъ годъ, два замужества и ты сдѣлаешься ступѣлой рабой своею мужа... И отъ прежней Ревекки не останется и слѣда, все заглохнетъ въ тебѣ. Нѣтъ ты не вынесешь этаго, ты зачахнешь и скоро—скоро сойдешъ въ раннюю могилу. Прошу тебя, не губи себя, ты достойна лучшей участи... (Обнимаетъ ее и цѣлуетъ). Религіозный вопросъ тебя, быть можетъ, заставляетъ поступать противъ своего сердца? такъ вспомни... (Встрѣчая отрицательный взглядъ Ревекки). Не религія тебя удерживаетъ,—ты хочешь сказать? (Ревекка утвердительно качаетъ головой). Такъ что же, что?

Ревекка. Ни что... Я тоже ѣду (бросается къ нему нашею и плачетъ).

Давидъ Давидовичъ (не много помолчавъ). Когда?

Ревекка (осмотрѣвшись назадъ, говоритъ шопотомъ). Сегодня, вмѣстѣ съ ними... Въ одиннадцать часовъ... Только голубчикъ, не выдай меня родителямъ.

Давидъ Давидовичъ. Ревекка! Какъ не стыдно, какъ не грѣхъ тебѣ говорить мнѣ подобное?!

Ревекка (цѣлуетъ его). Прости меня; я боялась открыть эту тайну тебѣ, я не знала, что доброта твоя и любовь ко мнѣ такъ велики... Знаешь русскую пословицу: «у страха глаза велики»?

Давидъ Давидовичъ. Ну хорошо, хорошо!.. Упреки неумѣстны теперь, только займутъ время, а оно дорого (смотритъ на часы).

До одиннадцати часовъ всего осталось двадцать пять минутъ. Скоро придется проститься съ тобой...

Ревекка. Да скоро (плачетъ).

Давидъ Давидовичъ. Да о чемъ же ты плачешь?

Ревекка. Не знаю о чемъ... Мнѣ цѣлый день сегодня ужасно скучно. Сердце такъ тоскуетъ, такъ тоскуетъ, что просто хоть руки на себя накладывай. Что то непонятное со мной дѣлается. Я сегодня плакала, плакала, а все плакать хочется... Слезы сами такъ и льются... Въ головѣ безсвязныя мысли смѣняются однѣ другими; ни о чемъ важномъ и стоющемъ вниманія не могу думать, пустота какая-то паритъ въ мозгу, а сердце страдаетъ, да еще какъ убійственно,—если бы ты зналъ!..

Давидъ Давидовичъ. Я знаю это чувство, оно мнѣ было когда то тоже знакомо, когда я первый разъ уѣзжалъ изъ дому... Тебѣ жаль оставить отца и мать, родную кровлю?..

Ревекка. Нѣтъ, Давидъ, нѣтъ голубчикъ, не то, совсѣмъ не то... Отъ тебя я не утаю, что мнѣ не жаль ни отца, ни матери. Къ нимъ я почти тоже самое чувствую, что и ко всѣмъ остальнымъ людямъ...

Давидъ Давидовичъ. И это чувство теперь мнѣ извѣстно.

Ревекка. Давѣча я спрашивала сама у себя, почему я такъ равнодушна къ своимъ родителямъ? И что же ты думаешь, я не нашла ни въ своей головѣ, ни въ сердцѣ—на это отвѣта.

Давидъ Давидовичъ. А отвѣтъ есть; вотъ онъ! родители наши дали намъ жизнь и потому обязаны поддерживать ее, а не почти поступать съ ними, какъ поступали съ нами наши родители и какъ поступаетъ все наше невѣжественное еврейское большинство съ дѣтьми своими... Тебя, напримѣръ, отецъ и мать заставляли, ради выгодъ своихъ, пресмыкаться передъ всякимъ проѣзжимъ; выносить безропотно ихъ оскорбленія; слышать ругательства; чуть не торговали твоей честью—все ради денегъ. Мнѣ же съ тѣхъ поръ, какъ я началъ учиться въ гимназіи, во всемъ необходимомъ отказываютъ; что заработалъ прошлый годъ въ аптекѣ, тѣмъ и живу, хорошо еще, что квартиру и столъ даютъ... Теперь нужно въ Москву ѣхать, экзаменъ на провизора держать, а денегъ отецъ не даетъ, хорошо, что есть еще добрые люди, которые обѣщались помочь, а то бы прощай знаніе и призваніе, бери въ руки талмудъ и тони разумомъ въ глубинѣ его премудрости.. (махаетъ рукой). Да и говорить то больно, лучше скрѣпя сердце молчать...

Ревекка (отирая слезы). Если мнѣ жаль кого оставить здѣсь, такъ это тебя, мой милый братъ... (цѣлуетъ его).

Давидъ Давидовичъ. Ну, Богъ дастъ, увидимся... Ты не

забывай меня... пожалуйста, не забывай... Пиши мнѣ, гдѣ будешь, что будетъ съ тобой, счастлива ли ты, и я буду съ своей стороны писать тебѣ, что здѣсь дѣлается.... (голосъ его дрожитъ). Пожалуйста, не забывай своего брата, ты вѣдь одна у меня сестра... (обнимаетъ ее, цѣлуетъ и плачетъ). У тебя, Ревекка, кажется есть фотографическая карточка твоя, подари мнѣ на память...

Ревекка. Голубчикъ мой, съ радостію я отдала бы тебѣ карточку, еслибъ она была у меня. Пазухинъ у меня отобралъ ихъ всѣ, у него она и въ альбомѣ, и въ рамкахъ и въ портъ-сигарѣ.

Давидъ Давидовичъ. Даже и въ сердцѣ главное мѣсто занимаешь ты.

Ревекка. Что дѣлать? Вѣрно судьба!.. Онъ любитъ меня и ревнуетъ до безумія.

Давидъ Давидовичъ. Это хорошо. Значитъ счастіе ваше будетъ продолжительно, чего отъ души желаю и надѣюсь... Такъ ты мнѣ пришлижь карточку по почтѣ,—въ письмѣ.

Ревекка. Хорошо... (часы бьютъ три четверти одиннадцатаго). Ну вотъ только четверть осталась. Ахъ какъ сердце замираетъ.

Давидъ Давидовичъ. Въ чемъ же ты поѣдешь Ревекка?

Ревекка. А вотъ—въ чемъ видишь; надѣну только бурнусъ и шляпку. Цѣнныхъ вещей я никакихъ не беру... Пазухинъ все необходимое купилъ и не велѣлъ ничего брать изъ дому, а то, пожалуй, скажутъ обворовала родителей... Мы было согласились вчерась ѣхать, да человѣкъ Губапина, Иванъ болѣнъ былъ, ну и задержалъ на цѣлыя сутки.

Давидъ Давидовичъ. Я слыхалъ отъ Губанина, что Пазухинъ сынъ богатого купца, правда это или нѣтъ?

Ревекка. Правда... Но отецъ на него сердитъ за то, что онъ пошелъ въ актеры; въ случаѣ же крайности, мы бросимъ сцену и возвратимся къ его отцу...

Давидъ Давидовичъ. «Мы бросимъ»? Что это «мы»? Развѣ и ты хочешь поступить на сцену?

Ревекка. А что же? Развѣ я не могу быть хорошей актрисой?

Давидъ Давидовичъ. Конечно, можешь. Отъ всего сердца желаю тебѣ сдѣлаться второй Рашелью.

Ревекка. Можетъ быть и сдѣлаюсь... Съ самыхъ юныхъ лѣтъ я чувствовала страсть къ театру.

Давидъ Давидовичъ. Кто это у тебя въ медальонѣ? (показываетъ на шейный медальонъ, висящій на тоненькой золотой цѣпочкѣ). Вѣроятно, опять Пазухинъ, будущій супругъ твой?

Ревекка. А то кому же еще быть? Онъ и эту цѣпочку на которой виситъ то медальонъ сегодня подарилъ мнѣ...

Давидъ Давидовичъ. Какъ же вашъ путь будетъ? По желѣзной дорогѣ въ Петербургъ или до Пскова?

Ревекка. Мы ѣдемъ на лошадяхъ по минскому тракту, для избѣжанія погони евреевъ. Они подумаютъ, что мы въ Петербургъ поѣдемъ, ну и прокатятся туда...

Давидъ Давидовичъ. Что погоню они сочинятъ, такъ это вѣрно, какъ дважды два четыре, и что ничего не найдутъ такъ это тоже вѣрно (улыбаясь). Вотъ гвалту-то будетъ въ Вильнѣ!

Ревекка. Знаменитостью сдѣлаюсь... (слышны голоса Губанина и Давида отца). Чу, кажется голосъ отца?.. Ну такъ и есть, его... Расчитался совсѣмъ, провожаетъ, должно быть... Ну, братецъ, прощай, а то отецъ помѣшаетъ намъ проститься съ тобой (цѣлуются).

Давидъ Давидовичъ (заплакавъ). Прощай, сестрица, будь счастлива... Не забывай меня...

Ревекка. Фу, какъ сильно бьется сердце... Да и дрожь беретъ меня, точно въ лихорадкѣ... (входятъ Губанинъ въ дорожномъ костюмѣ съ сумкой черезъ плечо и Давидъ).

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Тѣже Губанинъ и Давидъ.

Губанинъ (подходя къ Ревеккѣ). А я пришелъ съ вами, Ревекка Давидовна, проститься (беретъ ее за руку). Я сейчасъ уѣзжаю... Благодарю васъ за ваше вниманіе ко мнѣ, за вашу любезность,— однимъ словомъ за все, за все... Желаю вамъ съ каждымъ днемъ хорошѣть, богатѣть, толстѣть,—если желаете, выйдти замужъ, если хотите,—однимъ словомъ—всего хорошаго, всего пріятнаго. Изъ Вильны я самое отрадное воспоминаніе вывожу объ васъ, всѣмъ и каждому буду дома говорить что видѣлъ израильтянку— чудо красоты.,. Богъ знаетъ, придется ли снова встрѣтиться съ вами?! (къ ней тихо). Не робѣйте, болѣе смѣлости и твердости... Какъ только пробьетъ одиннадцать часовъ, выходите изъ дому и на углу улицы окликните извощика Ивана, онъ васъ доставитъ за минскую заставу, гдѣ уже Пазухинъ ждетъ и васъ и меня. Больше смѣлости, повторяю вамъ; иначе все пропало (къ Давиду Давидовичу). Прощайте, милѣйшія Давидъ Давидовичъ, благодарю васъ за ваше вниманіе ко мнѣ. Будете въ нашихъ краяхъ навѣстите меня, я буду очень радъ васъ видѣть (пожимаетъ ему руку и обращается къ Давиду). Прощайте, хозяинъ, прощайте... Кланяйтесь вашей женѣ... (идетъ къ двери).

Давидъ (провожая его). Благодарю васъ... Я вами очень доволенъ и благодаренъ... Прощайтесъ. (Губанинъ уходитъ, Давидъ беретъ

талмудъ, садиться возлѣ средней двери и начинаетъ читать про себя и нараспѣвъ. Ревекка уходитъ въ послѣднюю дверь на правой сторонѣ).

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Давидъ и Давидъ Давидовичъ, потомъ Ревекка.

Длится довольно продолжительное молчаніе, нарушаемое чтеніемъ и пѣніемъ Давидомъ талмуда. Бьетъ одиннадцать часовъ, съ послѣднимъ ударомъ которыхъ изъ правой послѣдней двери, выходитъ въ бурнусѣ и шляпкѣ Ревекка, и несмѣлой поступью направляется къ средней двери.

Давидъ (Загораживаетъ ей дорогу). Ты куда это собралась? (хватаетъ ее за руку).

Ревекка (совершенно растерявшись). Я.... я.... хочу немного погулять на улицѣ... Въ комнатѣ очень душно и жарко...

Давидъ. Душно и жарко?.. Ну такъ я тебя посажу въ кладовую, тамъ похолоднѣе будетъ; а самъ за тебя поѣду на извощикѣ за минскую заставу, къ твоему любовнику Пазухину; мнѣ нужно поговорить съ нимъ...

Ревекка (опускается на колѣна). Папаша! не губи меня... я люблю его... я умру съ горя, если ты разлучишь меня съ нимъ... (хватаетъ его руку и хочетъ поцѣловать).

Давидъ. Молчи, недостойная дочь Израиля... Или я прокляну тебя... Мнѣ Мовша сказалъ, о твоихъ затѣяхъ, какъ уѣхать хотѣла; какъ вѣру христіанскую хотѣла принять, все сказалъ... Я ему отвѣчалъ на это, что ты нарочно это дѣлала; что ты шутила. Смотри, завтра утромъ придетъ Мовша и ты сама ему скажи, что шутила съ Пазухинымъ и больше ничего... А я поѣду за минскую заставу и Пазухину скажу тоже самое, что ты шутила съ нимъ...

Ревекка. Шутила?.. Нѣтъ, папаша я не шутила. Я люблю его больше всего... Онъ дороже мнѣ жизни, дороже всего на свѣтѣ, не разбивай моего счастья?.. Ты далъ мнѣ жизнь, не отравляй же ее... Пусти меня, пусти къ моему милому; мы съ нимъ будемъ любить тебя, молиться за тебя, но, если ты удержишь меня здѣсь, то не увидишь болѣе своей дочери; я руки на себя наложу...

Давидъ. Молчи, безумная!.. Не заставляй меня созвать кагалъ. (Беретъ ее за руку и силой вталкиваетъ въ первую дверь направо, запираетъ ее на ключь и подойдя къ послѣдней двери направо кричитъ). Сара! Сара?! (Входитъ Сара).

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

тѣже и Сара.

Сара (съ чулкомъ въ рукахъ). Что тебѣ!

Давидъ (ставитъ стулъ у запертой имъ двери и сажетъ на немъ Сару). Вотъ садись тутъ и до моего пріѣзда не вставай со стула, и не подпускай къ этой двери богохульника Давида (показываетъ на сына). Въ кладовой заперта Ревекка... Чу, она стонетъ, слышишь?... Смотри чтобы они вдвоемъ не разломали дверь (уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

тѣже безъ Давида.

Сара (садится на стулъ и вяжетъ чулокъ). Что случилось? Что Ревекка сдѣлала?

Давидъ Давидовичъ (не слушая ее). Небесный громъ такъ не могъ бы поразить меня, какъ все то, что видѣлъ я здѣсь сейчасъ... Бѣдная Ревекка!

Сара (къ Давиду). Ну что? ты глухъ, что ли? За что посадилъ отецъ Ревекку въ кладовую?

Давидъ Давидовичъ. Не знаю...

Голосъ Ревекки. Матушка! отоприте, ради Бога, отоприте, я сама вамъ все скажу...

Сара (продолжаетъ вязать чулокъ). У меня ключа нѣтъ...

Голосъ Ревекки. Велите брату разломать дверь, только, ради Бога, скорѣе...

Сара. Разломать дверь нельзя, отецъ будетъ сердиться....

Голосъ Ревекки. Выпустите меня сейчасъ, иначе вы больше не увидите меня живой... (молчаніе).

Давидъ Давидовичъ (къ матери). Что же вы такъ хладнокровно сидите? Развѣ не слышите, что говоритъ Ревекка?

Сара (къ сыну). Это не твое дѣло, ты пошелъ прочь...

Голосъ Ревекки. Въ послѣдній разъ прошу васъ матушка, выпустите меня...

Сара. Да не могу; отецъ гнѣваться будетъ.

Давидъ Давидовичъ (въ сторону). Нужно помочь сестрѣ (къ Сарѣ). Вы мать, а относитесь къ ней не породительски. За что вы губите Ревекку? За что вы хотите надорвать ее жизнь? Неужели вамъ пріятно будетъ смотрѣть на дочь свою, убитую горемъ... Вспомните: вы сами въ молодости любили, такъ дайте же и дочери своей насладиться любовью и супружескимъ счастіемъ! Нужды нѣтъ, что она будетъ христіанкой...

Сара. Что, что такое? Она будетъ христіанкой?..

Давидъ Давидовичъ. Да развѣ вы ничего не знаете?

Сара. Не знаю.

Давидъ Давидовичъ. Ну и прекрасно если не знаете, вамъ и знать не нужно... Вы только будьте любящей матерью и выпустите Ревекку, она сама вамъ все скажетъ. Вы отца не бойтесь, я отвѣчу ему за все... Позвольте я сломаю дверь.

Сара (отталкиваетъ его). Ну, ну, ну! ты не умничай, а то я *«гвалтъ»* крикну...

Давидъ Давидовичъ (становится на колѣна и цѣлуетъ руку у матери). Матушка, милая мамуня! пустите Ревекку.... Прошу васъ...

Сара. Дальше, дальше отъ двери!.. не мѣшай мнѣ чулокъ вязать...

Давидъ Давидовичъ. Эхъ матушка!. Вамъ какой нибудь чулокъ дороже дочери... (ходитъ по комнатѣ). Такъ вы не хотите выпустить Ревекку?

Сара. Нельзя ее выпустить, отстань ты отъ меня.

Давидъ Давидовичъ. Это ваше послѣднее слово?

Сара. Послѣднее... Ты мнѣ надоѣлъ.

Давидъ Давидовичъ. Ну смотрите, послѣ не пѣняйте на себя (ходитъ по комнатѣ и говоритъ въ сторону). А, счастливая мысль! Возьму скрипку и начну играть. Моя мать такъ любитъ музыку, что когда я играю на скрипкѣ, она сейчасъ засыпаетъ... Пусть ее заснетъ и дверь въ одну секунду будетъ сломана (беретъ скрипку и начинаетъ играть разныя фантазіи и мелодіи, то грустныя, то веселыя; играетъ очень долго и смотритъ на мать). Нѣтъ, къ несчастію не засыпаетъ (играетъ еще). И похожаго нѣтъ на то, чтобъ она заснула, (продолжаетъ играть).

Сара. Ты хорошо выучился играть на скрипкѣ.

Давидъ Давидовичъ (посмотрѣвъ на нее, съ негодованіемъ бросаетъ скрипку). Напротивъ, скверно...

Сара. Ну, зачѣмъ бросилъ скрипку? Ты ее испортилъ.

Давидъ Давидовичъ.. Это мое дѣло, она моя собственность... въ сторону). Послѣднее средство испытаю, и если это не поможетъ, тогда все пропало... (Уходитъ въ среднюю дверь и, минуты три спустя, въ ужасѣ и съ крикомъ, вбѣгаетъ въ комнату). Гвалтъ, гвалтъ, гвалтъ!!.

Сара. Что ты, что сдѣлалось?

Давидъ Давидовичъ. Гвалтъ!.. Лавку нашу ограбили, замки сломаны, двери отворены и...

Сара (въ испугѣ бросаетъ чулокъ и съ крикомъ бросается вонъ). Гвалтъ, гвалтъ, гвалтъ!!!

Давидъ Давидовичъ (смѣясь). Вотъ что подѣйствовало то! (бѣжитъ къ двери и послѣ нѣсколькихъ толчковъ сшибаетъ ее). Сестра, ты свободна!.. Ступай скорѣй черезъ окно, въ среднюю же дверь не ходи, на встрѣчу матери, пожалуй, попадешься (подбѣгаетъ къ окну и поспѣшно отворяетъ его). Ревекка спѣши, медлить нечего, время дорого... (вбѣгаетъ въ комнату, гдѣ Ревекка и кричитъ тамъ «Ревекка! гдѣ ты»)? Она лежитъ наполу, что это значитъ? (беретъ подсвѣчникъ съ зажженной свечей, идетъ къ Ревеккѣ и черезъ минуту въ ужасѣ выбѣгаетъ оттуда и роняетъ подсвѣчникъ). О, Господи!.. Ревекка удавилась!! (опускаеуся на стулъ, вбѣгаетъ Сара).

Сара. Ну, что ты врешь, что ты врешь, замки цѣлы. (увидѣвъ отворенную дверь). Гвалтъ, ты выпустилъ Ревекку (бѣжитъ къ двери и кричитъ). Ревекка! Ревекка?!.. Гдѣ Ревекка, говори, она ушла?.. Ты ее выпустилъ?.. Гвалтъ, гвалтъ!!.

Давидъ Давидовичъ. Ревекки нѣтъ болѣе на свѣтѣ (въ слезахъ подаетъ ей свѣчку).

Сара. А,. гдѣ жъ она? гдѣ?

Давидъ Давидовичъ. Она умерла; возьмите свѣчку и полюбуйтесь на ея трупъ...

Сара (беретъ свѣчку, идетъ въ комнату и причитъ: «Ревекка! Ревекка?! Давидъ, бѣги за докторомъ, за докторомъ».)

Давидъ Давидовичъ. Да, теперь за докторомъ!? Теперь когда никакая докторская сила не поможетъ возвратить Ревекку къ жизни,—жалко вамъ дѣлается ее?.. (смотритъ въ комнату). Теперь сами рыдаете надъ холоднымъ трупомъ своей жертвы. А что же раньше-то думали? Сами сгубили ее, потомъ сами жалѣете. (отходитъ въ сторону и рыдаетъ). Бѣдная Ревекка!.. Не удалось тебѣ испытать счастья на землѣ; не пришлось пожить на вольной волюшкѣ... Съ юныхъ лѣтъ ты видѣла только одно горе и повсюду насъ окружающую грязь. Улыбнулась—было тебѣ судьба злодѣйка, да не надолго, подобно твоей посмертной улыбкѣ, заснувшей на твоихъ устахъ при самомъ зарождѣніи... А что думаетъ теперь Пазухинъ? Обманутый отцомъ моимъ, что Ревекка шутила съ нимъ, онъ вѣроятно ѣдетъ теперь убитый горемъ и, считая себя осмѣяннымъ, ругаетъ всѣхъ жидовокъ на свѣтѣ, не подозрѣвая, что Ревекка изъ любви къ нему его же цѣпочкой, на которой виситъ медальонъ съ его портретомъ, — лишила себя жизни... (садится закрываетъ лицо руками и тихо плачетъ). Бѣдная, несчастная сестра!!.. (входитъ Давидъ).

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Давидъ Давидовичъ и Давидъ.

Давидъ (снимаетъ съ себя верхнее длинное пальто). Уѣхали, съ Пазухинымъ дурно сдѣлалось, когда я сказалъ, что Ревекка съ нимъ шутила; какъ снопъ полетѣлъ на руки Губанина, потомъ очувствовался, отдалъ мнѣ какія то деньги, четыреста рублей; для передачи Ревеккѣ, велѣлъ ей кланяться и горько заплакалъ; послѣ этого всѣ усѣлись въ тарантасъ и поѣхали; колокольчикъ такой звонкой попался; я слушалъ какъ онъ все дальше и дальше удалялся и потомъ совсѣмъ замолкъ... (увидавъ растворѣнную дверь). Кто смѣлъ отворить дверь? Гдѣ Ревекка?..

Давидъ Давидовичъ (поднимаясь). Я отворилъ дверь, а Ревекки тамъ нѣтъ, она ушла...

Давидъ. Куда?

Давидъ Давидовичъ. Туда, гдѣ Богъ Авраама творитъ судъ надъ всѣми смертными, къ нему она полетѣла заявить свой протестъ противъ насилія своего родителя (подводитъ его къ двери, откуда слышатся рыданія Сары). Смотрите и любуйтесь, это лежитъ не Ревекка, а бездыханный трупъ ея... Вотъ до чего вы довѣли ее и за что взыщетъ съ васъ справедливый Іегова!.. Давидъ бросается въ дверь, а Давидъ Давидовичъ опускается на стулъ и горько рыдаетъ.)

КОНЕЦЪ 4-ГО ДѢЙСТВІЯ И ПІЕСЫ.

С. Калугинъ.

1868 года 11 января. С.-Петербургъ.

ЯГАЙЛО.

Историческій романъ

ВЪ 4-хъ ЧАСТЯХЪ.

*(Продолженіе *).*

ЧАСТЬ 1-ая

ГЛАВА 5-я.

Гора Мѣдзіоймы **).

Въ теплый лѣтній вечеръ, спустя нѣсколько дней послѣ битвы подъ Рудавою, у подошвы этой горы, подъ густою тѣнью трехъ вѣковыхъ дубовъ, на медвѣжьихъ постилкахъ, лежали молодые князья Витовтъ и Ягайло и, молча, смотрѣли сквозь зеленыя густыя дубовыя вѣтви на чистое, голубое небо. У ногъ ихъ лежали конюшіе—дядьки. Далѣе, по всему протяженію лощины, лежавшей у подножія горы Мѣдзіоймы и со всѣхъ сторонъ поросшей густымъ дубовымъ лѣсомъ, разбиты были шатры, а въ нихъ и вокругъ ихъ отдыхали пѣшіе и конные воины: русины и литвины, измученные утомительнымъ переходомъ. Жмудиновъ ни тутъ—ни въ лѣсу, куда далеко углубились воины ищущіе отдыха въ лѣсной прохладѣ,—не видно было. Одна половина ихъ пала—подъ замкомъ Рудавою, другая на границѣ была распущена Ольгердомъ и Кейстутомъ по домамъ, или вѣрнѣе выразиться—по своимъ завѣтнымъ лѣсамъ, гдѣ они жили въ землянкахъ, какъ кроты и прятались въ нихъ отъ бѣлыхъ ястребовъ,—такъ величали они ненавистныхъ имъ тевтонскихъ рыцарей, имѣвшихъ бѣлыя мантіи съ краснымъ крестомъ....

Лошади паслись тоже въ лѣсу близь обоза, расположеннаго на другой лощинѣ.

Недалеко отъ дубовъ, подъ которыми покоились Ягайло и Витовтъ, раскинутъ былъ громадный богатый татарскій шатеръ, въ которомъ находились В. Князья Ольгердъ и Кейстутъ со своими сыновьями Патрикіемъ и Войдатомъ. Этотъ великокняжескій

---

*) См. 3 кн. Вѣстн. Зап. Россіи.

**) Близь мѣстечка Крожъ, Россіенскаго уѣзда, Ковенской губерніи. По-литовски это гора называется Мѣдзіокальная. Авторъ.

походный палацъ былъ окруженъ боярскими и княжескими шатрами. Вѣтерокъ чуть чуть колыхалъ зеленыя вѣрхушки дубовъ и легкимъ дуновѣніемъ своимъ освѣжалъ усталые члены отдыхавшихъ воиновъ, на открытомъ воздухѣ. Солнце склонялось къ горизонту и тонуло въ прозрачномъ туманѣ. Изъ лѣсовъ неслися мѣрные крики кукушки, переливы трелей и свистъ соловьевъ, съ аккомпанеманомъ цѣлаго хора лѣсныхъ пернатыхъ пѣвчихъ, оглашали воздухъ. Въ воздухѣ носился тонкій аромать цвѣтущихъ травъ и деревьевъ. Все располагало къ нѣгѣ, къ мирному и спокойному настроенію души.

Солнечный свѣтъ, пробиваясь сквозь листья и молодые желуди дуба, самыми причудливыми красными пятнышками разбѣгался по лицамъ и фигурамъ Ягайлы и Витовта.

— Витовтъ! какъ называется эта гора? Спросилъ сонно Ягайло, ложась навзничь на пушистомъ медвѣдѣ и лѣниво указывая на гору.

— А развѣ ты не знаешь? Спросилъ его Витовтъ, ловя рукою дубовую вѣтку.

— Не знаю.

— Гора Медзіойны.

— А кто эта была Медзіойна?

— Ты и этого не знаешь? Какой же ты кунигасъ послѣ этого, если не знаешь своихъ родныхъ, завѣтныхъ,—святыхъ для всякаго литовца преданій?...

— Я и знать-то не хочу...

— Зачѣмъ же ты меня спрашиваешь?

— А затѣмъ, чтобы ты разсказалъ,—тогда я и буду знать,— съ глупой улыбкой отвѣчалъ Ягайло.

— Медзіойна есть наша богиня лѣсовъ Литвы. Все, что ни есть въ лѣсахъ нашихъ: звѣри, птицы, змѣи, все ей повинуется; по ея къ намъ милости, мы имѣемъ множество въ лѣсахъ дорогихъ пушистыхъ звѣрей, а эти звѣри, да жмудской янтарь составляютъ весь нашъ достатокъ, все богатство, на которое мы мѣняемъ у новогородцевъ жемчугъ, ковры, парчи и все дорогое чужеземное. Такъ за это богиня Медзіойна почитается между литовцами и жмудинами, ей они приносятъ обильныя жертвы, и горе тому, кто посмѣетъ срубить хоть одинъ молодой дубъ въ этой вѣковой лѣсной пущѣ!!, говорилъ Витовтъ, показывая на окраины лѣса.

— А что же бываетъ за срубку? Спросилъ Ягайло, заинтересованный разсказомъ Витовта.

— На этого смѣльчака богиня посылаетъ сейчасъ же черную смерть, и онъ, въ страшныхъ мученіяхъ, умираетъ,—заключилъ Витовтъ.

Ягайло сдѣлалъ видъ отвращенія.

— Живетъ она на этой горѣ и часто отдыхаетъ подъ этими тремя священными дубами, подъ которыми мы съ тобой сидимъ,—продолжалъ Витовтъ.

— Неужели?

— Чего жъ ты испугался?

— Чего мнѣ пугаться? я такъ.... Говори дальше,—сказалъ Ягайло, стараясь подавить волненіе.

— На этой горѣ она является прохожимъ и проѣзжимъ и ко всѣмъ обращается съ мольбою сохранять завѣтъ ея: не рубить лѣсу; въ немъ,—говоритъ она,—счастье Литвы: не будетъ лѣсу, не будетъ и Литвы,—заключилъ Витовтъ.

— Она какая же изъ себя, на человѣка похожа или?......... спросилъ Ягайло и, не договоривъ, замолчалъ.

— Она исполинскаго росту, съ мужской головой, съ широкими плечами, съ статною осанкой.... На головѣ она носитъ дубовый вѣнокъ; тѣло покрыто до колѣнъ медвѣжьимъ кожухомъ, ноги обуты въ сандаліи; за плечами имѣетъ лукъ и колчанъ со стрѣлами...

— Кто же ее видѣлъ?

— Многіе видали; отецъ мнѣ сказывалъ, что дѣдъ нашъ Гединимъ видѣлъ ее и говорилъ съ ней.

— О чемъ говорилъ?

— Онъ спросилъ ее о своей кончинѣ, она ему предсказала смерть отъ рукъ тевтонцевъ; такъ и случилось, его убилъ изъ огнестрѣльного самопала....

— Тиллеманъ Шнупахъ?—Знаю.

— А знаешь ли ты, что въ битвѣ подъ Рудавою отецъ мой убилъ изъ своихъ рукъ этого сквернаго латинца Шнупаха?

— Нѣтъ.

— Въ моихъ глазахъ, на стѣнѣ замка, передъ помраченіемъ солнца.

— А отъ чего это померкло солнце?

— Вѣрно Сойтваросъ или Перкунъ разгнѣваны на насъ были.

— А вотъ нашъ грекъ говоритъ, что это мѣсяцъ проходилъ мимо солнца и заслонилъ его, отъ того и темь сдѣлалась.

Витовтъ разразился хохотомъ, Ягайло тоже началъ вторить ему.

— Рехнулся этотъ грекъ; ему простительна всякая чепуха,— сказалъ Витовтъ.

— А мой отецъ да и твой—тоже вѣрятъ ему—сказалъ Ягайло.

Витовтъ замолчалъ.

— А много черезъ это помраченіе вреда намъ нѣмцы надѣлали! произнесъ Ягайло.

— Ухъ какъ много! заключилъ со вздохомъ Витовтъ.

— Не подоспѣй во второй приступъ къ нимъ помощь изъ Маріенбурга, замокъ по вѣтру мы развѣяли бы, — продолжалъ Ягайло.

— Ужъ не ты ли бы развѣялъ? Съ насмѣшкой спросилъ Витовтъ. Молчалъ бы лучше о своихъ ратныхъ подвигахъ. Тебѣ съ бабами воевать, а не съ рыцарями, добавилъ Витовтъ.

При этомъ считаю нужнымъ пояснить читателю результатъ втораго приступа и послѣдняго сраженія подъ замкомъ Рудавою. Мы оставили в. к. Ольгерда въ то самое время, когда онъ, съ своимъ войскомъ, только что пришедшимъ въ сознаніе послѣ солнечнаго затмѣнія,— бросился снова къ замку—изъ котораго намѣревался выручить брата своего, Кейстута, если онъ въ плѣну и не оставить въ замкѣ камня на камнѣ. Сдѣлавъ нѣсколько десятковъ шаговъ со своей дружиной онъ увидѣлъ, что отъ замка къ нимъ на встрѣчу что есть духу мчатся два всадника, а за нимъ въ отдаленіи гонится цѣлая куча конныхъ рыцарей «это братъ Кейстутъ съ Гришкой скачутъ», подумалъ Ольгердъ. Дѣйствительно черезъ нѣсколько минутъ къ литовскому войску подскакали Кейстутъ и Григорій русинъ. Лошади ихъ были всѣ въ мылѣ, такъ шибко они гнали ихъ.

— Братъ! скорѣе къ замку! Разгромимъ его!! закричалъ Кейстутъ, подъѣзжая къ Ольгерду.

— Къ замку! закричалъ Ольгердъ, обращаясь къ своей дружинѣ.

— Къ замку!! повторила дружина и второй приступъ начался. Онъ былъ ужаснѣе перваго. Пришлось еще нѣсколько времени драться съ конными рыцарями внѣ замка. Эти рыцари и латники, подъ предводительствомъ самого командира, хотѣли преслѣдовать испуганныхъ литовцевъ. Литовская рать смяла рыцарей и съ гикомъ бросилась къ замку. Но въ это время изъ лѣсу съ праваго фланга показалась многочисленная конница, устремившаяся на

осаждающихъ. Бѣлыя мантіи довольно ясно говорили, что это были рыцари. Да, это была помощь изъ Маріенбурга. Кейстутъ первый увидѣлъ этихъ бѣлыхъ всадниковъ и успѣлъ обратить на нихъ вниманіе нѣсколькихъ своихъ полковъ. Но увы! такая неожиданная помощь придала бодрости осажденнымъ и уронила духъ осаждающихъ. Ольгердъ и Кейстутъ подъ замкомъ Рудавою понесли полное пораженіе, хотя и успѣли спасти весь свой обозъ.

Теперь снова обратимся къ Ягайлѣ и Витовту.

— А отчего же нѣтъ на этой горѣ божницы Медзіойны? спросилъ Ягайло у Витовта.

— Какъ нѣтъ? есть! отвѣчалъ Витовтъ.

— Да гдѣ же она?

— Прежде она была на верху горы, но частыя нападенія на эту низовую сторону Литвы крестоносцевъ заставили Бариnду перенести ее подъ землю, гдѣ она сокрыта отъ завистливыхъ очей латинцевъ....

— Кто эта Баринда?

— Старшая вайделотка въ храмѣ Медзіойны.

— А гдѣ храмъ-то?

— На той половинѣ горы, гдѣ ростутъ два ясеня и два клена, между ними лежитъ каменная плита; нужно постучать три раза по ней и потомъ, когда спросятъ тебя изъ подъ земли: «кто тамъ?» отвѣчать: «дубъ», и тебя впуститъ въ храмъ сама Баринда,— сказалъ Витовтъ. Я уже былъ тамъ нынче, приносилъ жертвы и спрашивалъ о здоровьи моей жены *),—добавилъ онъ же.

— Ну что же, жена твоя здорова?

— Здорова, говоритъ Баринда.... Только скучаетъ сильно безъ меня, сказалъ Витовтъ.

— Развѣ и мнѣ пойдти къ этой Баринде, узнать у нея тоже о здоровьи....

— Да вѣдь ты не женатъ, окомъ же тебѣ узнавать?

— Какъ о комъ? немного смутившись, спросилъ Ягайло. У меня есть мать, есть сестра, добавилъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Мать, сестра,—протяжно передразнилъ его Витовтъ.

Знаю я, кто засѣлъ въ твою душу, какъ ты ни хитри.... Не даромъ ты съ самого Кернова мнѣ всѣ уши прожужжалъ своей

---

*) Витовтъ женился на 18-мъ году своей жизни на Прасковіи, дочери князя лукомскаго и стародубскаго. (Авторъ).

виленевой вайделоткой. Ступай, сходи въ храмину Медзіойны, да жертву богатую неси; Варнида люба нашимъ богамъ и большую ей власть Медзіойна дала надъ лѣсами, — она мертвыя и живыя тѣни вызываетъ. Ступай, попроси ее показать твою сердечную; она покажетъ,—продолжалъ Витовтъ.

По лицу Ягайлы скользнула улыбка, щеки его зардѣлись маковымъ цвѣтомъ, грудь начала волноваться.

— И то пойдти, спросить?... сказалъ Ягайло, потягиваясь.

— Ступай, сказалъ Витовтъ. Да не забудь жертву-то, добавилъ онъ же.

— Войдыйло! крикнулъ Ягайло.

Войдыйло вскочилъ на ноги и предсталъ предъ своего молодаго князя.

— Ступай сходи въ шатеръ и принеси мнѣ ножъ съ каменьями на рукояткѣ,—приказалъ Ягайло.

Конюшій повиновался и неболѣе какъ черезъ минуту подалъ Ягайлѣ охотничій ножъ въ великолѣпной восточной оправѣ, съ каменьями на рукояткѣ.

— Ну я пойду.... такъ ты говоришь постучать три раза по плитѣ? вставъ на ноги, спросилъ Ягайло у Витовта.

— Да, три раза, отвѣчалъ Витовтъ, срывая зеленый жолудь съ дубовой вѣтки.

Ягайло пошолъ на гору и обойдя ее съ одной стороны на другую, замѣтилъ ростущіе клены и ясени и приблизился къ нимъ. Между ними, дѣйствительно, лежала большая плита. Не медля ни минуты, герой моего романа хотѣлъ ударить три раза по плитѣ,—какъ вдругъ она и безъ того отодвинулась къ верху и передъ Ягайлой образовалось отверстіе, изъ котораго выглядывала вайделотка,—далеко не первой молодости, хотя черты ея лица были довольно правильны и цвѣтъ лица былъ еще свѣжъ. Росту она была высокаго и мужественнаго; черные какъ смоль волосы длинными густыми валунами спускались изъ подъ зеленаго дубоваго вѣнка на ея роскошный станъ.... Странное дѣло! Ягайлу поразило большое сходство—этой пожилой вайделотки съ той молодою, которую онъ видѣлъ въ Вильнѣ, въ храмѣ Перкуна и съ загадочной Поятой въ Керновѣ. Сходство было дѣйствительно поразительное. Только лѣта и время, наложившія свою печать на лицѣ Варниды разнили его отъ Поятьі. Ягайло обрадовался этому сходству, напоминавшему очаровательную вайделотку и священную

вно Поэты; съ жадностью онъ началъ всматриваться въ лицо арпиды, которую читатель, вѣроятно, помнитъ по введенію въ романъ.

— Войди, князь, въ храмину Медзіойны; я давно тебя дожидалось, сказала Варнида, встрѣчая Ягайлу на ступенькахъ подземнаго корридора. Герой мой немного наклонился и вошелъ, вслѣдъ за нимъ задвинулась плита, и они остались въ таинственномъ полумракѣ.

— Иди за мной! сказала Варнида и пошла по корридору,—въ концѣ котораго виднѣлось довольно большое помѣщеніе, сильно залитое огнемъ.

— Вотъ храмина богини Медзіойны, сказала Варнида, вводя за руку Ягайлу—въ круглую, роскошную, подземную залу. Стѣны ея были увѣшаны съ верху до низу звѣриными кожами, карнизъ около потолка былъ сдѣланъ изъ головъ медвѣдей, волковъ, лисицъ, зубровъ, лосей и прочихъ лѣсныхъ обитателей. Потолокъ былъ убранъ можжевельникомъ и на половину изрѣзанъ глубокими нишами, изъ которыхъ обильный свѣтъ—отъ множества огней — заливалъ всю божницу и миріадами разныхъ цвѣтовъ отражался въ искуственно - сдѣланномъ на полу. прудѣ, который былъ обсаженъ разными пахучими растеніями, обложенными рѣчными и морскими раковинами, изъ подъ которыхъ выползали змѣи и отвратительныя ящерицы. Въ самомъ прудѣ плавали рѣчные бобры, ужи и зеленыя лягушки. По стѣнамъ — на полу было нѣсколько сидѣній, сдѣланныхъ изъ камня и тоже обсаженныхъ растеніями. По полу, выложенному плитой,—тамъ и сямъ—бѣгали,—прыгали зайцы— разныхъ породъ и глодали зеленыя листья растеній. Вверху комнаты порхало нѣсколько маленькихъ птичекъ. Воздухъ былъ пропитанъ сосновой смолой....

У Ягайлы—отъ перехода дневнаго солнечнаго свѣта къ искуственному ночному — зарябило въ глазахъ и долго ему всѣ предметы казались въ густомъ туманѣ; наконецъ туманъ этотъ разсѣялся и онъ ясно увидѣлъ помѣщеніе, сейчасъ мною описанное.

— Вотъ жертва моя, тихо сказалъ Ягайло, подавая Варнидѣ многоцѣнный ножъ.

— Богиня Медзіойна милостива къ тебѣ и безъ всякихъ твоихъ жертвъ; но если ты уже обрекъ этотъ ножъ на жертву ей, то давай, я передамъ ей,—сказала Варнида, принимая ножъ изъ рукъ Ягайлы и ласково смотря на него.

«Вотъ тебѣ разъ—подумалъ Ягайло—вездѣ всѣ кривичанскія

боги и богини, исключая веселаго Рагутиса, всѣ злы и немилостивы ко мнѣ; только одна Медзіойна милостива.... Ужъ не хитритъ ли вайделотка? продолжалъ думать Ягайло, не сводя глазъ своихъ съ Бариды. Но каково же было его удивленіе, когда Барида точно угадала его мысли и сказала слѣдующее.

— Ты—христіанинъ, греческаго закону, но богиня Медзіойна все таки милостива къ тебѣ, потому что она — прародительница того племени, которое называется Литвою и счастье котораго заключается въ непроходимыхъ лѣсахъ богини. А ты сынъ кунигаса, который управляетъ этимъ племенемъ. Ты, князь, — черезъ нѣсколько лѣтъ будешь королемъ Литвы,—богиня знаетъ объ этомъ и проситъ тебя оберегать завѣтъ ея:—не допускать поганцевъ—другой вѣры и крови въ дремучіе священные лѣса, которыми покрыта вся Литва,—верхняя и нижняя; въ этихъ лѣсахъ живетъ дочь богини Медзіойны, — прекрасная Летува *),—оберегающая свободу литовцевъ и заботящаяся о благѣ ихъ,—въ этихъ лѣсахъ живетъ сынъ богини Медзіойни, — прекрасный Литуванисъ **), который постоянно молитъ со слезами Сойтвароса о счастіи литовцевъ, и слезы котораго Сойтваросъ превращаетъ въ обильные потоки дождя, почти ежедневно - орошающаго растенія и плоды древесные, и наполняетъ этою священною водою рѣки и озера, изобилующія рыбою, которая составляетъ почти главную пищу литовцевъ. Но если, на мѣстѣ тѣнистыхъ лѣсовъ, останутся только голые пни и вѣтеръ будетъ гулять въ нихъ какъ по чистому полю, тогда улетитъ Летува въ лазурное небо, унесетъ съ собой счастье и свободу литовцевъ, перестанетъ Литуванисъ молить Сойтвароса, не будетъ тогда дождикъ падать на Литву, высохнутъ тогда озера, измелчаютъ рѣки, прійдутъ чужіе люди и на вѣки вѣчные поработятъ нашу родную землю,—польется тогда у литовцевъ кровь отъ ударовъ, потъ отъ тяжкихъ трудовъ.... Смотри же, князь, не допускай до такого несчастія свою родную землю,—грѣхъ тебѣ будетъ! Будь себѣ христіаниномъ греческаго закона; но вмѣстѣ съ этимъ будь стражемъ отъ вторженія латинской вѣры, которая нашла пріютъ въ домѣ Гаштольда; постарайся изгнать ее съ позорищемъ туда, откуда она, незванная не прошенная, пришла къ намъ.... Вотъ все, что поручила мнѣ богиня Медзіойна сказать

---

*) Богиня свободы. (Авт.)

**) Богъ дождя. (Авт.)

тебѣ. Теперь же, князь, изволь присѣсть, сказала Варнида, показывая рукою на ближайшее каменное сидѣнье.

Ягайло повиновался, Барнида тоже сѣла рядомъ съ нимъ. Наступило молчаніе, во время котораго Ягайло началъ смотрѣть на бѣлыя плечи и руки Барниды.

— Князь Яковъ! обратилась къ нему Барнида.

Ягайло, услыхавъ свое христіанское имя отъ вайделотки, вздрогнулъ и смутился.

— Не смущайся, князь Яковъ, — что такъ назвала тебя: я все знаю и прійдетъ время, когда я тебѣ многое разскажу, многое ты узнаешь отъ меня,—да такого, о которомъ, кромѣ меня, никто не посмѣетъ тебѣ передать. Не скрывай же отъ меня ничего и скажи мнѣ, какъ матери своей; зачѣмъ ты пришелъ въ храмину Медзіойны? Спросила Барнида Ягайлу, уставя на него свои большіе глаза.

— Какъ, зачѣмъ?... Да вѣдь ты сама говорила мнѣ, что ждала меня, а теперь спрашиваешь?...

— Я знала что ты прійдешь, а зачѣмъ, не знаю... Ужъ не хочешь ли язычникомъ сдѣлаться? Съ насмѣшливой улыбкой спросила Барнида Ягайлу.

Герой мой молчалъ и только покраснѣлъ отъ чего-то.

— Тебѣ хочется, что бы я показала тѣнь твоей сердечной?

Ягайло еще больше покраснѣлъ и подумалъ: «она колдунья».

— Ничего, князь, не краснѣй, какъ дѣвица,—это не пригоже витязю, а скажи лучше имя твоей милой; я вызову ее.

Ягайло повеселѣлъ, но все таки безмолвствовалъ.

— Ну что жъ ты, князь, молчишь? Вѣдь меня не обманешь, я слышу какъ твое сердечко радостю бьется.... Скажи же мнѣ: любишь ты кого нибудь? Спросила Барнида, наклонившись къ уху Ягайлы.

Онъ молчитъ и все болѣе краснѣетъ.

— Любишь ты? повторяетъ она, да такъ близко къ уху, что онъ вздрогнулъ.

— Любишь? снова шепчетъ Барнида.

— Люблю! тоже шепотомъ отвѣчаетъ Ягайло.

— Кого? спрашиваетъ Барнида.

— Не знаю, отвѣчаетъ Ягайло.

— Христіанку?

— Нѣтъ.

— Язычницу?

— Да.

— Міряику?

— Нѣтъ.

— Вайделотку?

— Да.

— Какъ ея имя?

— Не знаю.

— Такъ я за тебя отвѣчу, ее зовутъ Поятой, утвердительно сказала Бариида.

— Не знаю, отвѣчалъ Ягайло.

— Какъ не знаешь? А Керново?.... Ты любишь мертвый призракъ богини Поятвы!...

— Нѣтъ, нѣтъ... живую, живую! невольно сорвалось изъ устъ Ягайлы; я видѣлъ ее....

— Въ храмѣ Перкуна?!—Знаю, перебила его Бариида.

«Колдунья,» рѣшилъ онъ въ умѣ своемъ.

— Ты никогда не говорилъ съ ней? спросила Бариида.

— Нѣтъ.... заговаривалъ я въ Керновѣ, но она исчезла.

— Въ Керновѣ другая.... Не мѣшай ее съ виленской вайделоткой. Керновскую тѣнь ты любить не можешь, но живую виленскую... хочешь я покажу ее тебѣ?

Ягайло съ мольбою посмотрѣлъ на Барииду, она поняла его и улыбнулась.

— Подойди сюда, князь, сказала Бариида и подвела его къ той части стѣны, которая была завѣшана лисьими темнобурыми мѣхами.

— Подожди меня, я сейчасъ вернусь, сказала Бариида, приподнимая лисьи шкуры и скрываясь за ними.

Ягайло остался одинъ, сердце его сильно забилось. Странное что-то совершилось съ моимъ героемъ: прежде онъ боялся и страшился всего, что даже близко къ колдовству, а теперь безъ всякой боязни находится въ подземной языческой храминѣ,—гдѣ все смотритъ какъ то мрачно и таинственно. Прежде онъ не вѣрилъ вызываніямъ тѣней въ языческихъ капищахъ и съ омерзеніемъ относился ко всему языческому; теперь же онъ хотя еще не убѣжденъ, что тѣни дѣйствительно являются, но старается обмануть себя и, вѣря въ ихъ появленіе, охотно идетъ въ храмину Медзіойны. Объ участіи нечистаго въ этомъ дѣлѣ теперь ему и въ умъ не приходитъ.

Онъ забылъ все на свѣтѣ и съ нетерпѣніемъ ждетъ скорѣе увидѣть милый сердцу образъ....

Но вотъ вышла къ нему Баримда, раздвинула кожи звѣрей и черезъ это отверстіе, въ нѣсколькихъ шагахъ, на небольшомъ возвышеніи, Ягайло увидѣлъ туже тѣнь, которую видѣлъ въ Кернові и которую онъ видѣлъ въ Вильнѣ.

— Она... она!... шепчетъ Ягайло, обращаясь къ Баримдѣ.

— Спроси ее: позволитъ ли она тебѣ любить ее? Громко сказала Баримда.

— Не могу, послѣ нѣкотораго молчанія, покраснѣвъ сказалъ Ягайло. При этомъ онъ уловилъ на лицѣ милой тѣни туже краску.

— Такъ я за тебя спрошу, сказала Баримда и, обратившись къ тѣни, спросила ее: тѣнь вайделотки, мною вызванная съ береговъ Виліи изъ храма Перкуна, отвѣчай мнѣ, служительницѣ богини Медзіойны: дозволяешь ли ты князю любить тебя?

— Дозволяю, если только князь дастъ мнѣ клятву въ томъ, что будетъ по смерть защитникомъ нашей кривичанской вѣры, основанной Вайдевутомъ и Брутеномъ, отвѣчала нѣжнымъ голосомъ тѣнь.

— Клянусь, клянусь! шепчетъ Ягайло.

— Клянись тѣнью твоего вѣнчаннаго дѣда Гедимина, говоритъ ему Баримда.

— Клянусь тѣнью дѣда моего Гедимина, повторяетъ поспѣшно Ягайло.

— Что не измѣнишь мнѣ, продолжаетъ нѣжно тѣнь.

— Клянусь, повторяетъ Ягайло.

— Что не нарушишь завѣтъ богини Праурима, говоритъ тѣнь.

— Клянусь, машинально сказалъ Ягайло и сейчасъ же спохватился, но было уже поздно.

— Ну, теперь пусть любитъ меня, сказала тѣнь съ какой то змѣиной улыбкой.

Баримда задернула лисью занавѣсь, и милый образъ скрылся изъ глазъ Ягайлы, недовольнаго на самого себя за послѣднюю клятву.

— Но вѣдь я люблю ее? Обратился онъ жалобно къ Баримдѣ, крѣпко сжимая ея руку въ своихъ.

— Такъ что жъ?... Ты въ этомъ поклялся, и долженъ любить ее вѣчно, отвѣчаетъ ему Баримда.

— Но какъ мнѣ ее любить?... Развѣ такъ любятъ... Развѣ это любовь?

— А что же?

— Пытка.

— Чего же ты хочешь?

— Я хочу, чтобы она была моею на всю жизнь, продолжалъ Ягайло.

— Но вѣдь она вайделотка?, наставительнымъ тономъ возразила Варнида.

— Такъ что же?... Самъ криве-кривейто имѣетъ связи съ вайделотками; мой братъ Андрей тоже любилъ вайделотку скороговоркою сказалъ Ягайло, косясь на Варниду.

— Князь, ты забываешься, что находишься въ храминѣ Медзіойны,—поблѣднѣвъ, замѣтила ему Варнида.

— Клятву свою я назадъ беру, сказалъ Ягайло, не слушая ее. Или не любить вовсе или любить такъ, какъ мнѣ хочется, добавилъ онъ же.

— Князь, ты встревоженъ... Ступай на вольный воздухъ, онъ освѣжитъ тебя и ты успокоишься, сказала Варнида, указывая на темный корридоръ.

— Не гони меня, Варнида... Дай мнѣ еще разъ взглянуть на тѣнь вайделотки, я возьму назадъ свое слово....

— Это невозможно.

— Я пришлю богатыя жертвы тебѣ.

— Не нужно жертвъ, я не пріиму ихъ...

— Мнѣ только сказать одно слово ей....

— Невозможно.

Ягайло схватился за голову руками, застоналъ и топнулъ ногою. Наступило долгое молчаніе.

— Такъ ты разлюбилъ ее? Спросила съ упрекомъ Варнида.

— Нѣтъ, люблю, какъ то особенно нетерпѣливо сказалъ Ягайло и крѣпко сжалъ Варниду въ своихъ объятіяхъ.

— Что ты, князь? опомнись!... строго замѣтила ему Варнида, освобождаясь отъ неожиданныхъ объятій.

— Прости меня, Варнида.... Ты похожа на ту виленскую вайделотку, которую я люблю.... Ты очень похожа на нее, такая же высокая, такая же красивая. Прости меня.... заключилъ Ягайло, идя къ корридору.

Варнида пошла провожать его.

— Князь! когда будешь въ нашихъ мѣстахъ не забудь храмину

Медзіойны; мнѣ еще много нужно тебѣ передать, сказала Бариндa, когда передъ ними открылась плита.

— Говори теперь, сказалъ Ягайло.

— Нѣтъ, еще не пришло время... Да мы съ тобою еще въ Вильнѣ увидимся.

— Въ храмѣ Перкуна?

— Нѣтъ. Въ лѣсахъ, за Лысой горой у подземнаго входа; чрезъ который бѣжалъ твой дядя Евнутій, когда ты будешь сидѣть тамъ съ своей возлюбленной,—сказала Баринда и за ней задвинулась плита.

— Постой, еще слово!... закричалъ Ягайло, стоя передъ плитой и ожидая отвѣта; но его не послѣдовало. Грустный и недовольный, онъ отправился къ Витовту подъ зеленыя вѣтви вѣковыхъ дубовъ, не подозрѣвая даже, что его со всѣхъ сторонъ запутываютъ въ интригу—жрецы, жрицы и даже самъ Витовтъ.

ГЛАВА 6-я.

Богиня Медзіойма и озеро Чельтицъ *).

Наступила теплая лѣтняя ночь; Витовтъ давно уже ушелъ въ свой шатеръ, гдѣ спитъ сладко и крѣпко. Весь лагерь литовскій, исключая дозорныхъ, покоится сномъ. Только одинъ Ягайло все еще лежитъ подъ тремя дубами и не сводитъ глазъ, съ вершины горы Медзіойны. Мысли его переносятся быстро и, какъ осенніе облака, смѣняются другими, такъ же скоропроходящими.

Вотъ уже изъ за темнаго лѣса показалась на небѣ серебристая полоска, а потомъ тихо и величественно выплылъ на звѣздное небо полный мѣсяцъ, а Ягайло и не думаетъ даже уходить въ шатеръ и ложиться спать, по примѣру прочихъ. Ему не до сна, душа его полна разнородныхъ ощущеній... Ему мерещится виленская вайделотка, тѣнь которой онъ видѣлъ въ храминѣ Медзіойны. Ея послѣдняя змѣиная улыбка врѣзалась въ его память такъ сильно, что онъ началъ доискиваться ея причины. Но какъ ни доискивался, все-таки не могъ постигнуть того, что улыбку эту вызвалъ онъ самъ, своей клятвой: не нарушать завѣтъ Прауримы...

---

*) Дѣвицы, живущія въ рѣкахъ и озерахъ; родъ греческихъ сиренъ. (Авт.)

О томъ, какъ могла явиться тѣнь виленской вайделотки въ храминѣ Медзіойны, онъ даже и не подумалъ. Лежитъ мой герой на пушистыхъ медвѣдяхъ и, не сводя глазъ своихъ съ вершины горы, мысленно призываетъ милый образъ.

«Явись... Явись опять хоть тѣнью, хотя на мигъ», думаетъ Ягайло, — «только на одинъ мигъ» И вдругъ онъ видитъ, что желаніе его исполняется: на вершинѣ горы показалось что то бѣлое движущееся. Ягайло напрягаетъ зрѣніе и все-таки не можетъ узнать, кто эта бѣлая фигура. Съ замираніемъ сердца встаетъ онъ и поспѣшно идетъ до половины горы, а потомъ, притаивъ дыханіе, ползетъ какъ кошка... Вотъ уже до вершины осталось нѣсколько шаговъ, и онъ ясно увидѣлъ на ней освѣщенную луною милую тѣнь виленской вайделотки... Отъ радости онъ чуть чуть не вскрикиваетъ и, вскочивъ на ноги, бросается къ тѣни, стараясь уловить ее, но увы! вмѣсто милой вайделотки, онъ обнимаетъ пустое пространство... А милая тѣнь уже стоитъ на половинѣ горы и, какъ будто бы, манитъ его. Ягайло, разумѣется, повинуется и поспѣшно бѣжитъ къ ней, но, чѣмъ болѣе приближается къ ней, тѣмъ скорѣе она ускользаетъ. Вотъ, наконецъ, Ягайлѣ кажется, что она притаилась подъ тѣми треми дубами, подъ которыми онъ только что лежалъ... Ягайло бросается туда, дѣйствительно она сидитъ на его пушистомъ медвѣдѣ и привѣтливо ему улыбается. Герой мой въ восторгѣ опускается на колѣна и хочетъ обнять тѣнь, желая удостовѣриться, дѣйствительно ли это призракъ или живая вайделотка;—но и тутъ онъ обнимаетъ одинъ воздухъ, а вайделотка снова на горѣ и снова манитъ его. — «Да, это тѣнь ея», шепчетъ усталый Ягайло. «Побѣгу за ней, въ послѣдній разъ», думаетъ Ягайло и опять бѣжитъ на гору и опять обнимаетъ пустоту. Измученный бѣганьемъ, онъ падаетъ безъ чувствъ на вершинѣ горы, и когда пришелъ въ себя, то въ двухъ шагахъ отъ себя онъ увидѣлъ чудный образъ вайделотки; лицо ея, освѣщенное луною, было полно счастія и жизни. Глаза ея впились въ Ягайлу... Изъ груди его вырвался невольно радостный звукъ, и онъ хотѣлъ приподняться.

— Не двигайся, князь, иначе ты меня болѣе не увидишь,— сказала тѣнь очаровательной вайделотки, дѣлая шагъ назадъ.

Ягайло остался въ такомъ положеніи, въ какомъ былъ и едва пришелъ въ себя.

— Я не пошевелю рукою, только скажи мнѣ кто ты такая?...

Тѣнь, которую я видѣлъ въ подземной божницѣ, въ Керновѣ и потомъ здѣсь въ храминѣ Медзіойны, — или живая вайделотка, которую я первый разъ увидѣлъ въ храмѣ Перкуна въ Вильнѣ и полюбилъ ее?... Не томи меня, отвѣчай скорѣе, жалобно обратился къ ней Ягайло.

— Я богиня Медзіойна,—отвѣчала она, гордо поднимая свою голову.

— Медзіойна?!.. Нѣтъ, не вѣрю, этого быть не можетъ... закричалъ Ягайло.

— Почему же?

— Потому, что Медзіойна не съ такою красивою женскою головкою, какъ у тебя, а съ мужскою головою...

— А ты почему это знаешь?

— Мнѣ говорилъ это Витовтъ....

— Я являюсь въ разныхъ видахъ.

— Онъ говорилъ, что у Медзіойны есть колчанъ со стрѣлами и лукъ, и что она ходитъ въ одеждѣ изъ медвѣжьей кожи....

— Вотъ лукъ и стрѣлы, а вотъ и медвѣжья кожа, сказала тѣнь, показывая на все это. Ягайло только теперь замѣтилъ, что поверхъ бѣлой одежды, на снуркѣ висѣла медвѣжья кожа, а въ рукахъ она держала туго натянутый стрѣлою лукъ и цѣлилась въ Ягайлу.

Ужасъ овладѣлъ Ягайлой.

— Что ты хочешь дѣлать со мной?—Спрашиваетъ онъ.

— Прострѣлить твое сердце, отвѣчаетъ она.

— Ты и такъ изъ моего сердца сдѣлала дырявое рѣшето, чего же тебѣ еще надобно? Закрывая глаза, спросилъ Ягайло.

— Твоей смерти.

Минутный ужасъ Ягайлы прошелъ и на умъ пришло слѣдующее: «можетъ быть она испытываетъ мою храбрость?» А Ягайлѣ не безъизвѣстна была литовская пословица, что «труса и дурака могутъ любить однѣ только пустыя женщины.»

— Смерти моей ты хочешь?—Такъ спускай стрѣлу, я охотно умру у ногъ твоихъ,—закричалъ Ягайло, которымъ овладѣла какая то молодецкая удаль и онъ открылъ глаза. Милая тѣнь не стояла, а сидѣла передъ нимъ и ласково улыбалась, смотря на него.

— Стоилъ бы ты смерти, но я тебя прощаю. Встань и сядь противъ меня,—сказала тѣнь вайделотки.

Ягайло сѣлъ, лицомъ къ лицу съ мнимой богиней.

— За что же я стою смерти? Спросилъ онъ.

— За то, что ты дерзнулъ осквернить мой храмъ, своей преступной страстью въ вайделоткѣ....

— Къ вайделоткѣ?... Но вѣдь ты сама та вайделотка, къ которой я пылаю этою «преступною страстью?»...

— Ты слѣпъ.... Я богиня Медзіойна.

— Не вѣрю, не вѣрю, не вѣрю!.... Не можетъ быть, чтобы виленская вайделотка и тѣнь Поэты керновской и богиня Медзіойна имѣли одно лицо, одну красоту и одну на шеѣ бородавочку....

— Для богинь нѣтъ устава для своего лика, онѣ являются большею частью красавицами. Если же ты хочешь, я явлюсь уродомъ?...

— Ахъ, нѣтъ! кто бы ты ни была, останься въ такомъ образѣ, какъ есть.... Онъ мнѣ дорогъ, его я люблю и за него умру, если это будетъ нужно.

— Ты долженъ любить ее, ты въ этомъ клятву далъ...

— Клятву, клятву!?!... я убилъ бы себя за эту клятву... Возьми назадъ ее, умоляю тебя возьми ее назадъ, я не могу такъ любить.

— А какъ же?

— Какъ любятъ всѣ, какъ любила сама богиня любви, ковенская Мильда....

— А кого она любила? Спросила вайделотка.

— Не помню, забылъ; Витовтъ мнѣ расказывалъ.

— А знаешь ли ты, что съ Мильдой послѣ случилось, когда всѣ наши боги и богини узнали о ея преступной связи съ смертнымъ?

— Нѣтъ.

— И этого не знаешь? Ну такъ я тебѣ все расскажу. Слушай меня, какъ одну изъ свидѣтельницъ этого дѣла; я богиня Медзіойна и хорошо знала связь Мильды съ смертнымъ, а потомъ вмѣстѣ съ прочими богами судила Мильду. Давно это было; гораздо ранѣе Палемона и Немона. Если бы я была смертная, какъ ты и какъ всѣ люди, то мнѣ, при всей долговѣчности, пришлось бы сорокъ разъ умереть съ тѣхъ поръ, какъ случился грѣхъ съ Мильдой. Въ тѣ времена на Литвѣ еще не было зимы, а постоянно царствовало лѣто. Всего тогда было много: и меду, и звѣрей, и рыбъ, и плодовъ. Мало было только любви въ литовской землѣ между людьми, но боги сжалились надъ литовцами и, выбравъ изъ сонма богинь самую прекрасную изъ всѣхъ, Мильду, послали ее на землю поселять между литовцами любовь. Спу-

стилась Мильда на землю и взяла съ собой цѣлую чашу любовной воды, данной ей Сойтваросомъ и Перкунусомъ. Всякій, кто попробовалъ этой божеской воды,—ту же минуту чувствовалъ расположенность любить. Общая любовь водворилась между литовцами. Каждый день Мильда поднималась на небо за божественной водой,—такъ ея много расходилось,—и каждый день опять спускалась на землю. Вотъ однажды прекрасная Мильда рано утромъ летѣла надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ теперь находится городъ Ковна. Ей понравилась мѣстность и въ особенности высокая гора *), съ верху до низу залитая зеленью, разными цвѣтами—пышными розами, бѣлыми лиліями, ландышами и *алекстотами* **). Она спустилась на эту гору и начала гулять. Тутъ было такъ хорошо, такъ хорошо, что Мильда отъ восторга забыла о своей обязанности и, гуляя по горѣ, воспѣвала дѣла рукъ своей сестры Грубите ***). Долго она гуляла по роскошно-плѣнительному калнасу—какъ вдругъ замѣтила на вершинѣ горы спящаго юношу, красивѣе самого Атримпоса; во снѣ онъ лепеталъ имя Мильды и щеки его пылали огнемъ. Богиня Мильда, не желая нарушать его сладкаго сна,—вливаніемъ ему въ ротъ священной воды,—взяла ее къ себѣ на губы и вспрыснула ей спящаго юношу; но въ то же самое время сама почувствовала страстную любовь къ смертному... Онъ проснулся, долго они смотрѣли другъ на друга и потомъ бросились въ объятія; радостямъ не было конца, чаша со священнымъ напиткомъ выпита ими была до дна.—Но въ этотъ часъ изъ за синяго моря выглянула *Каралуни*,—богиня свѣта, которой голову украшало солнце,—и замѣтивъ Мильду въ объятіяхъ смертнаго, поспѣшила къ богамъ и всѣхъ ихъ привела посмотрѣть на преступленіе Мильды. Разгнѣвался Перкунъ и бросилъ молнію; потемнѣло и загрохотало небо, отскочила Мильда отъ своего возлюбленнаго; но было уже поздно, ее позвали боги на судъ, въ которомъ и я участвовала. О, какъ хороша была Мильда въ ту минуту, когда со всѣхъ сторонъ на нее сыпались упреки боговъ и богинь! Стыдливо опустивши глаза, она слушала молча свое обвиненіе; кажется, если въ ту минуту я была бы не богиней, я заступилась бы за нее; но боги наши въ порывѣ ревности не знаютъ милосердія, а богини злятся на красоту Мильды,

*) Въ настоящее время она называется «Зеленой горой».
**) Бѣлыя сантифоліи.
***) Богиня цвѣтовъ (Авторъ).

на ея превосходство надъ ними. Судъ боговъ и богинь приговорилъ Мильду на вѣчныя времена изгнать изъ области неба на землю. Ее изгнали съ позоромъ на землю, гдѣ, съ открытыми объятіями, встрѣтилъ ее прекрасный юноша, за любовь къ которому она пострадала. На землѣ она избрала постояннымъ мѣстопребываніемъ своимъ ту гору, на которой впервые вкусила блаженство. Отъ супружества Мильды со смертнымъ, родился сынъ Каунисъ который, сдѣлавшись самъ мужемъ, выстроилъ на мѣстѣ своего рожденія городъ и назвалъ его Ковно. На косѣ же, между соединеніемъ рѣкъ Нѣриса и Нѣмана, онъ сдѣлалъ *священный гай съ гайворонами* *), и поставилъ въ немъ божницу, за что боги наши взяли его живаго на небо и сдѣлали богомъ.... Такъ говорила Вайделотка по литовски и намѣреваясь продолжать....

— А что же съ Мильдой стало? перебилъ ее Ягайло.

— Она давно, очень давно схоронила своего милаго юношу на той завѣтной горѣ, на которой впервые увидѣла его и плѣнилась имъ; поставила храмъ на этой горѣ, каждый день бываетъ въ немъ и горько плачетъ по своемъ возлюбленномъ.... Но сама не старѣется, такъ же хороша, какъ и прежде и такъ же добра и милостива къ литовцамъ, которымъ вездѣ и всегда покровительствуетъ въ любви и расточаетъ блаженство.... Она просила боговъ снова взять ее на скалу небесную, но они отвергнули ея просьбу. Даже сама сестра ея, богиня Грубите зла на Мильду, всѣ прекрасные полные цвѣты на горѣ Мильды засохли и завяли. Для изгнанницы небесной нѣтъ мѣста и жалости въ сердцахъ безсмертныхъ. Пусть она скитается вѣки вѣчные по Литвѣ и любовью надѣляетъ сердца смертныхъ. Но на небо ей нѣтъ пути,—заключила вайделотка.

— Она на небо и не пойдетъ, ей между нами хорошо, замѣтилъ удачно Ягайло.

— Такъ вотъ, князь, уважай завѣтъ богини Праурины и избѣгай огня Мильды,—неслушая его замѣчанія, продолжала мнимая богиня.

— Нѣтъ, я буду избѣгать завѣта Праурины и только честить одну — одну Мильду. Ей я буду приносить обильныя жертвы, пусть мое сердце наполняется священной водой, которую раздаетъ

---

*) Священный лѣсъ съ грачами, но ни какъ не съ черными воронами, какъ увѣряютъ нѣкоторые писатели. (Авторъ).

Мильда,—сказалъ Ягайло, на котораго, какъ видно, разсказъ о похожденіяхъ Мильды сильно подѣйствовалъ. А этого только и нужно было разсказчицѣ.

— Что же, ты хочешь такъ же погубить свою вайделотку? спросила она.

— Моя вайделотка не богиня, судить ее ни кто не смѣетъ, сказалъ Ягайло.

— Какъ никто не смѣетъ? А тѣ будутъ судить, кто въ Керновѣ привязалъ тебя къ дубу.

— А кто? Развѣ ты знаешь?

— Знаю!

— Скажи, кто?

— До времени не могу; послѣ узнаешь.

— Но вѣдь ты сама мнѣ руки развязала...

— Ну, вотъ ты опять меня принимаешь за другую, за тѣнь Пояты...

— Такъ кто-же ты? Скажи мнѣ, наконецъ, всю правду.

— Медзіойна!

— Не вѣрю...

— Я тебѣ сейчасъ докажу свое могущество надъ лѣсами и надъ всѣмъ, что въ лѣсахъ. Ступай въ ту сторону, вонъ, гдѣ на небосклонѣ звѣздочка разными цвѣтами играетъ. Иди сначала лѣсомъ до озера, а прійдешь на берегъ озера, жди меня, я скоро явлюсь къ тебѣ. Тамъ ты многое узнаешь, многое я тебѣ покажу; да и будешь знать кто я... Если же до моего прихода на озерѣ появятся Чельтицы, ты не пугайся ихъ, слушай ихъ пѣніе, не входи только къ нимъ въ воду. Сказавъ это, мнимая богиня исчезла между кустарниками.

По уходѣ ея Ягайло подумалъ-подумалъ, да тоже всталъ и, перекрестясь, пошелъ по указанному направленію.

Вотъ онъ уже минулъ спящій лагерь и, смотря на звѣздочку путеводительницу, идетъ дремучимъ лѣсомъ; на пути—тамъ и сямъ—ему попадаются дозорные латники, которые окликаютъ его, останавливаютъ и, узнавъ кто онъ, почтительно пропускаютъ его. Онъ идетъ все дальше и дальше и наконецъ вдали видитъ сквозь деревья свѣтлую водную поверхность. Сдѣлавъ нѣсколько ускоренныхъ шаговъ, онъ очутился на берегу небольшаго озера или, правильнѣе выразиться — довольно обширнаго, но не глубокаго болота, съ нѣсколькими островками, поросшими кустарникомъ.

Луна царила надъ озеромъ и, величественно отражаясь въ немъ, серебристымъ свѣтомъ своимъ набрасывала на всѣ предметы причудливыя тѣни. Берега, вмѣстѣ съ прибрежными деревами и кустарниками, какъ будто опрокинулись въ озеро. Все отражается въ гладкой поверхности воды, какъ въ зеркалѣ. Озеро точно задумалось или отдыхаетъ: ни песку у берега, ни шелесту. Ни одной волны на всемъ зеркальномъ пространствѣ, теряющемся далеко въ лѣсу. Могильная тишина господствуетъ, какъ надъ водою, такъ и на берегахъ; какъ будто все вымерло или заколдовано; только изрѣдка какая-то ночная птичка, притаившись гдѣ то въ лѣсу, начинала пѣть, да такъ странно и жалобно, что у Ягайлы отъ этого пѣнія сжималось сердце. Онъ никогда не слыхалъ еще подобныхъ звуковъ, похожихъ скорѣе на плачь и стонъ, чѣмъ на веселое пѣніе...

«Проклятая! хоть бы замолчала», подумалъ Ягайло и птичка сейчасъ же умолкла, къ большому удивленію Ягайлы.

«Что это такъ долго нѣтъ ея?», Подумалъ мой герой и въ туже минуту увидѣлъ передъ собой свою милую тѣнь, — мнимую богиню Медзіойму.

Она явилась передъ нимъ такъ скоро и неожиданно, что Ягайло вздрогнулъ и перекрестился.

— Если ты будешь творить это христіанское знаменіе, я не буду говорить съ тобой и сейчасъ же скроюсь,—замѣтила она ему.

— Развѣ ты боишься креста? Спросилъ ее Ягайло.

— Почти такъ.

— Хорошо, я не буду.

— Что, ты еще ничего здѣсь не видалъ?

— Нѣтъ.

— Сейчасъ увидишь, сказала она и махнула на озеро своимъ лукомъ; тотчасъ съ острововъ и съ противоположнаго берега послышалось стройное, нѣжное пѣніе, какъ будто исходящее изъ устъ нѣсколькихъ женщинъ. О, какъ хорошо было это пѣніе и какъ жадно началъ вслушиваться въ него Ягайло! Отъ этихъ сильныхъ и плѣняющихъ звуковъ билось сердце у него, дрожали нервы и глаза наполнялись слезами. То грусть слышалась въ этомъ пѣніи, то радость, то отчаяніе, потомъ что то не ясное... Ягайло слушалъ и переживалъ всѣ эти переходы отъ грусти къ радости и отъ радости къ отчаянію...

Но вотъ надъ озеромъ, чуть чуть касаясь воды, начали но-

ситься туманныя тѣни, принимая все яснѣе и явственнѣе человѣческія фигуры. Наконецъ глазамъ Ягайлы представляется цѣлая вереница красивыхъ женщинъ, носящихся надъ озеромъ и плавающихъ въ немъ.

— Это Чельтицы, мои водныя служанки, — сказала торжественно мнимая богиня Медзіойма.

— Чельтицы? Повторилъ за ней Ягайло и сейчасъ же подумалъ: «эта Медзіойма должна быть большая колдунья: является въ видѣ виленской вайделотки, исчезаетъ, какъ призракъ и заставляетъ Чельтицъ летать и плавать надъ водою, распѣвая пѣсни».

Ягайло слыхалъ отъ своихъ мамокъ и нянекъ, а также придворныхъ гусляровъ, что въ рѣкахъ и озерахъ водятся дѣвы, носившія разныя названія; но, при всей своей суевѣрной натурѣ, относился къ этимъ сказаніямъ недовѣрчиво; такъ сильны были въ немъ сѣмена христіанскія, посѣянныя его законоучителемъ, архимандритомъ Давидомъ, находившимся при дворѣ Ольгерда въ качествѣ духовника великой княгини Уліаніи.—Каково же было его изумленіе, когда онъ увидѣлъ этихъ дѣвъ на яву!!.. Да, въ добавокъ, красивыхъ, поющихъ чудную, невѣдомую пѣсню, и бѣлыхъ, какъ мраморъ!

Пѣніе цѣлаго хора водяныхъ дѣвицъ становилось громче и явственнѣе; онѣ приближались къ берегу, на которомъ стоялъ отуманенный Ягайло и торжествующая, мнимая богиня Медзіойма, не сводившая глазъ съ моего героя.

Приближались къ берегу только плавающія въ водѣ Чельтицы, но летающія надъ водою оставались вдали и носились какъ бы въ туманѣ. Первыя не совсѣмъ погружались въ воду. Всѣ онѣ были въ янтарныхъ коронахъ, изъ подъ которыхъ спускались на воду длинные волосы, заплетенные жемчугомъ. Легкая одежда ихъ состояла изъ ткани, покрытой блестящей чешуей.

Приплывъ къ берегу, онѣ составили изъ себя полукругъ и, принимая различныя позы, начали манить и звать къ себѣ Ягайлу.

Дѣвы, по красотѣ лица и формъ, были одна другой лучше. Ягайло готовъ былъ броситься въ объятія сразу ко всѣмъ. Въ это время Медзіойма взяла его за руку и, показавъ въ туманную даль, сказала:

— Смотри, князь, вонъ сама Юрата сюда плыветъ.

— Кто? Спросилъ Ягайло, смотря по указанному направленію.

— Это Юрата, старшая надъ всѣми Чельтицами, смотри, какъ она хороша! замѣтила Медзіойма.

Ягайло видитъ, что самый ближайшій островокъ плыветъ къ берегу, а на немъ лежитъ что то серебристо-бѣлое. По мѣрѣ приближенія островка къ берегу, въ глазахъ Ягайлы очерчивается образъ женщины дивной красоты, которая въ роскошной позѣ раскинулась на блестящемъ чешуйчатомъ покровѣ, между прекрасною зеленью. Густые и черные, какъ крылья ворона, волосы длинными прядями спускались на ея очаровательный снѣжный станъ изъ подъ янтарной короны.

Ягайло обезумѣлъ, увидя передъ собой такую обворожительную красавицу.

Чельтицы встрѣтили свою старшую сестру Юрату съ пѣніемъ и начали вокругъ острова нырять, рѣзвиться, плескаться и хохотать. Хоровая ихъ пѣсня кончилась. Теперь запѣла сама Юрата и пѣснь ея звучала необъяснимымъ чувствомъ. Какая то чарующая сила была въ словахъ и мотивахъ этой пѣсни.

Ягайло весь превратился въ слухъ и зрѣніе.

Юрата смотрѣла на Ягайлу и, демонски улыбаясь, звала его въ свои объятія, и расказывала, что на днѣ озера у нея есть янтарныя палаты съ золотыми сидѣньями, съ мягкими пушистыми лежаньями, съ жемчужными цвѣтами, съ сонмомъ прекрасныхъ юныхъ дѣвъ и проч: и проч:..... Пѣснь Юраты прерывалась и кончалась слѣдующимъ припѣвомъ цѣлаго хора Чельтицъ:—

«Плыви, плыви скорѣй къ Юратѣ»,
«Прекрасный витязь молодой».

— Ну что, вѣришь теперь, что я богиня? Спросила Ягайлу мнимая Медзіойма.

— Вѣрю, машинально прошепталъ онъ, не спуская глазъ съ обворожительной Юраты.

А между тѣмъ Юрата все ближе и ближе подвигалась къ берегу. Ягайло былъ раздѣленъ отъ Юраты небольшимъ водянымъ пространствомъ, по поверхности котораго разбѣгались полукружіемъ легкіе валики отъ движенія островка и плаванія прочихъ Чельтицъ. Въ эту минуту Ягайло забылъ все въ мірѣ: своихъ родныхъ, близкихъ сердцу, даже виленскую вайделотку, тѣнь Поэты керновской и духъ Медзіоймы и только жилъ созерцаніемъ чудной водяной дѣвы. Грудь его сильно поднималась, глаза го-

рѣли, лицо пылало, губы дрожали, ноги подгибались, руки были протянуты къ Юратѣ......

«Плыви, плыви скорѣй, ко мнѣ въ объятья»,
«Прекрасный витязь молодой»,

продолжала пѣть Юрата, простирая къ нему свои объятія.

Герой мой уже сдѣлалъ движеніе, чтобы броситься вплавь къ водяной красавицѣ, но богиня Медзіойна схватила его за руки и, прижавъ къ груди своей, наклонилась къ уху Ягайлы и шепнула: «не ходи, тебя утопятъ тамъ»! Но онъ не слыхалъ этихъ словъ и снова порывался къ Юратѣ и снова былъ остановленъ Медзіойной.

— Тамъ ожидаетъ тебя не любовь, а смерть, повторила шопотомъ богиня и на этотъ разъ Ягайло услышалъ ее.

— Что ты говоришь? торопливо спросилъ онъ Медзіойну.

— Не отходи отъ меня, иначе ты погибнешь, сказала она немного громче прежняго и, крѣпко обнявъ его своими руками, прильнула лицемъ своимъ къ его лицу.... Ея дыханіе обожгло его щеку, а отъ ея крѣпкихъ объятій по всему его тѣлу пробѣжала дрожь, подобная той, какая бываетъ съ человѣкомъ отъ прикосновенія къ электрическому угрю....

Ягайло взглянулъ на Медзіойну, она въ этотъ моментъ была очаровательна, глаза ея горѣли и впились въ него, по лицу скользитъ очаровательная улыбка, уста ея шепчутъ «не ходи, не ходи». Въ этомъ шепотѣ слышится мольба.... Герой мой не знаетъ, что ему дѣлать: остаться ли въ объятіяхъ очаровательной Медзіойны, плыть ли къ обворожительной Юратѣ, или вмѣстѣ съ Медзіойною броситься въ пропасть съ отражающимся въ ней звѣзднымъ небомъ и полнымъ мѣсяцемъ?...

«Плыви, плыви........» поетъ Юрата, «не ходи, не ходи», шепчетъ Медзіойна.

Ягайло оставался въ нерѣшительности.

— Посмотри назадъ, сказала ему Медзіойна.

Ягайло оглянулся: въ недалекомъ разстояніи отъ него между деревьями мелькали женщины съ зажженными головнями; одежда ихъ заключалась вся въ звѣриныхъ кожахъ, съ лукомъ за плечами.

— Кто это? безъ боязни спросилъ Ягайло.

Въ это время позади Ягайлы поднялся визгъ и пронзительный хохотъ, онъ оглянулся и увидѣлъ, что визгъ и хохотъ производятъ

удаляющіяся Чельтицы. Плавающій островокъ или, другими словами, тронъ Юраты, былъ уже очень далеко отъ берега, такъ что бѣло-снѣжная фигура старшей Чельтицы едва была примѣтна на немъ.

Хохотъ и визгъ, принимавшіе сначала оглушительные размѣры, по мѣрѣ удаленія Чельтицъ отъ берега, начали стихать и, наконецъ, раскатившись эхомъ по лѣсу, замерли гдѣ-то далеко. Надъ озеромъ воцарилась могильная тишина, изрѣдка нарушаемая пѣніемъ какой то зловѣщей птички. На зеркальной поверхности озера, вмѣсто исчезнувшихъ Чельтицъ, по всему протяженію началъ подниматься туманъ. Напрасно Ягайло ищетъ глазами Юрату; ея нѣтъ уже, даже и островокъ, на которомъ она сидѣла, началъ теряться въ туманѣ. Герой мой обращаетъ взоръ назадъ, но и тутъ царитъ тишина,—лѣсныя дѣвы исчезли.

— Не вѣрь тому, что видѣлъ; не бойся ничего, это обманъ! Постарайся быть черезъ три дня послѣ прихода въ Вильну въ храмѣ Перкуна, а теперь прощай,—сказала шепотомъ мнимая Медзіойна, освобождая Ягайлу изъ своихъ объятій и запечатлѣвая его лицо своимъ поцѣлуемъ.

Ягайло смотритъ на Медзіойну, но видитъ, что она теряется за деревомъ и посылаетъ ему воздушный поцѣлуй. Онъ бросается къ ней, но она исчезаетъ, подобно призраку. Какъ будто бы провалилась подъ землю или мгновенно ушла въ стволъ дерева, неоставляя послѣ себя никакихъ признаковъ своего существованія.

Сначала тоскливо, а потомъ тревожно озирается Ягайло вокругъ себя и стоитъ нѣсколько минутъ, какъ вкопанный въ землю, стараясь свѣрить съ дѣйствительностью все имъ недавно видѣнное и слышанное. «Не сонъ ли это?» думаетъ онъ или бѣсовское наважденье?»

А между тѣмъ ночная птичка все продолжаетъ свое адское пѣніе, чѣмъ наводитъ на Ягайлу страшную тоску и боязнь. Онъ снова озирается, и вездѣ встрѣчаетъ тишину и мракъ; только вершины деревъ, сквозь которыя пробивается лунный свѣтъ, шелестятъ своими листьями и какъ будто шепчутся между собой.

Ягайло видитъ, что онъ одинъ въ дремучемъ лѣсу, на берегу озера—и по крикамъ дозорныхъ, едва долетающимъ до него, соображаетъ, что онъ далеко отъ лагеря. Имъ овладѣваетъ ужасъ, онъ судорожно вздрагиваетъ и кладетъ крестъ. «Она сказала, чтобы я невѣрилъ ничему..... что это обманъ, чтобы я ничего не

боялся,» думаетъ Ягайло, и мысли его путаются. Поспѣшно онъ старается отстегнуть воротъ своей рубашки, но онъ уже оказывается отстегнутымъ, онъ ищетъ на груди своей ленту съ крестомъ, но ни ленты, ни креста не находитъ. «Это бѣсовское навожденье!.. И сама Медзіойна—вѣдьма, обратившаяся въ виленскую вайделотку; она мой крестъ украла.» Продолжаетъ думать Ягайло и ужасъ смѣняется гнѣвомъ. Читая молитву: «Да воскреснетъ Богъ» и крестясь, Ягайло ускореннымъ шагомъ идетъ въ лагерь. Дорогой ему кажется, что за нимъ гонится нечистая сила и онъ ускоряетъ шаги. Прійдя къ себѣ въ шатеръ, онъ, не раздѣваясь, бросается на медвѣжью кожу. Одышка и волненіе отъ испытанныхъ имъ впечатлѣній долго гонятъ сонъ отъ его глазъ. Наконецъ, передъ разсвѣтомъ, онъ засыпаетъ.

Утромъ, когда весь лагерь поднялся на ноги и готовился выступить въ дорогу съ мѣста ночлега, Витовтъ Кейстутьевичъ уходилъ куда то на нѣсколько минутъ и потомъ, прійдя къ осѣдланнымъ лошадямъ, сѣлъ на свою и, догнавъ Ягайлу, началъ на него смотрѣть и насмѣшливо улыбаться.

(Продолженіе слѣдуетъ).

С. Калугинъ.

О КОСТЕЛЬНЫХЪ БРАТСТВАХЪ.

*(Продолженіе *).*

II.

Уставъ костельныхъ братствъ и ихъ дѣйствія.

Братчики Рожанца должны вписаться въ списокъ членовъ братства, носить освященный рожанецъ,—прочесть его однажды еженедѣльно,—тутъ и все. Рожанецъ это родъ четокъ, на нити котораго нанизывается 15 большихъ и 150 меньшихъ шариковъ; одинъ шарикъ большой приходится на 10 меньшихъ; на первыхъ читается *Отче нашъ*, а на вторыхъ *Богородице Дѣво радуйся* и на концѣ *Вѣрую въ Бога Отца*, т. е. символъ апостольской вѣры.

---

*) Смотри 3 кн. Вѣст. Зап. Рос.

Братчики для выкупа невольниковъ, иначе *св. Троицы*, должны носить при себѣ и прочесть одинъ разъ еженедѣльно такъ-называемую коронку о св. Троицѣ; это третья часть рожанца; при ней находится медальончикъ; она выполняется 50 *Отче нашъ*, 3 *Богородице Дѣво* и *1 Вѣрую;* братчики должны дѣлать денежный сборъ для выкупа невольниковъ 1).

Братчики коронки, иначе розоваго вѣнка, должны носить при себѣ и прочесть еженедѣльно одинъ разъ коронку о Пр. Богородицѣ, которая состоитъ изъ *Богородице Дѣво радуйся*, *3 Отче нашъ* и 1 раза *Вѣрую* 2).

У *братчиковъ Шкаплеровъ* Пр. Богородицы, изобрѣтенныхъ монахами кармелитами, нѣтъ опредѣленнаго папами устава, а принято носить на груди шкаплеры, читать ежедневно 7 разъ *Отче нашъ*, столько же *Богородице Дѣво радуйся* и не кушать мясной пищи по середамъ и субботамъ 3).

Братчики св. Франциска, иначе Терціяры, должны одѣваться скромно, стараться дѣлать людямъ добро, не играть въ азартныя игры, не предаваться пьянству, грѣхамъ и носить поясъ св. Франциска, т. е. снурокъ съ тремя узлами 4).

---

1) Еп. Бувье. Generalis procurator in Curia Romana Michail a s. Josepchi отъ 26 марта 1721 года.

2) Тѣже.

3) Еп. Бувье — Rituale sacramentorum. 1 Tom, Zasady i Całość Wiary katolickiej. Warszawa 1857 г.; 2 изд. Шкаплерами называются у католиковъ лоскутки (scapulae) матеріи, на которыхъ вышиваются шелкомъ, а иногда золотыми и серебрянными нитками имена Іисуса и Маріи и которые набожные католики носятъ на груди. Начало введенія этого обычая въ римской церкви относится къ XIII вѣку—къ крестовымъ походамъ. Крестоносцы, во время похода въ Палестину, въ подражаніе мусульманамъ, съ которыми сражались, имѣющимъ обыкновеніе носить на груди предохраняющіе, по ихъ вѣрѣ, отъ всякой опасности амулеты или талисманы, состоящіе изъ лоскутковъ матеріи, на которыхъ начертано или имя Магомета, или стихъ изъ корана (Исторія Крест. Пох. Мишо), ввели въ обычай, тоже въ предохраненіе отъ всякой опасности, носить на груди лоскутки матеріи съ вышитыми именами Іисуса и Маріи, и по изгнаніи ихъ изъ Палестины турками, вывезли этотъ обычай въ Европу.

4) Папа Николай IV, отъ 1249 года. Historya Kościoła powszechnego przez Księdza M. Bulińskiego, professora Warszawskiej duchownej Akademiy. Warsz. 1861.

Rituale Sacramentorum. Vilnae. 1864.

Братчики Трезвости должны въ продолженіе всей своей жизни не пить крѣпкихъ напитковъ, въ особенности хмѣльнаго вина, всѣми силами завлекать въ братство друзей, родственниковъ, знакомыхъ и другихъ,—въ каждое воскресенье и праздники прочесть 3 раза *Богородице Дѣво радуйся* 5).

Братчики сердца Іисусова должны ежедневно прочесть 1 разъ *Отче нашъ*, 1 разъ *Богородице Дѣво радуйся*, 1 разъ *Вѣрую* и, наконецъ, молитву: „Іисусово Сердце! да усиливается во мнѣ ежечасно пламень любви Твоей" 6).

Наконецъ, уставы остальныхъ братствъ, утвержденные папами, сами по себѣ весьма скромны.

Къ несчастію, право толковать, расширять и смягчать, смотря по обстоятельствамъ, уставы, утвержденные папами, предоставлено мѣстнымъ епископамъ 7). Р.-католическое епархіальное начальство въ Россіи, въ оффиціальныхъ опредѣленіяхъ, либо ограничивается прописаніемъ слово въ слова устава, утвержденнаго папами или же—что всего чаще—подобнаго рода дѣла сбываетъ молчаніемъ. Но за то въ польскихъ молитвенникахъ, брошюрахъ, а съ 1849 года и въ требникахъ, издаваемыхъ въ Вильнѣ, предаются гласности уставы истолкованные, расширенные и передѣланные сообразно съ потребностями польщизны. Мало того: чтобы заставить людей соблюдать ихъ, братчики не только при вступленіи въ братство, но даже ежегодно по нѣскольку разъ принимаютъ всенародно въ костелѣ такъ-называемый обѣтъ, имѣющій форму присяги 8), принимаемый съ весьма торжественными обрядами.

---

5) Wykaz przyjęcia do bractwa Trzezwości. Wilno. 1862.

6) Кс. Томъ.

7) Папа Климентъ VIII, булла отъ 7 декабря 1604 г. „Quaecunque."—Бувье.

8) Для примѣра приведемъ обѣтъ трезвости: „Я NN. торжественно обѣщаюсь передъ Богомъ, Пр. Богородицей, моимъ Ангеломъ и костеломъ Божіимъ, въ томъ, что крѣпкихъ напитковъ, отнюдь пить не буду, также въ братство трезвости завлекать и другихъ изо всѣхъ силъ буду. Всенародно заявляю, что если сей обѣтъ будетъ нарушенъ мною, то я достоинъ кары передъ Богомъ, позора предъ людьми и исключенія меня изъ братства. Аминь." Обѣтъ терціяріевъ: „Я сестра (братъ) N третьяго ордена обѣщаюсь предъ всемогущимъ Богомъ, Пр. Богородицей, св. Франциской, всѣми святыми и передъ тобою,

Такимъ образомъ, дѣйствія братчиковъ Сѣверо-Западнаго края суть слѣдующія:

У каждаго братства имѣется свое начальство братское, состоящее изъ старшаго братчика и его помощника, казначея, кантора и двухъ руководителей, по-ихнему отца и матери братства. Этими послѣдними бываютъ только помѣщикъ и помѣщица; у терціяріевъ-же штатъ большой — 1 начальница и 1 ассистентка ея, 2 наставницы, 2 зелантки (послѣднія обязаны шпіонничать и доносить какъ ведутъ себя остальные братчики) 1 казначейша, 1 секретарша и 10 совѣтницъ. Выборы начальства бываютъ въ годовщину братства, которому остальные члены въ *обѣтахъ* обѣщаются повиноватися слѣпо.

По причинѣ операцій, братчикамъ приходится часто странствовать по разнымъ приходамъ, уѣздамъ, а подъ часъ и дальше; они берутъ съ собою братскій дипломъ, равно и *паспортъ* отъ своего братства 1), который нерѣдко бываетъ уважаемъ, разумѣется, чиновниками р. католическаго вѣроисповѣданія, наравнѣ съ паспортомъ правительства. Изъ сказаннаго видно, что костельныя братства составляютъ государство въ государствѣ. Что подобный порядокъ вещей крайне гибеленъ для благоустроеннаго государства, а тѣмъ болѣе Россійскаго, единодержавнаго, можетъ засвидѣтельствовать опытъ цѣлой Европы.

Священнодѣйствованіе и польскій языкъ. До сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, по воскресеньямъ и праздникамъ, ксендзы служили заутреню, потомъ миссу, а вслѣдъ за ней молились за Августѣйшій Домъ 2). Въ нѣкоторыхъ костелахъ, особенно въ городахъ, было въ обыкновеніи пѣть такъ-называемую супликацію, т. е. *святый Боже, св. крѣпкій*, послѣ раннихъ миссъ. Съ 1847 года, мало-по-малу, ксендзы перестали служить заутрени,

---

духовный отецъ, въ томъ, что уставъ братьевъ и сестеръ третьяго ордена до конца моей жизни буду соблюдать ненарушимо, а равно обѣщаю принять и наказаніе, которому угодно будетъ моему начальству (братскому) подвергнуть меня за нарушеніе устава. Аминь." Brewjarzyk Tercyarski.

1) Brewjarzyk Tercyarski.

2) Молебствіе за Августѣйшій Домъ въ Сѣверо-Западныхъ губерніяхъ сперва было совершаемо на латинскомъ языкѣ, съ 1832 года на польскомъ, съ 1852 года въ Ковенской губерніи на жмудскомъ, съ 1866 года опять на латинскомъ, съ 1868 по-русски.

въ особенности по сельскимъ костеламъ, такъ какъ отъ нихъ, совершаемыхъ на латинскомъ языкѣ, нѣтъ большой пользы для польской справы; если же служатъ, то въ 7 часовъ утра; за то съ 7 до 11 часовъ, по воскресеньямъ и праздникамъ, братчики начали пѣть годзинки (часы), коронки и рожанцы. Подъ этими названіями не надо теперь разумѣть извѣстное число *Отче нашъ* и *Богородице Дѣво радуйся*, а напротивъ, длинныя молитвы и пѣсни, находящіяся въ польскихъ молитвенникахъ. По воскресеньямъ и праздникамъ, съ 11 ч. начинается процессія, съ пѣніемъ польскихъ пѣсней; далѣе—мисса, т. е. обѣдня, продолжающаяся около 30 минутъ, совершаемая по-латыни 1); за ней непосредственно слѣдовало молебствіе за Августѣйшій Домъ. Потомъ пѣли: *святый Боже, св. крѣпкій* и т. п., а начавъ псаломъ: *Богъ намъ убѣжище*, ксендзы уходили изъ костела, предоставляя окончить его органисту. Дѣды и бабы изъ богодѣльни, ударивъ въ колокола къ молитвѣ: *Ангелъ Господень*, пѣли ее. Между тѣмъ, съ Мая мѣсяца, въ 1861 году, здѣшніе ксендзы оставили совершать молебствія за Августѣйшій Домъ и ввели пѣніе мятежныхъ польскихъ гимновъ. 25 августа того же 1861 года Западный край объявленъ на военномъ положеніи, и 6 сентября послѣдовало отъ мятежнаго жонда воззваніе слѣдующаго содержанія: „Братья соотечественники! Чтобы не оставить врагу и вида законности къ мученіямъ и грабежу, вмѣняется вамъ въ обязанность на нѣкоторое время оставить громкое пѣніе по костеламъ народнаго гимна (т. е. Boże coś Polskę), но только говорить его въ извѣстное время, какъ тихую молитву; а вмѣсто того послѣ миссы пѣть псаломъ, *Богъ намъ убѣжище* и *Ангелъ Господень*, за упокой мучениковъ, падшихъ въ бою за независимость ойчизны. Во всѣхъ религіозныхъ пѣніяхъ 2), которыя обыкновенно совершаются народомъ (т. е. надо разумѣть панами и братчиками) или же въ начатыхъ ксендзомъ, *всѣ находящіеся въ костелѣ* должны принимать участіе" 3). Воззваніе исполняется свято здѣшними поляками и братчиками: стоя на колѣнахъ, нынѣ они поютъ цѣлый псаломъ: *Богъ намъ убѣжище и сила, помощникъ въ скорбѣхъ, обрѣтшихъ ны зѣло*, а потомъ молитву *Ангелъ Господень*, назначенную за

1) Бувье—Скавини.

2) Т. е. въ годзинкахъ, коронкахъ, рожанцахъ и въ пѣніяхъ во время процессіи.

3) Совр. Лѣтопись за 1867 г.—С. Сѣраковскій соч. ген. М. Цылова.

упокой мятежниковъ. Въ настоящее время, т. е. съ 1863 года, хотя и служится молебствіе за Августѣйшій Домъ, но служится на самомъ концѣ богослуженія не главнаго, а придаточнаго, съ умысломъ весьма удлиненнаго (отчего большая часть народа, не дождавшись молебствія, принуждена выйдти изъ костела), богослуженія введеннаго въ употребленіе по всѣмъ костеламъ Сѣверо-Западнаго края, лишь по распоряженію мятежнаго жонда: въ память бывшихъ польскихъ демонстрацій, направленныхъ противъ Россіи. Въ нѣкоторыхъ костелахъ Сѣверо-Западнаго края, во время великаго поста, поются братчиками пѣсни о страстяхъ Господнихъ по-польски (gorzkie żale). Придаточное богослуженіе у р.-католиковъ въ западныхъ губерніяхъ, по большей части, мѣстнаго новѣйшаго издѣлія и служится братчиками, которые, ради вящшей эффектности, а слѣдовательно и большаго успѣха въ польщизнѣ, священнодѣйствують, т. е. служатъ оное, одѣвшись въ комжу, т. е. стихарь—одежду подобающую, по канонамъ костела, только лицамъ духовнаго сана; другая же часть ихъ одѣвается и въ кардинальскіе плащи, что дѣлается на подобіе Рима: ксендзъ будто-бы изображаетъ папу, а братчики — кардиналовъ. Боясь отвѣтственности, ксендзы совратившимся въ латинство православнымъ нерѣдко отказываются преподавать духовныя требы; за то братчики начали сами священнодѣйствовать; вслѣдствіе положенія ихъ въ костелѣ, народъ привыкъ видѣть въ нихъ своего рода ксендзовъ. Ставя на головахъ православныхъ распятіе, осѣняя ихъ знаменіемъ креста и читая молитву, они разрѣшали людей отъ православной вѣры; братчики Матвей М. Иванъ и другіе крестили дѣтей отъ православныхъ родителей, отпѣвали и хоронили умершихъ, собирали народъ и служили имъ богослуженіе, разумѣется, на польскомъ языкѣ, освящали воду на подобіе ксендзовъ и ею окропляли народъ и т. д.

Для отправленія подобныхъ противузаконныхъ дѣйствій, а тѣмъ болѣе, для служенія разнаго рода придаточныхъ богослуженій, для братчиковъ необходимо знаніе польской грамотности. Съ этою цѣлью, до 1863 года, учреждены были польскія училища не только при каждомъ костелѣ, но даже едва ли и не въ каждой мызѣ польскихъ помѣщиковъ—большею частью братчиками, а также открыто около 200 книжныхъ польскихъ складовъ. Какъ училища, такъ и склады въ 1864 году закрыты. Къ несчастью, польскій языкъ пока остается въ костельномъ употребленіи въ Россіи

и р.-католическихъ молитвенниковъ на русскомъ языкѣ нѣтъ, вслѣдствіе чего закрытіе польскихъ училищъ привело не къ уменьшенію числа ихъ, а лишь къ тому, что основываются онѣ втайнѣ и народъ принужденъ нарушать правительственныя распоряженія и быть невольнымъ ослушникомъ наряду съ поляками, что крайне полезно польской справѣ. Благодаря этому братчики и въ настоящее время не перестаютъ распространять въ средѣ здѣшняго народонаселенія разныя польскія книги и буквари и тайно обучать польской грамотѣ. Послѣ закрытія въ Сѣверо-западномъ краѣ польскихъ училищъ, уже протекло четыре года; значитъ слѣдовало бы продажѣ польскихъ молитвенниковъ хоть отчасти уменьшиться; а между тѣмъ мы видимъ, что она, если не увеличивается, то уже никакъ не уменьшается, и молитвенники нынѣ печатаются по большей части въ С.-Петербургѣ. Всюду замѣчается, что дѣти, которыя навѣрное предъ мятежомъ 1863 года не знали ни одной польской буквы, нынѣ умѣютъ молиться по молитвенникамъ польскимъ.

Ксендзовство и польщизна. Находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ ксендзами, братчики не могутъ не познакомиться съ роскошной и беззаботной жизнью ксендзовъ, а слѣдовательно не могутъ не считать ея верхомъ человѣческаго благоденствія. Слѣдуя порядку вещей, они то и дѣло—стараются подражать имъ во всемъ: въ усвоеніи польской рѣчи, польской народности, мятежныхъ тенденцій; отсюда желаніе у нихъ прочить сыновей прежде всего въ ксендзы. Братчикамъ приходится часто бывать у польскихъ помѣщиковъ, а чаще всего у помѣщицъ и чиновницъ р. католическаго вѣроисповѣданія; у каждаго братства имѣется весьма много праздниковъ, которымъ стараются придавать характеръ *польскихъ* народныхъ праздниковъ. Для нихъ устроиваются ярмарки, съѣзды, совѣты весьма частые, и притомъ такъ, что представляютъ собою нѣкоторую замѣну бывшихъ польскихъ сеймиковъ. Вотъ какими путями усвоивается русскимъ народомъ польская анархія, польскій демократизмъ и мятежный нравъ 1)! Въ концѣ ноября прошедшаго 1867 г., братчики Олитскаго костела въ Виленской губерніи собрали толпу народа, составили сеймикъ и уговорили 150 лицъ подписать петицію объ оставленіи ксендза Купревича при приходѣ въ должности настоятели, котораго прави-

1) Brewjarzyk Tercyarski и др.

тельство нашло нужнымъ перевести на другой приходъ. Подобные примѣры сходокъ и сеймиковъ братскихъ случаются въ здѣшнемъ краѣ почти ежедневно.

Привѣтъ на польскомъ языкѣ, „да будетъ похваленъ Іисусъ Христосъ" вытѣснилъ русскій обычай привѣтствовать словомъ—„здравствуйте", бывшимъ во всеобщемъ употребленіи въ Сѣверо-западномъ краѣ до 20 годовъ нынѣшняго столѣтія; употребленіе шкаплеровъ вытѣснило ношеніе крестика по христіанскому обычаю; постъ по субботамъ заступилъ мѣсто употребленія скоромной пищи; ношеніе коронки—чисто польскій обычай. Послѣ побѣды поляковъ надъ турками при городѣ Вѣнѣ въ 1683 году, много прославившей ихъ, супругѣ польскаго короля Яна Собѣскаго Маріи—Казимірѣ прислана была папой коронка съ весьма дорогимъ медальономъ, на одной сторонѣ котораго находилось изображеніе Спасителя, а на другой—Пр. Богородицы, съ надписью, свидѣтельствовавшею о побѣдѣ поляковъ. Съ тѣхъ поръ коронка сдѣлалась у поляковъ эмблемой побѣдъ и вплоть до перваго раздѣла Польши считалась необходимымъ убранствомъ для каждаго изъ нихъ; ее носятъ на кушакѣ. Поступающимъ на государственную службу полякамъ нельзя носить на русскомъ мундирѣ эмблему польскихъ побѣдъ; за то употребленіе ея весьма распространяется въ средѣ здѣшняго народонаселенія.

Совращеніе православныхъ. Со времени возвращенія бывшихъ уніатовъ въ лоно православія въ 1839 году, по 1863 годъ, въ здѣшнемъ краѣ, единичными случаями, совратились въ латинство многія тысячи православныхъ. Но бывали и громадныя совращенія, заразъ въ нѣсколько тысячъ, какъ пр. въ 1857 году въ Порозовскомъ, а въ 1858 г. въ Клещельскомъ приходахъ Гродненской губерніи; полагаютъ, что такимъ образомъ совратилось слишкомъ 30 т. Въ прошломъ 1867 году совратились - было точно также весьма многіе въ Новогрудскомъ, Волковыскомъ и другихъ уѣздахъ; многіе православные Батуринскаго прихода, въ Минской губерніи, отправились въ Радошковичскій костелъ, гдѣ, какъ кажется, праздновалось 40—часовое богослуженіе, были у исповѣди и причащеніи св. Таинъ, по р. католическому обряду. Категорически доказано, что виновниками совращенія всегда и всюду были костельные братчики. И немудрено, такъ какъ совращать въ латинство православныхъ они обязаны по братскимъ уставамъ и обѣтамъ, принятымъ и принимаемымъ всенародно въ костелѣ.

Для примѣра приведемъ уставъ рожанцоваго братства, напечатанный въ Вильнѣ уже въ 1864 году: „I) братчики обязаны исполнять заповѣди Божіи и повелѣнія костела (т. е. ксендзовъ), а равно слѣдить за исполненіемъ сего и другими, какимъ-нибудь образомъ зависящими отъ братчиковъ; II) поучать дѣтей, домочадцевъ и слугъ страху Божію любви къ ближнему, ближняго и не ломать совѣсти (т. е.: не принимать православія и не жениться на православныхъ; III) читать рожанецъ. IV) быть у исповѣди въ тѣ дни, когда даются отпусты.“ Значитъ братчики должны бывать по праздникамъ, не только въ мѣстномъ костелѣ, но даже отправляться и въ другіе костелы; призываются къ странствованію на богомолье по разнымъ костеламъ; отсюда же возникли о мятежныя процессіи 1861 года; „V) избѣгать грѣховъ и содержать принятую присягу-обѣтъ; не говорить ни единаго слова въ ущербъ св. католической вѣры, а равно тому же и другихъ поучать, наставленіемъ, поученіемъ, совѣтомъ, просьбой, или же властью“ 1).

Здѣсь рождается вопросъ: совращаютъ-ли братчики ради религіи или же ради польщизны?

Имѣй въ виду религію, братчики, понятно, старались бы совращать въ латинство не только православныхъ, что строго запрещено закономъ, но даже и евреевъ (которыхъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ весьма много), караимовъ, магометанъ и протестантовъ (которыхъ здѣсь немало) что не запрещается. Между тѣмъ, братчики стараются совращать не кого другаго, какъ только православныхъ, послѣдователямъ же другихъ вѣроисповѣданій нѣтъ у нихъ и обыкновенія предлагать свое латинство. Имѣй въ виду религію, они, казалось бы, должны питать отвращеніе менѣе всего къ православію, какъ по своимъ догматамъ болѣе остальныхъ религій сходному съ латинствомъ; а между тѣмъ на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ противное. И наоборотъ,—имѣй въ виду не распространеніе религіи, а польщизну, все должно принять другой оборотъ, точь въ точь сходный съ дѣйствіями братчиковъ: самою вредною вѣрой относительно польщизны у нихъ считается православіе, и братчики гонятъ и стараются совращать послѣдователей его; значитъ они преслѣдуютъ польщизну. Жители Ковенской губерніи говорятъ частью по-жмудски, частью по-литовски—

1) Rituale sacramentorum. Wilnae. 1864.

нарѣчія одного и того же языка; языкъ польскій для нихъ непонятенъ.

Между тѣмъ, тамошніе ксендзы произносятъ проповѣди своевременно, т. е. во время мессы, по-польски, а въ концѣ богослуженія ту же проповѣдь и по-жмудски или же по-литовски,—на языкѣ понятномъ для ихъ прихожанъ. Спрашивается: къ чему нужна проповѣдь польская, когда ее нужно произносить и въ переводѣ, чтобы сдѣлать понятной для слушателей? Братчики въ Ковенской губерніи поютъ годзинки, коронки, рожанцы (рѣчь идетъ о молитвахъ, подъ этими названіями, находящихся въ польскихъ молитвенникахъ) по-польски, несмотря на то, что большинство самихъ братчиковъ не понимаетъ польскаго языка. Наконецъ, къ тѣмъ лицамъ, кто изъ здѣшнихъ католиковъ приметъ кальвинизмъ, лютеранизмъ, даже (и магометанство), паны, ксендзы и братчики относятся по-прежнему;прійми же кто православную вѣру, и всѣ они готовы разтерзать подобную личность въ куски и на каждомъ шагу вредить стараются. Нѣтъ и сомнѣнія, что, совращая въ латинство православныхъ, у братчиковъ имѣется въ виду не распространеніе ихъ вѣры, а просто-на-просто ополяченіе здѣшняго края посредствомъ польскаго языка, остающагося пока въ религіозномъ употребленіи у здѣшнихъ р. католиковъ.

Подобно іезуитамъ, братчики—мастера распускать разные вымышленные слухи и дѣлать фальшивые доносы. Братчики Новогрудскаго и Волковыскаго уѣздовъ, въ разъѣздахъ своихъ по разнымъ приходамъ, распускали слухи: будто европейскіе государи собрались на *правдивую коммиссію*, но гдѣ именно и сами назвать не могли, будто бы правдивой коммиссіей предложено нашему Императору позволить принявшимъ православіе возвратиться опять въ латинство; и въ доказательство братчики роздавали народу лоскутки бумаги съ какою то надписью и печатью, будто разрѣшеніе на возвратъ въ латинство, данное отъ нашего Императора и *правдивой коммиссіи;* будто бы уничтоженіе крѣпостнаго права сдѣлано въ Россіи, по желанію императора французовъ; будто принявшихъ православіе Богъ всюду наказываетъ скоропостижною смертью. Братчики Новогрудскаго уѣзда закупили въ Вильнѣ фотографическія карточки одного изъ здѣшнихъ высшихъ лицъ и, странствуя по деревнямъ, внушали православнымъ возвращаться въ латинство, такъ какъ будто бы этого желаетъ и помянутое лице, въ знакъ чего будто бы и присылаетъ

имъ свою карточку. Братчикъ О. озерскаго костела въ Городненской губерніи распускалъ слухи, будто греческій патріархъ вмѣстѣ со своею паствою и русскою церковью подчинился римскому папѣ, будто Высочайше повелѣно принявшимъ православіе возвращаться назадъ въ латинство и многія церкви отдать ксендзамъ для обращенія ихъ въ костелы; будто имъ О. заключенъ контрактъ насчетъ передѣлки озерской церкви въ костелъ. Доказано, что многіе ушли до лясу просто-на-просто изъ-за того, что повѣрили слухамъ, будто этого желаетъ самъ императоръ французовъ, дабы поработить москалей 1); будто противъ москалей возстали всѣ цари бѣлаго свѣта; будто бы, поэтому, каждаго, кто не пойдетъ до лясу, повѣсятъ, если не поляки, то французы. Точно также доказано, что распространеніемъ подобныхъ слуховъ занимались преимущественно братчики.

Отсюда происходитъ еще и слѣдующаго рода зло. Будучи приглашены въ свидѣтели, дабы не выдать ксендзовъ, братчики не побоятся рѣшиться и на клятвопреступленіе, что нерѣдко замѣчается между ними. Русскіе чиновники, не имѣя достаточныхъ свѣдѣній о костельныхъ братствахъ, въ дѣлахъ ксендзовъ призываютъ въ качествѣ свидѣтелей его прихожанъ, не обращая вниманія на то, братчики ли они, или же не принадлежатъ къ братству; дѣло же ксендзовъ устроить все такъ, чтобы свидѣтелями ему были сами братчики. Послѣ этого становится понятнымъ, отчего ксендзы такъ часто бываютъ оправдываемы свидѣтелями.

Ксендзовская полиція. Братчики то и дѣло—извѣщаютъ ксендзовъ объ угрожающей имъ опасности, доносятъ, какія носятся слухи, а равно, кто изъ прихожанъ исполняетъ и кто не исполняетъ ихъ повелѣнія. Шпіонничать и дѣлать доносы, возведено въ систему въ средѣ братчиковъ 2). Всѣмъ извѣстно, что сестры братствъ, по цѣлымъ днямъ, возятся, шепчутся и бесѣдуютъ съ ксендзами, то въ плебаніи (домъ гдѣ живутъ ксендзы), то у себя дома 3). Онѣ не смѣютъ не доносить обо всемъ, что только имъ извѣстно, либо отъ мужей, нерѣдко состоящихъ на государственной службѣ, либо отъ другихъ,—такъ что ксендзы скрыть во время свои враждебныя дѣйствія всегда въ состояніи.

1) Великоруссовъ.

2) Brewjarzyk Tercyarski.—Донесеніе могилевской митрополитской р. католической консисторіи.

3) Валеріанъ Велегловскій—Niewiasta. 5 изд. Kraków. 1860.

Надо замѣтить и то, что свѣдѣнія о благонадежности ксендзовъ получаются епархіальнымъ начальствомъ точно также отъ братчиковъ, поэтому становится понятнымъ, отчего епархіальными р.-католическими начальствами такъ усердно поощряются доносы въ средѣ братчиковъ.

Междуусобная война. Посредствомъ папскихъ отпустовъ грѣхи прощаются не иначе, какъ послѣ молитвы объ искорененіи *некатоликовъ* 1); значитъ въ Россіи — объ искорененіи *православныхъ* 2). Точно также извѣстно, что братчикамъ даровано столько отпустовъ, что имъ приходится молиться объ искорененіи некатоликовъ,—здѣсь православныхъ,—не меньше трехъ разъ ежедневно. Благодаря сей молитвѣ, братчики то и дѣло—постоянно возбуждаютъ и въ самихъ себѣ, и въ средѣ ихъ окружающей омерзѣніе къ издревле-православнымъ, а къ принявшимъ православіе—ненависть, что, по словамъ польскихъ писателей, почти всегда кончается жесточайшимъ гоненіемъ и тѣхъ и другихъ православныхъ 3). Въ этомъ дѣлѣ братчики крайне находчивы: они умѣютъ преслѣдовать православныхъ, особенно вновь присоединившихся, насмѣшками, поруганіемъ, поврежденіемъ, избіеніемъ, отдачей въ солдаты, оплеваніемъ, очерненіемъ, клеветой, поджогомъ, потравой ихъ добра и всякими другими іезуитскими способами. Принявшіе православіе въ 1865 и 1866 годахъ въ юшковской и шимковской волостяхъ Городненской губерніи, въ слѣдующемъ 1867 году возвратились-было опять въ латинство. Когда прибывшій изъ Вильны высшій чиновникъ А. С. началъ вразумлять ихъ, дабы раскаялись и принесли повинную, они пали на колѣна и со слезами умоляли защитить ихъ отъ гоненія со стороны костельныхъ братчиковъ. Въ самомъ дѣлѣ, доказано, что братчики Мартинъ и другіе угрожали имъ смертью и другимъ наказаніемъ, если они не оставятъ православія. Братчики порозовскаго костела въ Городн. губ. насильно заставляли православныхъ, въ 1857 году, отрекаться отъ вѣры своихъ отцевъ, а въ 1859 году записываться въ братство трезвости, т. е., связавъ по рукамъ людей, вредныхъ польщизнѣ, водили ихъ по мѣстечку съ боемъ ко-

---

1) Всѣ папы, коимъ приходилось давать отпусты, какъ значится въ ихъ посланіяхъ по сему поводу.—Епископъ Бувье.

2) О. Ярошевичъ. Obraz Litwy. Wilno. 1845.

3) Мучковскій, Bractwa.

стельнаго барабана и на концахъ улицъ наносили имъ палкою по нѣскольку ударовъ.

По словамъ польскихъ писателей, благодаря костельнымъ братствамъ, въ средѣ гражданъ одного и того же государства, пускаетъ глубокіе корни междоусобная борьба, приведшая къ упадку и Польшу 1).

Мятежъ. Касательно мятежнаго настроенія братчиковъ, скажемъ слѣдующее. По совѣту Михаила Чайковскаго, въ исламѣ Садыкъ—пашѣ, въ 1852 году 2) и въ слѣдующихъ (замѣтьте—крымская война) миссіонерскимъ братствомъ было введено по многимъ здѣшнимъ костеламъ новое богослуженіе,—такъ называемое *майское*, празднуемое цѣлый мѣсяцъ Май. Тѣмъ, кто участвуетъ въ богослуженіи, прощаются каждый разъ грѣхи за 300 дней, а тому, кто будетъ и у исповѣди, всѣ грѣхи 3). Ксендзы въ проповѣдяхъ, произносимыхъ нерѣдко по двѣ въ день, поучали мятежу, а братчики, бесѣдуя съ народомъ, въ свою очередь, старались подтвердить слова ксендзовъ, и продавали красные шкаплеры по большей части вмѣстѣ съ революціонными прокламаціями, въ нихъ зашитыми, за ношеніе которыхъ прощаются всѣ прегрѣшенія 4); костеламъ Сѣверо-западнаго края симъ братствомъ подарены четыре польскія сочиненія, въ томъ числѣ всѣмъ извѣстныя своимъ крайне ультрамонтанскимъ и ультрамятежнымъ польскимъ направленіемъ—*Житія святыхъ.* соч. іезуита Петра Скарги; Въ городѣ Бѣлостокѣ Гродненской губерніи основано было польское училище съ пріютомъ и возстановленъ, безъ разрѣшенія правительства, бывшій монастырь монахинь шаритокъ, еще въ 40 годахъ нынѣшняго столѣтія упраздненный. Виленское братство открыто проводило мятежъ, за что начальница братства и была наказана; братство 5) повело интригу такъ успѣшно, что костелъ миссіонерскій въ Вильнѣ, въ 1844 году закрытый, возвращенъ опять р.-католикамъ, именно миссіонерамъ, вмѣстѣ съ частью бывшаго монастыря, что случилось въ 1862 году, когда край уже былъ на военномъ положеніи, и что не могло не отразиться весьма вредно на умахъ народа, будто правительство уступаетъ предъ мятежни-

1) Тамъ же Мучковскій.
2) Кс. П. Римскій. Wyklad obrzędów.
3) Папа Пій VII, булла отъ 21 марта 1815 г.—Бувье—Томъ.
4) Wiadomość o szkaplerzu Męki pańskiéj, Warszawa. 1858.
5) С. Сѣраковскій; соч. ген. М. Цылова.

ками. Костелъ и часть монастыря остается при миссіонерахъ и по нынѣ. Съ 1852 года до 1863 въ р. католическихъ семинаріяхъ Сѣверо-западнаго края воспитывалось число клириковъ вдвое, а подъ-часъ и втрое болѣе числа, опредѣленнаго штатомъ. Деньги на это получались по большей части отъ миссіонерскаго братства; за то и желанія его увѣнчались успѣхомъ: какъ только вспыхнулъ мятежъ, большая часть клириковъ (напр. изъ виленской семинаріи 51 клирикъ) и ксендзовъ, воспитанныхъ въ это время, пошли до лясу. Терціярскіе братчики, съ 1847 года, старались распускать слухи, будто статуя Спасителя, находящаяся на виленскомъ предмѣстьи Снипишкахъ, творитъ чудеса, само-собою разумѣется въ пользу лишь р. католиковъ, и точно также посредствомъ своихъ учениковъ снипишскаго училища-то и дѣло—собирали пановъ и бывшихъ польскихъ чиновниковъ пѣть мятежные гимны и отсюда процессіей ходили къ Острымъ воротамъ. Въ знакъ объединенія сихъ двухъ братствъ, изобрѣтенъ медальончикъ, на одной сторонѣ котораго находится изображеніе Островоротной иконы Богородицы, а на другой—статуя снипишскаго Спасителя. Братчики сей же конгрегаціи, въ мѣстечкахъ Яловкѣ и Порозовѣ Городненской губерніи, въ 1866 и 1867 годахъ, имѣли сношенія съ братчиками города Варшавы и Кракова, изъ заграницы ввозили въ Россію массу брошюръ, листковъ, книжекъ и картинъ мятежнаго содержанія, для распространенія въ народѣ. По всему Сѣверо-западному краю подбивали народъ писать кляузныя прошенія на имя всѣхъ высшихъ лицъ государства; даже сдѣлано было приготовленіе отправить депутацію къ императору французовъ и Голуховскому, но она по всей вѣроятности не состоялась. Всѣмъ извѣстно, что большая часть бывшихъ чиновниковъ р.-католическаго вѣроисповѣданія, польскіе помѣщики, а равно жены тѣхъ и другихъ, весьма усердно исполняли порученія мятежнаго жонда; они же и члены разныхъ братствъ, въ особенности резуррекціонистовъ. Точно также извѣстно, что поляки признаютъ за папою божественное призваніе управлять міромъ, вѣруютъ въ его непогрѣшимость, а равно и въ состоятельность папскихъ отпустовъ. Поэтому, не можетъ быть и рѣчи, что по большей части участвовали они въ послѣднемъ мятежѣ, полагаясь на авторитетъ папы или—другими словами — участвовали какъ члены костельныхъ братствъ, утвержденныхъ и надѣленныхъ отпустами его святѣйшествомъ за возстановленіе Польши, что означаетъ и самая эм-

блема братская—шкаплеры: онѣ носятся на правомъ плечѣ и означаютъ эполетъ; при нихъ находится ременная портупея, носимая через правое плечо, на которой расписаны разныя польскія эмблемы, означающія, что братчики должны считать себя жолнерами польской справы.

Но самое успѣшное средство проводить мятежъ и, поэтому принятое всѣми братствами,—40-часовое богослуженіе. Оно празднуется въ одно и тоже время не во многихъ костелахъ, а только при одномъ, что дѣлается для того, чтобы собрать въ одно мѣсто какъ можно болѣе ксендзовъ и народа. Для празднованія избирается преимущественно осеннее время, потому что тогда народъ свободенъ отъ полевыхъ работъ и имѣетъ что дать на польскую справу, самъ не зная объ этомъ; но впрочемъ празднованіе его начинается повсюду, обыкновенно, вскорѣ послѣ праздника пасхи. Цѣль 40-часоваго богослуженія въ цѣломъ р.-католическомъ мірѣ—чествованіе въ теченіе 3 дней св. Даровъ, выставленныхъ на главномъ олтарѣ; тому, кто навѣститъ ихъ хоть одинъ разъ въ продолженіи этихъ 3 дней, прощаются грѣхи за 7 лѣтъ, а кто будетъ навѣщать ихъ ежедневно въ теченіе трехъ дней—всѣ грѣхи 1). Такъ какъ у здѣшнихъ ксендзовъ все устремлено къ веденію пропаганды, то и во время 40-часового богослуженія въ Сѣверо-западномъ краѣ самое главное вниманіе обращено на проповѣди и поученія; онѣ занимаютъ большую часть богослуженія, продолжающагося ежедневно слишкомъ 13 часовъ.

У него та особенная черта передъ другими ксендзовскими богослуженіями и праздниками, что говорится по двѣ проповѣди и по нѣскольку народныхъ импровизированныхъ поученій (nauk) ежедневно, въ большей части случаевъ,—въ теченіе пяти дней сряду. Во время 40-часоваго богослуженія, мятежныя прокламаціи подбрасывались и польскіе гимны пѣлись по преимуществу и притомъ безнаказанно, благодаря многолюдству. Воодушевляться и проводить польщизну немало способствуютъ ксендзамъ крѣпкіе напитки и обиліе пищи, присылаемыхъ въ домъ ксендзовъ того костела, гдѣ празднуется это богослуженіе, польскими помѣщицами.

1) Папа Климентъ XIII, булла отъ 23 іюля 1765 года.—Павелъ V; бреве отъ 10 мая 1606 г.—Бувье.

Послѣ дообѣденнаго богослуженія, паны, шляхта съ ихъ семействами и пріѣзжіе ксендзы толпой собираются обыкновенно къ обѣду въ домъ мѣстнаго ксендза, даже нерѣдко являлись сюда и эмиссары; и тутъ то, среди *своихъ людей*, вырабатывались планы будущаго мятежа, собирались деньги и офяры на польскую справу, порицалось православіе, москали и русское правительство, раздавались прокламаціи и проч., обсуждались, наконецъ, мѣры къ распространенію и утвержденію р. католицизма на русской территоріи, въ ущербъ православію и русской народности. Замѣтимъ кстати, что хотя начало этого богослуженія и древнее въ р. католической церкви, но въ Россіи до 1847 г. оно перестало быть повсюднымъ, а только праздновалось преимущественно у однихъ доминиканцевъ, и то только въ Духовъ день, но когда императоръ Николай I не дозволилъ въ этомъ году празднованіе въ Россіи римскаго юбилея, приготовившаго въ 1827 году польскій мятежъ 1831 года, то ловкій іезуитъ, тогдашній р. католическій митрополитъ Головинскій, въ слѣдующемъ году хитростью исторгъ у правительства разрѣшеніе на повсемѣстное совершеніе 40 часоваго богослуженія, подъ видомъ, какъ сказано въ его представленіи о семъ б. министру внутреннихъ дѣлъ графу Перовскому, испрошенія у Бога удаленія отъ Россіи Его посѣщенія разными бѣдствіями: неурожаемъ, холерой, пожарами, войной (венгерской) и проч. проч. Правительство разрѣшило, не подозрѣвая о подлинной цѣли, какую имѣлъ Головинскій. Онъ этимъ хотѣлъ замѣнить (и замѣнилъ) періодическій, 25 лѣтній, юбилей—постояннымъ. Празднованіе 40 часоваго богослуженія въ каждомъ деканатѣ, совершалось по приходамъ преимущественно по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ по очереди, установленной деканомъ. Ксендзы почти всего деканата, съ своимъ деканомъ, разъѣзжали отъ прихода до прихода, куда приглашали и своихъ прихожанъ, а паны и паньи сгоняли, часто насильно, своихъ крестьянъ; даже православныхъ, освобождая ихъ на день или на два отъ барщины, и сами съ своими семействами благоговѣйно отправлялись къ мѣсту праздника. На первыхъ порахъ празднованіе сего богослуженія приводило здѣшнихъ р. католиковъ въ неописанный восторгъ. Повсюду, между прочимъ, и въ проповѣдяхъ говорилось о наставшемъ торжествѣ католицизма въ Россіи и будущемъ его процвѣтаніи и благоденствіи. Нерѣдко случалось, что во время этого богослуженія въ толпѣ ксендзовъ были и переодѣтые въ ксендзовскія

рясы польскіе эмиссары 1). Тысячи народа исповѣдываются ежедневно, въ томъ числѣ и многіе православные. Но самыми главными дѣятелями въ эти дни являлись братчики: постоянно шныряя въ толпахъ народа, они то и дѣло—старались еще болѣе и крѣпче утвердить его въ ксендзовскихъ поученіяхъ и наставленіяхъ; въ 1861 году призывали пѣть мятежные гимны, принимать участіе въ политическихъ процессіяхъ, а въ 1863 году вербовали до лясу. Однимъ словомъ — надо принять за общее привило, что только тамъ, гдѣ существуютъ костельныя братства, въ 1861 году пѣлись мятежные гимны, а въ 1863 году уходили въ лѣсъ.

Денежный сборъ. По принятому обыкновенію, каждый изъ братчиковъ вноситъ въ братскую кружку не менѣе 30 копѣекъ ежегодно. Въ 1866 году, братчики свислочскаго костела въ Городненской губерніи Осипъ Г., Иванъ Т. и многіе другіе, разъѣзжая по Сѣверо-Западному краю, дѣлали денежный сборъ на цѣли мятежныя. Въ 1867 году, братчики какого-то костела въ деревняхъ докудовскаго православнаго прихода Виленской губерніи собирали деньги, по ихъ словамъ, на костелъ, не показызая на какой именно, а также на миссы, коронки, рожанцы, шкаплеры, по 20 копѣекъ съ каждаго двора; кромѣ того, забирали у крестьянъ шерсть, полотно и разныя другія произведенія сельскаго хозяйства. Такимъ образомъ, подъ предлогомъ нуждъ костельныхъ, братчики скопляютъ громадныя суммы, употребляемыя ими на отправленіе вышесказанныхъ операцій 2). Самый неисчерпаемый источникъ дохода въ пользу мятежа—деньги собираемыя братчиками на миссы. Сумма, предложенная на отслуженіе миссы, называется у ксендзовъ облигаціей; жертвуется на миссы, такъ-называемыя *пѣтыя*, которыя служатся съ пѣніемъ и органомъ, не менѣе 1 рубля, на *читанныя же*, т. е. которыя служатся въ тихомолку, безъ органа,—30 копѣекъ по деревнямъ, и 50 коп.

---

1) Подъ видомъ kwestarza, въ 1859 году польскій эмиссаръ, въ рясѣ монаха-капуцынца, мірянинъ, появился въ Ковенской губерніи, и побывалъ всюду на пространствѣ оттуда и до города Бреста-Литовскаго. Говорятъ, что въ черленской часовнѣ Городненскаго уѣзда надо было отслужить и миссу сказанному эмиссару—мірянину. Главнымъ образомъ принималъ онъ участіе въ 40-часовомъ богослуженіи и всюду въ проповѣдяхъ призывалъ распространять костельныя братства.

2) Кс. П. Римскій.

по городамъ. За каждую облигацію служится мисса особо; брать облигацій ксендзы не въ правѣ болѣе, какъ сколько могутъ отслужить ихъ въ теченіе 2 мѣсяцевъ, остальныя же деньги должны быть отправлены или мѣстному епископу, или же ксендзамъ въ тѣ мѣста, гдѣ ихъ не имѣется. Только папа вправѣ дозволить епископамъ и другимъ ксендзамъ за накопившіяся облигаціи отслужить меньшее число миссъ, или даже только одну, а деньги или взять себѣ, или же употребить по указанію папы 1). Чтобы всегда имѣть деньги на ультрамонтанскую и польскую справу, ксендзы стараются развить въ народѣ потребность давать облигаціи и только посредствомъ братчиковъ удалось довести ее до неслыханно громадныхъ размѣровъ; такъ напр. въ Острыхъ воротахъ ежегодно собирается облигаціонныхъ денегъ около 70 т. руб., въ Кальварійскомъ костелѣ (въ 7 верстахъ отъ Вильны) въ теченіи двухъ Тройцына и Духова дней 8 тысячъ; въ каждомъ здѣшнемъ костелѣ, гдѣ только есть братство, собирается облигацій по нѣскольку тысячъ ежегодно. Деньги, подъ предлогомъ передачи ксендзамъ неимѣющимъ ихъ, забираютъ тѣ изъ ксендзовъ, которые болѣе другихъ занимаются мятежной агитаціей и имѣютъ право редукціи миссальныхъ денегъ и передаютъ ихъ или въ мятежный жондъ, или же и сами расходуютъ на разныя польскія потребности, смотря по надобности; изъ этихъ денегъ часть посылается папѣ, а также ксендзамъ, высланнымъ изъ края за мятежъ, какъ это обнаружено въ Ченстоховѣ и г. городненскимъ губернаторомъ въ прошломъ 1867 году. Вотъ способы, коими со здѣшняго русскаго народа берется братчиками и ксендзами и при военномъ положеніи контрибуція (желѣзный грошъ), весьма большая, на *земское будованіе*. Такимъ образомъ, немудрено, что послѣ подобныхъ контрибуцій здѣшнее народонаселеніе крайне мало развито, живетъ безъ всякаго комфорта и предано пьянству болѣе, чѣмъ гдѣ либо въ остальной Россіи 2).

Богодѣльни. Послѣ 1815 г. въ Сѣверо-западномъ краѣ мало по-малу начали возникать такъ—называемыя *костельныя богодѣльни*, (szpitale) съ цѣлью дать пріютъ нищимъ: уставъ ихъ во многомъ походилъ

1) Кс. А. Путіятицкій, Theologia moralis, Warszawa 1857 — А. Лигурій—Chabûnu.

2) Ст. Статистическія свѣдѣнія.

на монастырскій 1). Впослѣдствіи императоръ Николай занялся устройствомъ крестьянскаго быта и нищіе получали соотвѣтственное призрѣніе, а слѣдовательно, цѣль костельныхъ богодѣльней сама собою устранилась. Тѣмъ неменѣе названіе богодѣльней оставлено по прежнему, а только дано имъ другое назначеніе: нынѣ въ костельныхъ богодѣльняхъ живутъ не кто другой, какъ заступающіе мѣсто братчиковъ и носящіе названіе дѣдовъ и бабъ костельныхъ. Они отправляютъ всѣ братскія операціи, точно сами братчики. Когда *напр.* въ 1865 году всюду сказалось сильное движеніе въ пользу православія, въ одномъ Шумскѣ ни кто не присоединялся; по наведеннымъ справкамъ оказалось, что причина этого дѣды и бабы костельной богодѣльни. И что же! Какъ только приняли они православіе, дѣды и бабы, весь приходъ сдѣлалъ точно тоже въ нѣсколько дней. Въ селѣ Бѣлицѣ Виленской губерніи существовалъ доминиканскій монастырь, упраздненный за участье въ мятежѣ 1831 года. До конца 1866 года всѣ приняли православіе; поэтому братчики изъ сосѣдственнаго (въ 3 верстахъ) ельненскаго костела, въ 1867 году начали въ Бѣлицѣ строить безъ разрѣшенія правительства костельную богодѣльню, гдѣ поселятся католическіе и польскіе агитаторы. Когда надо собрать братчиковъ (эта надобность весьма часто случается) либо на совѣтъ, либо случится другая потребность, либо надо что нибудь сообщить имъ, по сельскимъ и многимъ городскимъ костеламъ дѣды и бабы звонятъ вѣче. Они же и благовѣстятъ къ молитвѣ *Ангелъ Господенъ*. На клермонтскомъ соборѣ 1085 года, папа Урбанъ II повелѣлъ ежедневно, утромъ, въ полдень и вечеромъ благовѣстить къ молитвѣ *Богородице Дѣво радуйся* и католики, услышавъ колоколъ, должны прочесть молитву, съ цѣлью испросить для крестовыхъ походовъ помощь небесной царицы. Хотя съ концемъ послѣдняго похода и цѣль благовѣста упразднилась, тѣмъ неменѣе, дабы удержать въ народѣ память объ нихъ или точнѣе—о той громадной власти, какою прежде пользовались надъ европейскими народами папы, троекратный благовѣстъ оставленъ. Въ 1316 году вмѣсто 1 раза „Богородице Дѣво

1) Уставъ костельныхъ богодѣльней можно найдти въ посланіи жмудскаго р. католическаго епископа Іосифа Гедройця отъ 26 мая 1811 года, припечатанномъ въ Dzieje dobroczynności. Wilno 1820, которымъ повелѣвалось ксендзамъ Ковенской губерніи (впервые) основать у себя сказанныя *костельныя богодѣльни*.

радуйся",введено въ обычай папой Іоанномъ XXII читать ее трижды, съ прибавленіемъ трехъ коротенькихъ строфъ, изъ коихъ первая начинается словами—*Ангелъ Господенъ* и дала названіе всему молитвословію. За прочтеніе молитвы однажды въ сутки прощаются грѣхи за 100 дней, а за всѣ три раза—всѣ грѣхи 1); сіи же отпусты даются и тому, кто, не слыша благовѣста, какъ напр. жители дальнихъ деревень, прочтутъ молитву и такъ 2). Обязанность благовѣстить къ молитвѣ—,,Ангелъ Господенъ", а равно и читать ее,—не повелѣніе, а совѣтъ, и соблюдается нынѣ едва ли не одними братчиками; лѣтомъ, когда настанетъ работа въ полѣ, когда дѣды и бабы отправятся работать ксендзу, то нерѣдко и благовѣстить не кому.

Производя свои операціи, братчики,подобно іезуитамъ,тщательно стараются сообразоваться съ потребностями времени и съ настроеніемъ русскихъ относительно польщизны: они дѣйствуютъ то секретно, то болѣе открыто, подъ часъ принимаютъ на себя видъ чисто религіозный, даже нерѣдко отпираются, разумѣется, на словахъ, отъ братства, называя себя простыми носителями шкаплеровъ, рожанцевъ, коронокъ, и т. д., то, выждавъ время, опять даютъ волю своему польскому мятежному настроенію; кромѣ того, они не ограничиваются чертой своего прихода, напротивъ весьма часто странствуютъ подъ разными предлогами—торговцевъ, богомольцевъ, по приходамъ, а подъчасъ и по всему Сѣверо-западному краю. Во время управленія этимъ краемъ Михаила Николаевича Муравьева и Константина Петровича Кауфмана, братчики перестали - было отправлять свои операціи и служить свои придаточныя богослуженія; майское же, а тѣмъ болѣе, 40-часовое богослуженіе совершенно прекратилось. Народъ получилъ возможность вздохнуть свѣжимъ воздухомъ и въ теченіи трехъ лѣтъ присоединилось къ православію 80 тысячъ р. католиковъ, чего никогда не бывало. Очень естественно, поляки весьма встревожились и, по примѣру XVI вѣка, первымъ дѣломъ своимъ сочли пустить въ ходъ костельныя братства, которыя, въ самомъ дѣлѣ, съ конца 1866 года, начали опять странствовать по Сѣверо-западному краю, — и мы видимъ, что сейчасъ же послѣ этого,

1) Breve папы Венедикта XIII отъ 24 сентября 1724 и отъ 10 января 1725 годовъ.—Кс. Томъ, Zasady i Całość wiary Katolickiej. Warszawa 1857.

2) Папа Пій VI, breve отъ 18 марта 1781 года.

недавно присоединившіеся заявили было въ прошломъ 1867 году желаніе возвратиться опять въ латинство.

Самые главные и ближайшіе руководители костельныхъ братствъ мѣстные ксендзы и паны, а еще болѣе отецъ и мать братства. Руководство и разнаго рода наставленія сказываются различно, подъ-часъ весьма грубо. Для примѣра приведемъ слѣдующее. Настоятель порозовскаго костела, человѣкъ, наружно весьма благочестивый, скромный, трезвый, успѣвшій усвоить себѣ весь ксендзовскій нравъ и, поэтому, высоко цѣнимый ксендзами, ксендзъ Августинъ Л., въ прошломъ 1867 г., увѣрялъ своихъ прихожанъ, въ проповѣдяхъ будто онъ воспитывался вмѣстѣ съ нашимъ Государемъ Императоромъ, будто пользуется большою дружбой Царя, будто имѣетъ отъ Государя полномочіе совращать православныхъ въ латинство, въ знакъ чего и получилъ будто бы особый крестъ, надѣвъ который являлся онъ передъ народомъ. Чтобы читатель не считалъ подобный случай обманывать людей рѣдкимъ въ средѣ ксендзовъ, то надо замѣтить, что точно такими же обманами его предмѣстники вербовали въ 1863 году *до лясу*, а въ 1857 г. ксендзъ Оленскій около 5 тысячъ православныхъ совратилъ въ латинство посредствомъ выдуманной папской буллы и Императорскаго полномочія.

(Продолженіе впредь).

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

О ПРИСОЕДИНЕНІИ КЪ ПРАВОСЛАВІЮ ЛИЦЪ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКАГО ВѢРОИСПОВѢДАНІЯ.

По волынской епархіи, по словамъ «Кіевлянина», въ концѣ минувшаго 1867 года и въ началѣ 1868 присоединены по доброводьному желанію къ православной церкви: 1) жена окончившаго курсъ въ с.-петербургскомъ технологическомъ институтѣ Николая Александрова Тридрихъ, Антонина Ѳеодора Тридрихъ; 2) дворянинъ Антонъ- Александръ (двухъ-именный) Гулевичъ, состоящій на службѣ въ волынской казенной палатѣ (27-го августа 1867 года); 3) дворяне, жители с. Суемецъ, Новградъ-

Волынскаго уѣзда, Іаковъ и Іеронимъ Гзовскіе и Викентій Жолкѣвскій, до присоединенія принадлежавшіе къ новградволынскому римско-католическому приходу; 4) отставной губернскій секретарь Адамъ Машковскій (26-го ноября 1867 года); и 5) крестьянинъ витебской губерніи, старинскаго общества, Георгій Ивановъ Ланге, проживающій въ настоящее время въ с. Тулинѣ Житомірскаго уѣзда (8-го января 1868 года).

Въ *Моск. Вѣд.* пишутъ изъ Смоленска:

«Обнаружившееся въ послѣднее время въ западномъ краѣ стремленіе къ переходу въ православіе было естественнымъ послѣдствіемъ минувшаго мятежа. Римскій католицизмъ выказалъ себя въ смутное время не столько ученіемъ нравственнымъ, сколько ученіемъ политическимъ, и былъ выставляемъ во всѣхъ демонстраціяхъ какъ знамя польской національности. Не мудрено, если многіе уроженцы западнаго края, чувствующіе себя въ душѣ русскими, пожелали отрѣшиться отъ ученія, сдѣлавшагося символомъ партіи, враждебной русскому государству и русскому народу. Въ принѣманскихъ земляхъ желаніе это выразилось переходомъ въ православіе цѣлыхъ р.-католическихъ приходовъ и такихъ лицъ, стоящихъ во главѣ мѣстнаго дворянства, какъ князь Друцкой-Любецкій, Бѣлинскій и др. Войска тоже не остались чуждыми обнаружившемуся движенію. Въ послѣднее время въ частяхъ войскъ, квартирующихъ въ Смоленской губерніи, присоединились къ православію въ невскомъ полку баталіонный командиръ, капитанъ Готальскій и подпоручики Вишневскій и Жучковскій. Невскимъ полкомъ командуетъ А. К. Корево, уроженецъ Виленской губерніи, сочувственное письмо котораго къ князю А. Г. Друцкому-Любецкому получило въ свое время громкую извѣстность. Въ Капорскомъ полку присоединились къ православію баталіонный командиръ, капитанъ Добровольскій и въ нарвскомъ полку командиръ полка полковникъ Крживоблоцкій и баталіонный командиръ маіоръ Высоцкій. Особенно сильное впечатлѣніе произвело присоединеніе Якова Степановича Крживоблоцкаго. Яковъ Степановичъ прежде служилъ въ генеральномъ штабѣ. Составленное имъ статистическое описаніе Костромской губерніи

пользуется общею извѣстностью. Въ 1863 году, онъ принималъ дѣятельное участіе въ потушеніи мятежа, будучи начальникомъ штаба 2-й гренадерской дивизіи, находившейся въ наиболѣе взволнованныхъ мѣстахъ Царства Польскаго. Стремленіе къ переходу въ православіе, выразившееся такимъ рѣшительнымъ образомъ между офицерами, нашло не менѣе сильные отголоски между нижними чинами. Военное начальство не принимаетъ въ этомъ дѣлѣ ни малѣйшаго участія, предоставляя его свободѣ совѣсти каждаго отдѣльнаго лица. Можно ожидать, что нижніе чины будутъ выражать свое желаніе присоединиться къ господствующей церкви болѣе или менѣе значительными группами, такъ какъ дѣйствовать сообща одинаково въ характерѣ и нашего простолюдина, и нашего доблестнаго солдата.»

ВСТРѢЧА ВЪ Г. МИНСКѢ НОВАГО ГУБЕРНАТОРА ДѢЙСТ. СТ. СОВѢТ. КАСИНОВА.

1-го іюня, въ 9 часовъ утра, прибылъ въ Минскъ изъ Вильны вновь назначенный по именному Его Императорскаго Величеста Высочайшему указу, данному Правительствующему Сенату въ 19 день мая 1868 года, губернаторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Касиновъ.

Бывшій начальникъ губерніи, генералъ-маіоръ Шелгуновъ, назначенный могилевскимъ губернаторомъ, еще находился въ городѣ Минскѣ, желая лично сдать губернію своему преемнику и сообщить ему нѣкоторые виды относительно устройства минской губерніи, которою его превосходительство управлялъ болѣе 4-хъ лѣтъ, съ 4 мая 1864 года.

Въ тотъ же день д. ст. сов. Касиновъ, прибывъ въ губернское правленіе, вступилъ въ управленіе губерніею. На другой день, 2 іюня, въ 9 часовъ утра, собрались въ залѣ губернаторскаго дома лица, служащія въ губернскомъ правленіи, въ палатахъ, въ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи, въ думѣ и въ прочихъ мѣстахъ города Минска, а также г. губернскій предводитель дворянства, д. ст. сов. Прушинскій, наличные

служащіе и неслужащіе дворяне Минской губерніи и депутаты отъ всѣхъ сословій.

Бывшій начальникъ губерніи, генералъ-маіоръ Павелъ Никаноровичъ Шелгуновъ, привѣтствуя въ послѣдній разъ бывшихъ своихъ подчиненныхъ, внимательно и съ сочувствіемъ отнесся къ тѣмъ изъ нихъ, которые своею добросовѣстною дѣятельностію и усердіемъ къ служебному труду всегда заслуживали довѣріе его превосходительства.

Послѣ того, вновь вступившій въ должность Минскаго губернатора, д. с. с. Егоръ Александровичъ Касиновъ, обошелъ залу, и послѣ общаго представленія, обращаясь ко всѣмъ собравшимся лицамъ, сказалъ слѣдующее:

«Вамъ, господа, извѣстно, что кромѣ обязанностей, возлагаемыхъ на каждаго изъ насъ закономъ, правительство, относительно Западнаго края, имѣетъ и особыя цѣли. Облеченный высокимъ довѣріемъ Государя Императора, ближайшій исполнитель его священной воли, генералъ-адъютантъ Александръ Львовичъ Потаповъ, гласно заявилъ объ этихъ неизмѣнныхъ цѣляхъ, въ Вильнѣ, вступая въ управленіе Высочайшк ввѣреннымъ ему краемъ. Намъ остается, каждому, въ кругу своей дѣятельности, тыполняя долгъ свой, содѣйствовать всѣми силами къ плодотворному осуществленію и этихъ неизмѣнныхъ цѣлей».

Послѣ общаго представленія, ген.-м. Шелгуновъ и д. с. сов. Касиновъ отправились въ каѳедральный соборъ Петра и Павла, гдѣ служеніе происходило при участіи высокопреосвященнаго Михаила, бывшаго архіепископа Минскаго и Бобруйскаго, удаляющагося нынѣ на покой. По окончаніи литургіи, соборный священникъ Ѳеодоръ Миткевичъ произнесъ проповѣдь, предметомъ которой было призваніе къ апостольству Петра и Андрея, Іакова и Іоанна. За тѣмъ высокопреосвященный обратился къ предстоявшимъ въ храмѣ съ краткимъ, преисполненнымъ чувства, прощальнымъ словомъ. Прощаніе достойнаго пастыря съ его паствою было умилительно. Обширный соборъ былъ полонъ; въ числѣ присутствующихъ находились лица и не одного православнаго исповѣданія. Въ этотъ же день, въ каѳедральномъ костелѣ, епископъ римско-католическій служилъ молебствіе, по случаю совер-

шенія, 20 мая, св. крещенія надъ высокорожденнымъ Великимъ Княземъ Николаемъ Александровичемъ.

Послѣ литургіи господа начальники губерній возвратились въ губернаторскій домъ, куда пожелалъ прибыть и высокопреосвященный Михаилъ съ православнымъ духовенствомъ, чтобы проститься съ бывшимъ и познакомиться съ новымъ начальникомъ губерніи. Послѣ отбытія Архіепископа вмѣстѣ съ православнымъ духовенствомъ, прибылъ римско-католическій епископъ Войткевичъ и, обратясь съ краткимъ привѣтствіемъ къ г. начальнику губерніи, д. с. с. Касинову, представилъ его превосходительству прибывшее съ нимъ римско - католическое духовенство. Г. начальникъ губерніи сказалъ слѣдующее: » Благодарю васъ за привѣтствіе и позволяю себѣ отвѣтить немногими словами.

«Безпристрастная исторія скажетъ, что правительство Государей Русской земли искони отличалось терпимостію вѣроисповѣданій и нестѣсненіемъ свободы совѣсти. Въ этомъ отношеніи Россія едвали не опередила многія государства Европы, считающія вѣками развитіе своей цивилизаціи.

Къ сожалѣнію, были скорбныя эпохи, когда нѣкоторые служители алтаря употребляли во зло эту терпимость, дѣйствуя во вредъ Россіи—общему отечеству нашему.

Мнѣ остается добавить, что, по счастію, въ Минской губерніи, сколько извѣстно, эти уклоненія были болѣе рѣдки и при этомъ высказать полное убѣжденіе, что на будущее время они совершенно не возможны».

Въ этотъ же день начальникъ губерніи Е. А. Касиновъ посѣтилъ архіепископа Михаила, готовящагося оставить г. Минскъ и на пути своего слѣдованія освятить, въ Новогрудскомъ уѣздѣ, въ м. Мирѣ, Стволовичахъ и Ишкольдѣ, три православныя церкви, обращенныя изъ костеловъ, по желанію большинства прихожанъ, принявшихъ православіе.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ «ВАРШАВСКАГО ДНЕВНИКА» ИЗЪ ЗАМОСТЬЯ

Лѣтъ десять тому назадъ приводилось мнѣ наблюдать здѣшній благословенный уголокъ, когда еще польщизна господствовала надъ холмской Русью безраздѣльно и почти безконтрольно, когда въ памяти ополяченнаго и окатоличеннаго русскаго крестьянина почти изгладились преданія о его племенномъ происхожденіи, и вотъ взору моему теперь представляются иныя картины... Пробуждается національное самосознаніе: русскій человѣкъ начинаетъ гордиться своимъ именемъ, и даже ставитъ себѣ въ достоинство принадлежать къ тому обряду, посредствомъ котораго скрѣпляются его нравственныя связи съ великой русской семьей. Исторія вошла въ нормальное русло и силится изгладить слѣды своего недавняго неестественнаго уклоненія. Это не значитъ, однакоже, чтобы возрожденіе привислянской Руси совершалось на счетъ польскаго элемента; напротивъ: этотъ послѣдній пользуется здѣсь всѣми правами гражданства, и только изъ подъ его опеки высвобожденъ здѣсь элементъ русскій.

Теперь русское дѣло находится, по крайней мѣрѣ, въ такомъ положеніи, въ какомъ было лѣтъ двѣсти назадъ. Изъ старинныхъ актовъ, какимъ то чудомъ уцѣлѣвшихъ въ здѣшнемъ церковномъ архивѣ, видно, что въ 1720 году въ грекоуніятскомъ замостьскомъ приходѣ числилось до 7,000 душъ уніятскаго обряда, а къ 1867 году ихъ осталось только душъ пятьдесятъ. За то въ послѣднее время паства умножилась на столько, что въ одномъ городѣ Замостьѣ, гдѣ мѣсяцевъ десять назадъ считалось уніятовъ едва нѣсколько десятковъ, теперь ихъ насчитывается уже болѣе 500. Такое же движеніе, къ слову сказать, совершенно добровольное и вполнѣ сознательное, совершается и по деревнямъ, такъ что число прихожанъ почти ежедневно увеличивается невѣдомо откуда.

Греко-уніятская приходская церковь въ Замостьѣ, въ древности православная, перестроивается и обновляется. Въ послѣдніе годы она пришла въ такую ветхость, что безъ благодѣтельной руки правительства, не простояла бы болѣе 4—5 лѣтъ. При прежнихъ порядкахъ, она рухнула бы, чтобъ исчезнуть безъ слѣда. Такъ именно случилось въ деревнѣ Лабункахъ, здѣшняго прихода, гдѣ по письменнымъ актамъ 1720 года, существовала церковь во имя Покрова Богородицы съ 2,500 рус-

скихъ уніятовъ. Такъ какъ она, по ветхости своей, угрожала паденіемъ, то возникла переписка о ея реставраціи, лежавшей тогда на обязанности ктитора, мѣстнаго помѣщика. Эта переписка длилась съ 1842 до 1856 года, а между тѣмъ старая церковь исчезла. Разсказываютъ, что когда русскіе крестьяне, выведенные изъ терпѣнія пренебреженіемъ къ ихъ религіознымъ потребностямъ, заявили свое неудовольствіе, то мѣстный ктиторъ, онъ же и графъ-помѣщикъ, поставилъ для вразумленія сельчанъ экзекуцію, потрунивая при этомъ: „Вотъ вамъ и cerkiew, если ужъ такъ вамъ ее захотѣлось!“

Съ тѣхъ поръ о русскомъ храмѣ не смѣли и заикнуться. Онъ потерялъ легальное право на существованіе, а въ архивѣ остался слѣдующій драгоцѣнный документъ графскаго изобрѣтенія.... „poniewaź unjaci na cholerę i inne słabości powymierali, cerkiew w Łabunkach ze wszystkiem niepotrzebna.“ И вотъ безпомощные русскіе сельчане, тогда еще состоявшіе подъ вліяніемъ помѣщиковъ, одинъ за другимъ стали отрекаться отъ своего обряда и народности, и перешли въ латинство.

Въ Замостьѣ, какъ я уже сказалъ, приходская уніятско-русская церковь обновляется, и перестройка ея идетъ очень дѣятельно, благодаря заботливому правительству, ассигновавшему для этого дѣла 8,000 руб. сер., а тѣмъ временемъ богослуженіе совершается въ зданіи прогимназіи, въ часовнѣ, для украшенія которой также отпущено 100 руб. сер.

Приходская церковь до того бѣдна церковными принадлежностями, что безъ частныхъ пособій не можетъ прійдти къ подобающему благолѣпію. И начало пожертвованіямъ сдѣлано. По инициативѣ уѣзднаго начальника В. Ф. Езерскаго, между проживающими здѣсь военными и гражданскими русскими, на первый разъ собрано болѣе 200 руб. для пріобрѣтенія плащаницы и хоругвей. Не менѣе важная помощь русскому дѣлу оказана г. Сидорскимъ, который въ настоящее время занятъ устройствомъ церковныхъ книгохранилищъ въ Холмѣ, Бѣлой, Сѣдлецѣ, Грубѣшовѣ и Замостьѣ. Благодаря этому почтенному русскому дѣятелю, замостьская церковь обогащена хорошо переплетенными богослужебными книгами, а церковная здѣшняя библіотека лучшими русскими сочиненіями церковно-историческаго, богословскаго, общеобразовательнаго и литературнаго содержанія, сочиненіями, предназначенными къ раз-

дачѣ для чтенія народа. Для этой же цѣли и по стараніям того же ревнителя русскаго дѣла, прислано множество русских молитвенниковъ, крестиковъ и иконокъ, и это приношеніе тѣм драгоцѣннѣе, что предметовъ такихъ въ Замостьѣ ни за какі деньги достать невозможно.

Кромѣ городской церкви, въ здѣшнемъ околодкѣ, пятьдесятъ лѣтъ назадъ, существовало еще четыре русскихъ храма, уничтоженные прежнею польскою администраціей. Всѣ они теперь возобновляются изъ праха запустѣнія. Для полноты дѣл слѣдуетъ прибавить, что въ русскомъ замостьскомъ приход учреждены четыре первоначальныя школы, въ которыхъ дѣти воспитываются въ духѣ своей религіи и народности. При городской церквѣ сформировался хоръ порядочныхъ пѣвчихъ между которыми есть нѣсколько любителей и изъ польскаго юношества.

Правительство наше, жертвуя деньги на устройство и украшеніе церквей, на заведеніе школъ и библіотекъ, въ тоже время предоставляетъ беднѣйшимъ и способнѣйшимъ русским воспитанникамъ средства для образованія. Съ этою цѣлью ежегодно отпускается 900 р. сер. пособія нѣсколькимъ уніятско-русскимъ ученикамъ замостьскихъ училищъ, не говоря уже о тѣхъ значительныхъ стипендіяхъ, которыя отпускаются здѣшнимъ юношамъ для продолженія образованія въ университетахъ.

Вообще, правительство дѣлаетъ все, чтобы поднять угнетенную привислинскую Русь, или вѣрнѣе: предоставить ей равноправность, одинаковую съ Польшею. Съ этою цѣлью уніятско-русскія церкви изъяты изъ подъ патронатства р. католиковъ и поручены русскимъ церковнымъ старостамъ. Имъ же переданы и такъ называемыя „покладныя" суммы, составляющіяся изъ платы за похороны уніятовъ и р. католиковъ на кладбищѣ, принадлежащемъ уніятской церкви. До послѣдняго времени эти суммы находились въ непосредственномъ завѣдываніи костельныхъ старостъ, которые ни одной копѣйки изъ нихъ не удѣляли на нужды церкви, а употребляли исключительно на постройки и поддержаніе костеловъ. Теперь русское добро должно служить только нуждамъ русскихъ.

Можно вообще сказать, что русское дѣло поставлено на хорошую дорогу, а имя преосвященнаго Михаила Куземскаго,

ѣющаго быть поставленнымъ во главѣ русской уніятской ıства, послужитъ тому еще большимъ ручательствомъ.

Холмскій старожилъ.

ГДѢ ПОЛЯКИ НАИБОЛѢЕ СТРАДАЛИ?

Въ газетѣ «Слово» пишутъ: «Гдѣ поляки наиболѣе страдали? ь которой изъ трехъ державъ, раздѣлившихъ между собою ихъ ившее королевство, народность и вѣра терпѣли большее стѣсненіе,—въ высокоцивилизованной Пруссіи, въ католической по преимуществу Австріи, или въ *варварской* Россіи? Мы знаемъ, что ся масса народа, на всемъ пространствѣ, составляющемъ древюю Польшу, день и ночь благодаритъ Бога за освобожденіе отъ режнихъ ржондовъ и нерѣдко очень энергично помогаетъ опрорергать мечты о возвращеніи къ старымъ порядкамъ. Несмотря а то, что высокоцивилизованная Пруссія потихоньку онѣмечила же половину жителей Великой Польши и окончательно присоединила Силезію къ Германскому Союзу, несмотря на то, что Австрія ѣлала въ свою пользу такія же попытки, польскій народъ въ тихъ странахъ былъ, и до сихъ поръ остается, доволенъ обраомъ дѣйствій своихъ новыхъ властителей, потому что все же му нынѣ живется легче прежняго. О страданіяхъ польскаго народа въ Австріи и въ Пруссіи нѣтъ и помину. Что же касается ю Россіи, гдѣ польскій элементъ былъ покровительствуемъ болѣе, ѣмъ слѣдовало, и даже покровительствуемъ на счетъ русскаго населенія, то здѣсь поднимаютъ шумъ, жалуются на притѣсненія. А между тѣмъ, народъ польскій благословляетъ свое положеніе, что видно уже изъ того, къ какимъ крутымъ мѣрамъ принуждены были прибѣгать въ 1863 году жандармы-вѣшатели, относительно своихъ же польскихъ общинъ, за то, что тѣ не могли и не хотѣли поступать по приказаніямъ ржонда. Народъ привислянскихъ провинцій крѣпко держится правительства противъ революціи, и тѣмъ чрезвычайно огорчаетъ предводителей мятежа, которые не могли доказать передъ Европою неудовольствія польскаго народа на Россію. Нападки, которыя въ былые годы западноевропейскія газеты сыпали на всѣ три державы, теперь сосредо-

точились на одной Россіи. Мы хотимъ разобрать, по какой причинѣ эта вражда противъ Россіи усилилась. Съ разу трудно понять, чѣмъ поляки недовольны. Мы знали только то, что поляки, находящіеся подъ русскимъ владычествомъ, пользовались своимъ языкомъ, своими законами, имѣли свои школы, театры, банки и т. д., о чемъ въ Пруссіи и думать не смѣютъ; мало того, великодушная для покореннаго племени Россія не всегда оберегала отъ его преобладанія свое собственное коренное населеніе, которое здѣсь называется уніатами. Если Австрія и Пруссія старались онѣмечить своихъ поляковъ, то Россія должна была бы покрайней мѣрѣ, хотя свой собственный элементъ защищать отъ ополяченія. Но она и этого не сдѣлала и, по какому-то необъяснимому чувству, предала коренное русское населеніе во власть поляковъ. Нынѣ русское правительство поняло, что дальнѣйшее ополяченіе русскихъ было бы для него самого слишкомъ вредно и, перемѣнивъ политику, старается нынѣ, послѣ непріятныхъ опытовъ, поднять русскую страну послѣ крайняго моральнаго запустѣнія. Доказательствомъ этому служитъ корреспонденція изъ Замостья, помѣщенная въ «Варшавскомъ Дневникѣ», гдѣ говорится, что въ греко-уніатскомъ замостьскомъ приходѣ въ 172 году числилось до 7,000 душъ уніатовъ, а въ 1867 году ихъ оставалось всего человѣкъ пятьдесятъ; но, прибавляетъ корреспондентъ, въ послѣднее время паства умножилась, на столько что въ одномъ только городѣ Замостьѣ, гдѣ мѣсяцевъ десять тому назадъ уніатовъ было всего лишь нѣсколько десятковъ, теперь считаютъ ихъ уже болѣе 500 человѣкъ. Таможная приходская церковь исправляется, и перестройка ея идетъ очень успѣшно, благодаря ассигнованнымъ правительстсомъ 8,000 р. с. Сверхъ городской церкви, въ замостьскомъ околодкѣ - пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ существовали еще четыре церкви, которыя прежнею администраціею были закрыты. Всѣ онѣ теперь возстановляются. Въ замостьскомъ приходѣ устроиваются также четыре школы, гдѣ будетъ даваться воспитаніе въ духѣ русской вѣры и народности. И такъ, до 1863 года поляки могли свободно склонять людей въ свою вѣру, но и этого имъ еще было мало; ужъ подлинно, что человѣческая природа ненасытима. Но если

ни были недовольны на таковъ раздольи, то какъ же не роптать имъ теперь? церкви православныя обновляются, школы учреждаются, и невольные латинцы вновь обращаются къ православію»

НА РУБЕЖѢ.

ОЧЕРКИ НЕДАВНЯГО И СОВРЕМЕННАГО БЫТА ВОЗСОЕДИНЕННАГО ДУХОВЕНСТВА.

*(Продолженіе *).*

Очеркъ 3.

Нужно спѣшить возпроизведеніемъ прежняго типа уніатскаго пастыря. Типъ этотъ уже отъ насъ далеко. Правда онъ продолжаетъ еще прозябать до поры до времени кое гдѣ, въ нашемъ сосѣдствѣ, но тамъ, вслѣдствіе разныхъ условій, онъ, во многомъ иначе, чѣмъ у насъ, сложился и не можетъ вполнѣ и наглядно напоминать намъ собой нашей старины. Да, она уже старина, хотя казалось-бы и столь еще недавняя. Послѣднее время, въ особенности, наложило на нее какъ-бы архивную печать давно совершившейся эпохи. Безумныя здѣшнія смуты, какъ извѣстно, оказали вообще то благодѣтельное вліяніе, что ускорили, такъ сказать, естественный историческій ходъ многихъ событій, словно какъ будто по какому-то химическому закону усиленнаго броженія. Какъ бы то ни было, а если молодому поколѣнію нашего духовенства самая жизнь его отцевъ представляется уже какою-то аномаліей, то картина быта дѣдовъ рѣшительно— terra incognita. Являясь предъ нашими молодыми—собратами, въ качествѣ какого-то выходца изъ этой почти для насъ невѣдомой страны, съ краткою объ ней повѣстью, указываемъ на нашу личность съ тѣмъ единственно намѣреніемъ, чтобы намъ не поставлялось въ вину нѣкоторое простительное, неизбѣжное, можетъ быть, даже съ нашей стороны—пристрастье къ кое какимъ завѣтнымъ впечатлѣніямъ, обычаямъ и порядкамъ старины, которая вообще испоконвѣка такъ и остается вполнѣ понятнымъ до-

---

*) Смотри Вѣст. Зап. Россіи за 1867 годъ, кн. 6 и 7.

брымъ старинныхъ временъ—стариковъ. Да и было-бы болѣе, нежели жестоко, посягать на это невинное убѣжденіе людей, которые, можетъ быть, числятся уже наканунѣ принесенія предкамъ, по принятой формѣ, рапорта: «что все обстоитъ благополучно и «хотя за молодежью разумѣется и не угоняешься, но главное то: честь добраго стараго времени спасена.» — Выговаривая для себя эту снисходительную поблажку, обѣщаемъ, въ свою очередь, что въ очеркѣ быта современнаго нашего духовенства—если еще даруетъ Господь къ тому силы—постараемся отнестись не только съ полнымъ безпристрастіемъ, но и съ любовію, къ такимъ сторонамъ проводимой въ нашихъ очеркахъ параллели, о которыхъ сочли мы болѣе *деликатнымъ* не упоминать въ заготовленномъ къ предкамъ рапортѣ.

А теперь молодой мой собратъ, прикажите подавать вашу *рессорную нетычанку*,—благо хоть на старости-то сѣсть доведется—старику прокатиться такъ уютно, и поѣдемъ-те къ любому (ексъ)-уніатскому священнику нашей епархіи. Впрочемъ, свою-то епархію называемъ мы лишь потому, что она намъ ближе знакома: но зная отчасти и другія епархіи, можемъ васъ завѣрить, что житье бытье нашихъ священниковъ—старичковъ едва-ли не вездѣ,—за очень рѣдкими исключеніями,—какъ бы выкроено по одной и той же убогой мѣркѣ. Только, ради Бога, дорогой собратъ, прикажите, отвязать этотъ велегласный-то колокольчикъ. Хотя онъ, быть можетъ, и настоящій *валдайскій;* но знаете-ли, что можетъ намъ приключиться, на случай, если хозяинъ въ отлучкѣ, или если онъ гдѣ нибудь въ полѣ на работахъ вмѣстѣ съ старшими сыновьями? Женская семья и ребятишки нашу мирную любознательную экскурсію сочтутъ *ассесорскимъ* 1) наѣздомъ, и вотъ мы рискуемъ ни одной живой души не увидѣть въ глаза. Я бы, пожалуй, присовѣтовалъ вамъ еще, если не прогнѣваетесь за откровенность, не брать съ собою вашего дорожнаго верблюжьяго бурнуса и не надѣвать ни *сакъ-вояжа*, ни башлыка,—хотя на этомъ послѣднемъ, правда, и серебряные галуны—потому, изволите видѣть, что такъ можете попасть подъ

---

1) Прежнее наименованіе Становыхъ Приставовъ.

категорію еще болѣе сомнительнаго разбора нашихъ *филэллиновъ этеристовъ* 2). Это просто бичъ Божій, настоящая саранча, насланная на раззореніе убогихъ кладовыхъ нашихъ трудолюбивыхъ хозяюшекъ. Но объ этихъ господахъ моя вамъ рѣчь впереди; теперь же, когда мы вотъ уже въ дорогѣ, и когда вы на столько добры и любезны, что не только не обидѣлись старческою брюзгливостью, но даже не пренебрегли совѣтомъ (за что могу васъ только разцѣловать); то позвольте коснуться еще двухъ,— да, увы, и еще двухъ пунктовъ. Вы, повидимому, пристрастились къ куренію до того, что даже вотъ въ дорогѣ не можете обойтись безъ этой дымотворной сигарки или папироски:—тутъ, кажется, есть какая-то особенная и даже важная градація, т. е., конечно, развѣ только на счетъ ихъ несносности. Между тѣмъ вы еще такъ недавно изъ семинаріи!? Такъ какъ натурально, что въ заведеніи вы не могли пристраститься столь акуратно къ этому зелью; то выходитъ, тамъ у васъ уже было къ нему сдерживаемое предрасположеніе, которое какъ бы старается теперь наверстать потерянное время, не стѣсняясь вовсе даже условіями времени и мѣста. Извините; но тутъ почти такая же доля невоздержности и несамообладанія, какая проявляется и въ нетрезвости. Вотъ, скажете, серьезный трактатъ о мелочахъ! Въ самомъ дѣлѣ, это было бы такъ, если бы къ категоріи этихъ ничтожныхъ мелочей не принадлежали и такія, которыя опошляютъ человѣка, т. е. если и не самаго, пожалуй, человѣка, такъ по крайней мѣрѣ носимое имъ знамя,—особенно если это послѣднее

1) Въ двадцатыхъ годахъ, они водились во множествѣ въ здѣшней странѣ, постоянно занимая деньги у кого-бы ни случилось на проѣздъ въ *Морею* и день отодня откладывая свой выѣздъ до самаго *Наваринскаго погрома*, который, по ихъ словамъ, имѣлъ-бы далеко не тѣ послѣдствія, если бы гг. союзные адмиралы были похладнокровнѣе и соблаговолили дождаться сбора этеристовъ. Между тѣмъ и послѣ Наварина они продолжали пользоваться своимъ походнымъ положеніемъ, разъѣзжая по всѣмъ домамъ, гдѣ только ни дымились трубы (od komina do komina, по мѣткому здѣшнему выраженію), преакуратно посѣщали всѣ храмовые наши праздники, распѣвали отчаянные куплеты противъ турокъ, и богатырски истребляли, что ни попадалось на убогихъ столахъ гостепріимныхъ сельскихъ священниковъ.

всегда должно быть высоко поднято и развернуто. Съ званіемъ пастыря и народнаго наставника именно сопряжена обязанность такого безсмѣннаго знаменоносца. Она, мало того, что въ высшей степени почетна, но и овѣяна еще торжественнымъ характеромъ святыни. Православному пастырю никакъ не извинительно упускать при томъ изъ вида одну чрезвычайно важную особенность его исключительнаго положенія. Для поясненія нашихъ словъ довольно кажется здѣсь одного намека, что, какъ вездѣ въ нашемъ обширномъ отечествѣ, такъ и въ здѣшней его окраинѣ, сплошь-да-рядомъ попадаются люди (особенно въ последнее время они повсемѣстно здѣсь встрѣчаются въ числѣ разнаго рода работниковъ), раздѣлившіеся на безконечное почти число толковъ, болѣе или менѣе удаляющихся отъ чистоты православія, но всѣ безъ исключенія въ равной и столь же сильной мѣрѣ соблазняющіеся тѣмъ видомъ мелочи, о которой мы столько распространились. По крайней мѣрѣ, причина, вызвавшая все это разглагольствіе, на столько же достаточна, на сколько велико слово Апостола: *«не имамъ ясти мяса во вѣки, да не соблазню брата моего.»* (1 Кор. гл. 8 с. 13). За то, ужъ вполнѣ сознаемъ щепетильность и даже явную непослѣдовательность нашего послѣдняго замѣчанія. Ибо, что скажете, если мы даже осмѣлимся возстать противъ того, безъ чего мы же сами не сдѣлаемъ уже ни шагу, коль скоро приходится хотя бы маленькую бумажку разобрать. Но во первыхъ, мы нашими запасными, такъ и придуманными ради стариковъ, искуственными глазами, не пользуемся постоянно, какъ будто на показъ,—а напротивъ бережливо хранимъ наши очки, вмѣсто закладки, въ молитвословѣ; во вторыхъ, смѣю васъ увѣрить, любезный собрать, что лѣтъ тому какихъ нибудь 30 назадъ, молодыхъ близорукихъ священниковъ у насъ, такъ сказать, не полагалось; очки во время богослуженія не употреблялись даже стариками (они какъ-то знали свое дѣло наизусть), а такъ называемые pince-nez (кажется такъ)?, которые теперь вотъ уже попадаются и между нашимъ молодымъ духовенствомъ, были-бы въ оное время такимъ необъяснимымъ и до того курьезнымъ явленіемъ, что оно, пожалуй, могло бы показаться въ нашихъ селахъ предназначеннымъ для

привлеченія народнаго вниманія, съ какою то назидательною, особенною цѣлью!?

Но вотъ же и то убогое село, а среди него и тотъ убогій погостъ, къ которому заставлялъ я васъ подъѣзжать съ стольким предосторожностями. Священническій домишко, какъ видите издали, почти только что дымовой трубой отличается отъ прочихъ крестьянскихъ. Впрочемъ, эти дѣдовскіе наши домики и самое внутренное ихъ расположеніе кое-гдѣ доселѣ уцѣлѣли и не требуютъ еще подробнаго описанія. Замѣтимъ только, по поводу ихъ устойчивости (которой на первый взглядъ уже никакъ казалось-бы отъ нихъ не ожидать), что, очевидно, строились они не съ подряда и не на живую нитку. Дѣйствительно, все это были когда-то собственныя и фамильно наслѣдственныя строенія, какъ и самые приходы, переходившіе по какому-то династическому преемству. Обычай этотъ, упраздненный недавнимъ закономъ, какъ несоотвѣтствующій главной цѣли пастырскаго сана, нигдѣ не былъ такъ повсемѣстнымъ, какъ среди б. уніатскаго духовенства. Кромѣ разныхъ косвенныхъ причинъ (какъ напр. ктиторское право), положительно сказать можно, что подобное положеніе вещей поддерживалось здѣсь само собой. Въ самомъ дѣлѣ, при всеобщей бѣдности уніатскаго духовенства, можно-ли было хоть помышлять о переходѣ на другой приходъ, когда при этомъ предстояло-бы уплатить не только за всѣ строенія, но еще и за самую воздѣлку и обсѣмененіе церковной земли? И такъ вовсе не удивительно, что не въ рѣдкость здѣсь были примѣры продолжавшейся чрезъ цѣлыя столѣтія наслѣдственности приходовъ: такъ, что довольно было назвать приходъ, чтобы знать фамилію тамошняго священника, и на оборотъ. Къ представителямъ этого рода преемственности принадлежитъ и хозяинъ здѣшняго мѣста. Но прежде, чѣмъ познакомимся съ старикомъ, взглянемъ хоть мелькомъ на самый-то погостъ. Онъ, конечно, очень убогъ, даже бѣденъ; но при всемъ томъ на каждомъ шагу видно, что это не та бѣдность, которая, поникнувъ головой и скрестя руки, пассивно покоряется неодолимому гнету обстоятельствъ, — а напротивъ бѣдность трудолюбивая, опрятная и спокойная; потому что не предвидитъ и не преслѣдуетъ какихъ-бы то ни было радуж-

ныхъ надеждъ. Подобное состояніе, если и не можетъ, конечно, назваться вожделѣннымъ довольствомъ, такъ покрайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, казалось-бы, очень близко къ нему подходитъ. Въ самомъ дѣлѣ, самыми наглядными доказательствами неутомимой борьбы этой трудолюбивой бѣдности могутъ служить эти свѣжія заплаты на церковной крышѣ, эти, повидимому, тоже недавнія подпоры, которыми обнесена колокольня, наконецъ самая церковная ограда, очевидно всегда старательно охраняемая, ибо вокругъ нея успѣли уже вырости такія хорошенькія липы и рябины,—да вообще этотъ довольно исправный видъ жилаго дома и хозяйственныхъ построекъ, съ издали еще выдающимся порядочно таки обширнымъ и, конечно, давно уже разведеннымъ садикомъ. Всѣ эти строенія, разумѣется, большею частью подъ соломой (съ которою навѣрно долго еще прійдется намъ мириться по нашимъ селамъ); но если прійимемъ во вниманіе, что все тутъ зависитъ отъ заботливости и бѣдныхъ средствъ самаго священника, что не только о какомъ либо обязательномъ, но и доброхотномъ участіи мѣстныхъ прихожанъ (за шестидневной барщиной) не можетъ быть и рѣчи, то можетъ быть отнесемся съ нѣкоторымъ вниманіемъ—хотѣлось-бы сказать съ уваженіемъ—даже къ этому безхитростному плетню, которымъ столь исправно обнесена вся церковная усадьба. Только тѣмъ, кто зналъ и испыталъ, какого труда, какихъ иногда униженныхъ выпрашиваній могъ стоить бѣдному священнику едва-ли не каждый колъ этого забора, вполнѣ можетъ быть понятна вся заслуга этого скромнаго усерднаго и домостроительнаго, сѣдовласаго пастыря, который, завидѣвъ гостей, почти забылъ свои преклонныя лѣта, и смотрите, какими добрыми шагами спѣшитъ къ намъ на встрѣчу изъ своего садика.

— Добро пожаловать, добрые гости!

— Здравствуй, старый другъ. Я къ вамъ съ гостинцемъ. Сосѣдъ—отецъ, недавно кончившій семинарію.

— Очень радъ, очень вамъ благодаренъ. Хотѣлось-бы обнять, хоть пожать ваши руки, да своя-то страшно обагрена.—Сейчасъ дѣйствовалъ ножемъ какъ настоящій американскій дикарь, именно *скальпировалъ*. Кажется, такъ произносится это мудрое слово?..

— Откуда-же это у васъ такія воинственныя наклонности?

— Вотъ еще и спрашиваете. Откуда-же имъ и быть, какъ не отъ о. *Іоасафа* 1)? До тѣхъ поръ приставалъ ко мнѣ: да скальпируйте-же, да начинайте смѣло съ головы,—что вотъ наконецъ человѣкъ ожесточился и послѣдовалъ его совѣту. Впрочемъ, совѣтъ дѣльный—спасибо умному сосѣдушкѣ,—хотя въ прошломъ году, не утаю грѣха, отъ непривычки и заскальпировалъ я одинъ улейчикъ:—нижніе соты, знаете, опустились.

— Э, другъ! коли такъ, такъ подавайте-же намъ сюда и того самаго индійца, надъ которымъ вы дѣлали операцію.

---

(1) О. *Іоасафъ Калинскій*, духовникъ *каменецкаго* благочинія и Несторъ духовенства нашей епархіи, никакъ перешагнувшій уже за 60 лѣтъ пастырскаго служенія, и за всѣмъ тѣмъ все еще бодрый, благочестивѣйшій пастырь, примѣрный хозинъ и образцовый страстный пчеловодъ. Послѣдняя наклонность повидимому наслѣдственная въ этомъ почтенномъ семействѣ. Родитель о. Іоасафа принадлежалъ тоже къ замѣчательнымъ пчеловодамъ, сынъ же Иванъ, рановременно скончавшійся (кажется въ должности инспектора бѣлостокской гимназіи), своими важными наблюденіями и изобрѣтеніями по этой части сельскаго хозяйства обратилъ на себя вниманіе многихъ ученыхъ нашихъ обществъ, поспѣшившихъ почтить его избраніемъ въ свои члены и не разъ присуждавшихъ ему медали. Дѣйствительно, покойный, кромѣ пріобрѣтенныхъ по этой части опытомъ и литературной подготовкой—познаній, былъ еще съ дѣтства какъ-бы самою природой отмѣченнымъ пчеломаномъ. Онъ, будучи еще ребенкомъ, не отходилъ отъ своихъ любимыхъ насѣкомыхъ, носился съ ними почти въ карманахъ, точно также, какъ впослѣдствіи, перепрашиваясь съ одного на другое учительское мѣсто (смотря преимущественно по условіямъ мѣстности, болѣе или менѣе благопріятствующимъ пчеловодству), таскалъ онъ съ собою разнаго рода и конструкціи ульи и улейку съ отечественными и заграничными пчелами, надъ которыми и въ дорогѣ производились безконечные опыты и эксперименты. Этотъ дивный человѣкъ, забывавшійся иногда по цѣлымъ днямъ, безъ всякой пищи, все равно среди своей-ли или чужой пасѣки, въ самомъ дѣлѣ какъ будто обладалъ какою-то взаимною привязанностію и почетомъ со стороны этихъ трудолюбивыхъ крылатыхъ: они его никогда не жалили, вылетали вдругъ роемъ или спокойно на одиночную работу по его командѣ, занимали довѣрчиво новыя отводимыя имъ мѣста и таковыхъ уже не покидали,—словомъ, казалось вполнѣ довѣряли дружбѣ и подчинялись превосходству добраго человѣка.

— Непремѣнно, непремѣнно. Да ужъ и позвольте такъ таки запросто здѣсь на крыльцѣ, да на скамейкѣ. Право, не будете въ убыткѣ. Если и прилетитъ къ намъ пчелка, — ну такъ за своимъ добромъ; не тронь мы ее, такъ и она насъ не тронетъ. Не то, что тамъ въ избѣ,—эти поганыя мухи. Не приведи Господи родиться плѣшивому-то человѣку въ деревнѣ.

Мы, разумѣется, охотно приняли предложеніе. Хозяинъ оставилъ насъ на минутку: за то на выручку сейчасъ-же поспѣшила хозяйка и явился на крыльцѣ столъ. Двѣ старшія дочери мигомъ нагрузили его разнообразными лакомствами домашняго приготовленія; затѣмъ подоспѣлъ хозяинъ съ графиномъ рябиновки — по его словамъ—рѣшительно никому не опасной.

— Дошла уже и къ намъ молва,—прибавилъ онъ улыбаясь,— о самоварѣ; даже подъѣзжалъ было ко мнѣ еврей съ самой этою машиной, предлагая промѣнять ее на корову, да еще съ придачей полубочки гречихи; но пока я ему исчисляль, сколько въ придаткѣ-то заключалось горшковъ каши, подруга моя, заслышавъ о первой статьѣ предложенія, такъ испугалась, что, даже не подоивъ коровъ, приказала ихъ прогнать въ поле, меня же постаралась урезонить спокойнымъ вопросомъ: ужь не намѣренъ ли я за чай и сахаръ промѣнять и двухъ остальныхъ коровокъ, и соглашусь-ли посылать каждый разъ за водою для самовара къ рѣчкѣ, которая отъ насъ въ 7 верстахъ разстоянія? Правда, обѣ мои дочушки, вдругъ разкраснѣвшись, чуть было не заспорили съ матерью на счетъ этого 7 верстнаго разстоянія, доказывая, что не наберется - то и 6 добрыхъ верстъ (дотого уже должно быть подзадориваютъ нашу молодежь къ преніямъ эти разныя науки, коли даже не выдерживаетъ подъ часъ и такая степенная наука, какъ, географія); но я все таки остался вполнѣ убѣжденъ счетомъ моей старухи, хотя можетъ быть не много и не точнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, кого вотъ напр. и теперь пришлось - бы мнѣ командировать за водою, когда оба мои школьника вытягиваютъ за бороной, въ самомъ ударѣ, что называется.

— Помилуйте,—ужели такая это у васъ имъ вакація?

— Идутъ, батюшка, только по моимъ стопамъ, именно по вчерашнимъ. Азъ же самъ многогрѣшный, вчера собственною

дланью, разсыпалъ тѣ зернышки, которыя они теперь прикрывають и которыя, въ видѣ хлѣбца—или крупы, непремѣнно послѣдують за ними же въ училище.

— Неужели и вашъ старшій сынъ, теперешній инспекторъ гимназіи точно также праздновалъ у васъ вакаціи?

— А вы-то думали иначе? Въ страдное время нашему брату—хозяину никто не смѣй и присниться. А то какъ разъ и не въ попадъ приснившемуся найдется работа. Такъ было особенно сначала и съ моимъ инспекторомъ. Но потомъ вотъ ухитрился онъ строить матушкѣ молочный погребецъ. И строилъ его никакъ чрезъ три вакаціи; а все таки не обошлось наконецъ безъ каменьщика. Между тѣмъ вышло на повѣрку, что матушкинъ сынокъ, соорудивъ себѣ пещерку, все въ ней возился съ своими книжками да тетрадями. Мать и сестры запасали его разной провизіею, а мнѣ—то и дѣло—доносили, что мастеръ лихо работаетъ. Такъ меня, Богъ имъ прости, и обманывали. Да и теперь г. инспекторъ прописываетъ и рекомендуетъ свою манеру младшей братьи: чтобы,—дескать,—разнообразили свои хозяйскія занятія и всегда имѣли подъ рукою, для развлеченія въ часы досуга, классныя книги. Но на этотъ разъ я уже заблаговременно принялъ свои мѣры: классныя книги подъ ключъ и не выпускаю изъ подъ ареста, пока урочная работа въ полѣ не окончена. Посмѣялись-бы вы подъ часъ, услышавъ, какъ мои-то книжники жалобно меня упрашиваютъ, и какъ я имъ безжалостно отказываю.

— Славныя у васъ ребята, дорогой другъ; всѣ объ нихъ такъ и отзываются.

— Да, народъ смирный, почтительный,—роднаго обряда и родительскаго имени не стыдятся,—ну вотъ и за то спасибо.

— Ужъ будто бы?.

— Сомнѣваетесь?.. Такъ вотъ-же вамъ живой примѣръ въ моемъ смежномъ сосѣдѣ отцѣ...*скомъ*, коего оба старшіе сынка давно уже латиняне и...*ичи*.

— Что-же отецъ-то?

— Да что-же, положимъ, мы-то сдѣлали бы на его мѣстѣ? Ужь не тягаться-же съ любезнымъ чадомъ и не добиваться уже-

го чести, чтобы продолжало носить наше имя? Съ другой стороны, что же и подѣлать, когда въ нашемъ-то заколдованномъ кругу и нѣтъ другаго исходнаго пункта молодому человѣку? Еще хорошо и то, что наши отступники,—можетъ быть только для очищенія совѣсти,—всячески однакожъ, хотя и косвенными путями, стараются быть полезными своимъ. Они то помогаютъ воспитывать и пристроивать младшихъ сыновей,—то, по возможности, заботятся о замужествѣ сестеръ,—то спѣшатъ съ посильнымъ пособіемъ, заслышавъ о недугѣ старыхъ родителей или о томъ, что нужно как нибудь укрѣпить сильно покосившуюся семейную избу. На горькой нуждѣ, невольно со многимъ приходится помириться,—хотя бы даже съ родовымъ позоромъ.

— Вотъ однакожъ то безвыходное историческое положеніе, къ которому постепенно привелъ насъ наконецъ ходъ событій со времени нашего роковаго совращенія.

— Да—Боже мой!... Едва ли во многомъ, можетъ быть, отраднѣе было *историческое положеніе* и нашихъ бѣдныхъ отцевъ, когда оні столь легко поддались на это роковое совращеніе. естественно, и оставалось только приготовлять, съ самыхъ раннихъ лѣтъ, своихъ дѣтокъ ко всѣмъ родамъ такихъ занятій, которыя-бы, и при застигшемъ въ расплохъ сиротствѣ, представляли хоть то не маловажное облегченіе, что дозволяли-бы, вмѣсто милостыни, просить только какой-либо посильной работы.— Воспитываемые-же въ свѣтскихъ училищахъ, бѣдные священническіе сыновья, и безъ всякихъ внушеній со стороны родителей, сейчасъ на первомъ такъ сказать шагу смекали и оріентировались, что среди окруженныхъ всевозможнымъ достаткомъ и пользующихся даже видимымъ предпочтеніемъ со стороны начальства баричей, имъ-бѣднякамъ, заклейменнымъ при томъ недопускающимъ ни суда ни расправы прозвищемъ *поповичей*, предстоитъ одно только: прилежаніемъ, усиліемъ, мягкостію обхожденія и безукоризненнымъ поведеніемъ, заслужить неоспоримое отличіе и обезоружить какъ товарищей, такъ и самое за-частую не безпристрастное начальство. И вотъ, выходилъ непрерываемый, такъ сказать, систематическій рядъ фактовъ (который по этому поводу смѣло рекомендуемъ вниманію нашихъ педагоговъ), что

по всѣмъ почти училищамъ и классамъ перворазрядными учениками являлись бѣдные поповичи: современемъ же, покрайней мѣрѣ половину каѳедръ не только по гимназіямъ и училищамъ, но даже въ здѣшнемъ университетѣ занимали сыновья уніатскихъ священниковъ.

Правда, нѣкоторые изъ нихъ измѣнили своему обряду,—коекто видоизмѣнили даже свое имя,—хотя, можетъ быть, именно этимъ скорѣе обнаруживали, чѣмъ скрывали, свое происхожденіе. Это конечно болѣе, нежели прискорбно.

Но возвратимся здѣсь къ преднамѣренно нами прерванному разъясненію и какъ-бы оправданію этого прискорбнаго факта, съ тѣмъ однакожъ, чтобы изъ словъ, на которыхъ мы перебили нашего старика хозяина, вывести не только одно историческое заключеніе, относящееся къ безвозвратно уже прошедшему и порѣшенному порядку дѣлъ, а скорѣй такое, которое, проливая на прошлое разтворяемый временемъ кроткій свѣтъ, соотвѣтствовало бы вмѣстѣ съ тѣмъ правильной и разносторонней постановкѣ проводимой нами параллели. Потерянный гонецъ, мчавшійся съ завѣтной грамотой бѣлаго царя, по несчастію сбившійся съ дороги и застрявшій въ какомъ-то снѣжномъ сугробѣ,—какъ многіе подобные *миѳы* (по крайней мѣрѣ еще почти вчера казавшіеся намъ такими), вотъ наконецъ отъисканъ, согрѣтъ и воскрешенъ солнцемъ благодати въ настоящее дивное царствованіе. Всѣ бумаги оказались при немъ въ цѣлости и порядкѣ. Но какъ съ теченіемъ времени, разумѣется, кое-что въ нихъ потребовало новой редакціи: то онѣ и сданы для переписки, и по мѣрѣ заготовленія листъ за листомъ приводятся въ исполненіе.

Вообще, благодареніе Богу и неутомимо настоятельно-благодѣтельствующему намъ Всемилостивѣйшему Монарху, горизонтъ нашъ не по днямъ, а по часамъ проясняется.

Если сообразимъ, что едва прошла четверть вѣка съ того времени, къ которому относится наша параллель, многое представляется просто непостижимымъ. Тогда всѣ слова нашего старика-хозяина могли назваться строгой и чистой правдою. Ни откуда не являлось ни вѣрнаго выхода, ни надежнаго поощренія очутившимся внѣ пристани, на роковомъ перепутіи, уніатамъ. Напро-

тивъ, на родномъ берегу, отъ котораго они отбились, никто уже не заботился освѣщать ихъ обуреваемый путь привѣтливымъ и спасительнымъ маякомъ; между тѣмъ какъ у того берега, въ которому они окончательно не пристали, ярко горѣли сплошь да рядомъ сторожевые огни;—и одинокіе челноки, пытавшіеся отъ времени до времени поворачивать въ родную сторону, подвергались не только погонѣ насмѣшекъ и явнаго глумленія, но и всякаго рода дѣйствительнымъ опасностямъ. А теперь эту дивную перемѣну лучше всего обрисовываютъ напр. хоть-бы эти скромныя, но тѣмъ болѣе краснорѣчивыя, по своей глубокой правдѣ, слова нашего офиціальнаго органа: «Цѣлый громадный католическій приходъ съ своимъ пастыремъ обращается въ православіе,—и такъ тихо и спокойно совершается это событіе, что въ то время, когда мы пишемъ эти строки, едва-ли знаютъ о немъ за предѣлами Минской губерніи? Еще не явились повѣствователи и вѣроятно потому, что самый актъ обращенія, какъ все глубоко жизненное, совершился въ спокойствіи сознающаго себя убѣжденія» (1).

Вотъ, любезный мой собратъ, съ какой стороны слѣдуетъ намъ смотрѣть на великое дѣло возсоединенія, если хоть приблизительно желаемъ, какъ провѣрить тѣ громадныя трудности, съ которыми въ то время предстояла борьба, такъ и оцѣнить самую заслугу вполнѣ безкорыстнаго и въ самомъ близкомъ будущемъ оказавшагося столь благотворнымъ примиренія.

Пр. Пл. *Янковскій.*
(Лит. Еп. Вѣд.).

НЕДАВНО МИНУВШЕЕ ВОЛЫНИ *).

Эпизоды изъ приготовленій къ возстанію.

Пѣніе гимновъ.

Въ 1861 году, въ Волынской губерніи начинается рядъ демонстрацій посредствомъ пѣнія въ костелахъ патріотическихъ гимновъ. Какъ видно изъ дѣлъ, производившихся тогда въ поли-

---

(1) Виленскій Вѣстникъ. № III, стр. 452.
**) Смотри 1 кн. Вѣст. Зап. Россіи.

..ескихъ судахъ, поляки нашей губерніи одновременно получали ..вѣстія отъ народоваго жонда для приступленія къ той или ..угой манифестаціи. Въ одинъ и тотъ же день, напримѣръ, ..спѣваютъ въ различныхъ мѣстахъ одинъ и тотъ же гимнъ въ ..стелахъ и пѣніе это начинается, повсемѣстно, почти при одной ..той же церковной молитвѣ, при однихъ и тѣхъ же обстоятель..вахъ и даже въ одно и тоже время дня, а руководителями ..ихъ демонстрацій являются лица почти однихъ и тѣхъ же со..овій. — Разсматривая внимательно событія недавно минувшихъ ..ей, невольно приходимъ къ заключенію, что все, такъ назы..емое, польское движеніе, было не что иное, какъ искуственное и ..сьма дурно приготовленное возбужденіе народнаго фанатизма,— ..е двигалось по предначертанной програмиѣ, по предписаннымъ ..азаніямъ Чарторыйскихъ и другихъ народныхъ вожакъ-благо..телей, и безъ сомнѣнія многіе изъ ослѣпленныхъ фанатиковъ, ..дая жертвами честолюбія другихъ, не знали даже, за что и про ..то они расплачиваются.—Можетъ быть, современемъ, когда по..яки угомонятся, перестанутъ прислушиваться къ жужжанію *..ападныхъ* вѣтровъ, распростятся окончательно съ своими уто..іями и бросятъ трезвый взглядъ на свое не весьма блестящее ..рошедшее, то убѣдятся, что въ послѣднемъ возстаніи 1863 года ..ни играли весьма жалкую роль и ясно увидятъ, что они слу..или только слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ нѣкоторыхъ честолю..ивыхъ авантюристовъ, стремящихся въ своемъ безуміи къ недо..игаемымъ цѣлямъ.

Всѣ демонстраціи, служившія какъ бы прелюдіею къ откры..ому мятежу, можно раздѣлить на три разряда: на костельныя, ..личныя и домашнія. Руководители демонстрацій имѣли глав..ымъ образомъ въ виду фанатизировать толпу и показать всѣмъ ..ю очію, что нашъ край есть искони край польскій. Мы уже ..е говоримъ объ уличныхъ и домашнихъ манифестаціяхъ, но даже ..остельныя доходили до безумія.—Изъ всѣхъ костельныхъ демон..трацій опишемъ только нѣкоторыя, и изъ нихъ читатель уже ..ъ состояніи будетъ судить и о прочихъ, такъ какъ костельныя ..емонстраціи почти всѣ похожи другъ на друга.

27 августа 1861 года, въ берестечскомъ костелѣ (Дуб. уѣзда),

въ имѣніи помѣщика Витославскаго, послѣ окончанія божествен ной литургіи, бывшіе на молебенѣ жители с. Смолявы, жена по мѣщика Александра Д—кого, помѣщичья дочь дѣвица, австрій скій подданный Андреосъ фонъ Р. и дочь его Францишка съ нѣ которыми другими запѣли довольно громко гимнъ? Oycze łaskaw wróć nam Polskę naszą. Это пѣніе они продолжали съ полчаса Женщины были въ бѣлыхъ шляпкахъ съ черными каймами, мужчины въ черныхъ галстухахъ съ бѣлыми крестиками. Из нихъ Александръ Д—кій, на словесный вопросъ исправника цѣли пѣнія патріотическаго гимна, отвѣчалъ довольно самонадѣ янно, что это дѣлается, въ настоящее время вездѣ отъ Познан до Днѣпра, указавъ при томъ для примѣра на сосѣдній Влади мірскій уѣздъ.

Въ день праздника Рождества Пресвятыя Богородицы (8 сен тября), въ томъ же берестечскомъ костелѣ повторена подобная демонстрація: по окончаніи литургіи когда настоятель костел ксендзъ Г. съ главнаго алтаря началъ читать молитву за Царя, тогда стоявшія на колѣнахъ вблизи главнаго алтаря жена помѣ щика Александра Д—каго, дочь иностранца фонъ Р. и многі другія, начали пѣть патріотическій гимнъ тотъ самый, которы пѣли 27 августа, и не переставали пѣть, хотя ксендзъ продол жалъ за Царя молитву. Тѣ же руководители упомянутыхъ мани фестацій, вѣроятно для показанія Европѣ своего самоотверженія за дѣло ойчизны, водрузили въ с. Смолявы крестъ изъ необте саннаго дубоваго дерева, съ терновымъ вѣнцомъ на серединѣ.

Замѣчательно, что всѣ эти герои, такъ отважно говорившіе съ исправникомъ при частномъ допросѣ, занемогли отъ испуга когда ихъ потребовали въ полицейскій судъ для дачи показаній. Изъ дѣла видно, что всѣ герои этихъ комическихъ сценъ при слали медицинскія свидѣтельства о своей болѣзни, препятствующей имъ лично предстать предъ судомъ.

Демонстраціи костельныя совершались не только при богослу женіи, но при всѣхъ удобныхъ случаяхъ какъ то: при свадьбахъ, похоронахъ или другихъ случаяхъ, когда только бывало большое стеченіе народа. Такъ напримѣръ въ голобскомъ костелѣ распѣ вали патріотическіе гимны не только 22 сентября 1861 года во

время храмоваго праздника, но и 10 того же сентября, когда въ костелѣ происходило бракосочетаніе какого-то отставнаго поручика Іолидора Р. съ дѣвицею Леонтиною.

На призывъ къ суду голобскихъ героевъ, одинъ извѣстный Т—скій, сыновья котораго участвовали въ пѣніи гимновъ объясняетъ, что по случаю градобитія въ (дѣйствительности чего впрочемъ представляетъ свидѣтельство предводителя дворянства), онъ не можетъ явиться въ Житомиръ, да ему и женѣ незачѣмъ являться такъ какъ онъ слабостію голоса, а жена его грудною болѣзнію страдаетъ, слѣдовательно въ пѣніи гимновъ участвовать не могли. Этотъ отвѣтъ напоминаетъ намъ извѣстный анекдотъ. У какой-то подозрительной личности сдѣланъ былъ обыскъ по случаю кражи, совершенной въ какомъ то сахарномъ магазинѣ. Полиція дѣйствительно нашла явныя улики—30 головъ сахару. На запросъ судебнаго слѣдователя объ этой уликѣ, подозрительная личность для своего оправданія завопила жалобнымъ голосомъ: да помилуйте г. слѣдователь, на что мнѣ сахаръ, когда я никогда въ жизни чаю не употребляю!...

24 августа 1861 года, по подорожной варшавскаго губернатора слѣдовалъ черезъ Луцкій уѣздъ начальникъ ивангородской жандармской команды Глобъ съ арестованною по политическому дѣлу дѣвицею Пустовойтовой. Въ одно время прибыли въ Луцкъ помѣщики Владимірскаго уѣзда, с. Козлова Р—скій и С—кій. По пріѣздѣ вышеозначенныхъ лицъ на почтовую станцію, многія лица какъ изъ уѣзда, такъ и изъ городскаго населенія, узнавъ о таковомъ проѣздѣ, тотчасъ явились на станцію, и здѣсь упомянутые помѣщики Владимірскаго уѣзда, разсказывая собравшимся о всѣхъ безпорядкахъ, происходившихъ въ недавнее время въ Царствѣ Польскомъ и во Владимірскомъ уѣздѣ, начали подстрекать ихъ къ тому же, укоряя, что они до сихъ поръ рѣшительно ничего отъ себя не высказывали, и выставляя при этомъ, что владимірскій земскій исправникъ, арестовавшій трехъ лицъ, возвратившись изъ Житоміра, тотчасъ освободилъ ихъ и просилъ даже у нихъ извиненія, слѣдовательно за всевозможныя демонстраціи отвѣтственности никакой не будетъ. Возбужденные такимъ подстрекательствомъ, нѣкоторые помѣщики Луцкаго уѣзда, прі-

хавъ 27 августа въ Луцкъ, во время совершавшагося богослуженія въ каѳедральномъ костелѣ запѣли патріотическій гимнъ; тотъ же гимнъ они повторили въ каплицѣ на кладбищѣ. Пѣніе въ каѳедральномъ костелѣ началось послѣ херувимской пѣсни и молитвы господней, а когда прелатъ Р—скій началъ молитву о благоденствіи Его Императорскаго Величества и Всей Августѣйшей Фамиліи, то пѣвшіе стали возвышать до такой степени свой голосъ, что произвели въ костелѣ необыкновенный крикъ и шумъ, который рѣшительно воспрепятствовалъ прелату произнести эту молитву, и онъ былъ въ необходимости сбросить съ себя облаченіе и удалиться изъ костела. На кладбищѣ въ 5 часовъ пополудни повторилась та же демонстрація и духовенство во время молитвы принуждено было поспѣшно и въ безпорядкѣ удалиться изъ кладбища.

Тѣ же демонстраціи происходили въ Луцкѣ 3, 8 и 10 сентября. Но въ эти дни пѣніе совершалось съ большими церемоніями: пѣвчіе стояли на колѣнахъ предъ олтаремъ, освѣщеннымъ множествомъ свѣчей, а духовенство при такихъ случаяхъ прежде убѣгавшее изъ костела, оставалось теперь хладнокровными зрителями, не смотря на неприличіе всего происходящаго въ храмѣ. 17 сентября въ томъ же каѳедральномъ костелѣ вновь происходило пѣніе, но тутъ пѣвчіе уже позволяли себѣ смѣхъ и слишкомъ вольное обращеніе, нарушавшее всякое приличіе въ храмѣ Божіемъ.

Вотъ что пишетъ одно оффиціальное лицо о луцкихъ демонстраціяхъ:

«Чтобы имѣть болѣе вѣрное понятіе и убѣжденіе о справедливости донесеній, я опишу то, чему я самъ былъ свидѣтелемъ: 16 числа сентября мѣсяца, я получилъ извѣстіе, что между дворянами и помѣщиками было совѣщаніе о томъ, пѣть ли гимнъ въ воскресенье т. е. 17 числа, во время литургіи, или нѣтъ? Большая часть отозвалась, что надо воздержаться, такъ какъ въ городѣ находится жандармскій штабъ-офицеръ; нѣкоторые же непремѣнно домогались, чтобы пѣть, объясняя, что иначе выкажется ихъ малодушіе и страхъ. Въ тоже время съ другой стороны я освѣдомился, что пѣнія гимна не будетъ. Наконецъ въ

ное утро 17 числа, замѣтивъ особѣнно большое стеченіе публики, чтобы удостовѣриться нѣтъ ли какихъ нибудь замысловъ, тотчасъ же отправился въ каѳедральний соборъ. Костелъ былъ ршительно полонъ народа и богослуженіе совершалось какъ обыкновенно. Когда я сталъ на правой сторонѣ костела такъ обы имѣть въ виду главный алтарь, любопытство молящихся е оставило меня своимъ вниманіемъ и замѣтно было, чтс вѣсть моемъ приходѣ въ одно мгновеніе обѣжала весь храмъ. Въ окахъ около алтаря слѣва и справа стояла густая толпа, по торонамъ же костела расхаживали взадъ и впередъ нѣкоторыя ичности, по наружности коихъ нельзя было думать, что онѣ ришли молиться: они расхаживали безъ всякаго уваженія къ зятынѣ, живо напоминая тѣхъ господъ, которые въ театрѣ нуютъ изъ одной ложи въ другую, или отъ кресла къ креслу. огда служеніе приближалось къ тому мѣсту, когда должна натться молитва о здравіи Государя Императора, замѣтно было ебольшое движеніе, заключавшееся въ томъ, что нѣкоторыя дамы стали съ занимаемыхъ ими скамеекъ и подвинулись къ алтарю, въ ту минуту, когда ксендзъ долженъ былъ начать эту молиту, въ одно мгновеніе, около главнаго алтаря образовалась сплошая и многочисленная толпа, числомъ болѣе 150 человѣкъ, и отчасъ же костелъ огласился черезвычайно громкимъ пѣніемъ атріотическаго гимна. Видно, что все было подготовлено и олпа уже прежде спѣвалась, но нельзя не сознаться, что масса та своимъ оглушающимъ пѣніемъ очень была похожа на толпу одгулявшихъ работниковъ. Если бы дѣйствующія лица имѣли отя малѣйшее выраженіе молящихся, это было бы понятно, и ъ такомъ случаѣ еще нельзя было бы отказать въ снисхожденіи езумцамъ обращающимся съ безсмысленной мольбой къ Господу Богу; но толпа эта представляла совершенно другой, оскорбительный видъ, она уничтожала приличіе и благоговѣніе къ мѣсту, сдѣлала изъ храма сцену, оглушительно пѣла, смѣясь, улыбаясь и ежеминутно оглядываясь назадъ и по сторонамъ. Далѣе, офиціальное лицо исчисляетъ главнѣйшихъ дѣятелей этой безразсудной демонстраціи и прибавляетъ, что въ пѣніи участвовали даже и маленькія воспитанницы сестеръ милосердія. Особенною дер-

зостью отличался студентъ Г-чъ изъ Варшавы. Онъ сталъ рядомъ, плечо о плечо съ городничимъ и держа въ рукѣ лоскутокъ бумаги, громко пѣлъ гимнъ о возстановленіи Польши. Пѣніе гимна продолжалось болѣе 3/4 часа, по окончаніи чего всѣ бывшіе въ костелѣ мгновенно вышли, и тогда лишь ксендзъ сталъ читать молитву о здравіи Императора и Августѣйшей Фамиліи въ присутствіи только меня, городничаго, и исправника. При этомъ замѣчательно и то, что совершавшій богослуженіе ксендзъ, видя и, какъ полагать надо, уже зная намѣреніе толпы, въ одну минуту спрятался и рѣшительно не принялъ никакихъ мѣръ къ тому, чтобъ остановить и образумить пѣвцовъ, и какъ будто храмъ былъ его собственный домъ, который онъ по контракту или за условленную плату отдалъ толпѣ для какого нибудь увеселительнаго представленія. По выходѣ изъ костела на улицу Эмануилъ Ч—скій, Кор—цкій и нѣсколько полекъ обнимали и цѣловали студента Г-ча за его отличныя дѣйствія. Изъ всего этого можно усмотрѣть до какой смѣшной и вмѣстѣ наглой самонадѣянности дошла дерзость поляковъ!

«Вообще демонстрація эта была художнически подготовлена. Все описываемое мною, есть точный снимокъ того, что происходило 17 числа предъ моими глазами»!

На счетъ свидѣтелей луцкихъ демонстрацій, то же лицо выражается слѣдующимъ образомъ:

«Нѣкоторые спрошенные свидѣтели совершенно ничего не показали, другіе дали свѣдѣнія съ большою сдержанностью, и наконецъ очень немногіе высказались съ нѣкоторою откровенностью; хотя можно положительно заключить, что всѣ эти свидѣтели, почти отъ перваго до послѣдняго, видѣли и знали совершившіяся демонстраціи до мельчайшихъ подробностей. Одни, видимо не желали сказать что нибудь по сочувствію, другіе изъ боязни, какъ сами мнѣ сознавались, третьи, опасаясь быть потребованными къ суду въ Житомиръ (куда поѣздка непремѣнно составила бы для нихъ значительный расходъ), четвертые—по какимъ нибудь другимъ причинамъ.

(Вол. Губ. Вѣд.).

По поводу созванія вселенскаго собора въ Римѣ въ 1869 г.

Нѣсколько времени уже носились слухи, что Пій IX намѣ-ѣвается созвать „вселенскій римско-католическій соборъ.“ Го-ѣрили, что проектъ собора составлялъ предметъ продолжи-ѣльныхъ переговоровъ между Ватиканомъ и Тюльери и, меж-у прочимъ, послужилъ предлогомъ къ удержанію францув-кихъ войскъ въ Римѣ. Римско-католическій архіепископъ въ ѣнгліи, Маннингъ, въ одной изъ своихъ недавнихъ рѣчей воз-ѣстилъ, что общій соборъ, предположенный въ слѣдующемъ оду, составитъ эпоху въ исторіи, какъ реакція противъ анти-ристіанской революціи. Если подъ „антихристіанскою рево-юціею“ почтенный прелатъ разумѣетъ Италіянское королев-тво, т. е. процессъ его созданія, то всѣ рѣшительныя пред-казанія относительно будущности новаго государства, по мень-ѣей мѣрѣ, преждевременны и, во всякомъ случаѣ, его судьбы икоимъ образомъ не могутъ опредѣлиться совѣщаніями и рѣ-ѣніями собора латинскихъ епископовъ въ 1869 году. Если, ъ другой стороны, вѣрно то, что направленіе нынѣшняго вѣ-ка отличается особенною склонностью къ демократіи, то ника-кіе церковные соборы не остановятъ этого направленія, да они и не имѣютъ права вмѣшиваться въ подобнаго рода дѣла. Какъ бы то ни было, есть много причинъ папѣ поспѣшить исполне-ніемъ такъ давно задуманнаго имъ проекта собора. Самъ онъ старъ, здоровье его хилѣетъ, а, между тѣмъ, въ Римѣ суще-ствуетъ убѣжденіе, отъ котораго, вѣроятно, не свободенъ и самъ первосвященникъ, что ни одинъ папа не процарствуетъ больше 25 лѣтъ. Благочестивый, отважный и тщеславный Пій IX горячо желаетъ оставить по себѣ слѣдъ въ церковной ис-торіи, сдѣлать имя свое знаменитымъ и приснопамятнымъ для всѣхъ вѣрныхъ католиковъ и на всѣ послѣдующія времена. Возведеніе имъ испанской теоріи *„непорочнаго зачатія“* въ дог-матъ латинской церкви не утвердитъ его славы въ потомствѣ и имени въ исторіи, потому что новый догматъ не утвержденъ авторитетомъ непогрѣшимымъ, т. е. общимъ соборомъ. Ультра-монтанскія вліянія, подъ которыми папа находится уже доволь-но давно, привели его къ убѣжденію въ необходимости возвы-шенія центральной церковной власти и объявленія ея непогрѣ-

нимою въ дѣлахъ церковной дисциплины,—словомъ, къ убѣжденію въ необходимости измѣненія аристократическо-республиканскаго строя римской церкви въ административно деспотическій. Наконецъ, самъ уже по себѣ этотъ quasi „вселенскій" соборъ, даже если бы онъ и не помогъ папѣ достигнуть какихъ нибудь болѣе прямыхъ цѣлей, весьма прославилъ бы его царствованіе. По всѣмъ этимъ причинамъ и по одной, еще болѣе всѣхъ этихъ важной, причинѣ, на улицахъ Рима наклеена 18 сего іюня папская булла, которою созывается въ Римъ на 8 декабря (26 декабря) 1869 года „вселенскій латинскій соборъ." Вселенскій латинскій соборъ!.... Если когда нибудь бывало знаменитое „contradictio in adjectis," то есть совмѣщеніе несовмѣстимыхъ и одно другое уничтожающихъ понятій, то оно не превзойдетъ настоящаго. *Вселенское латинство!? Латинское вселенство!?*

Впрочемъ, въ настоящей статьѣ мы вовсе не намѣрены пускаться въ догматическія и каноническія разсужденія объ имѣющемъ быть „*вселенскомъ латинскомъ*" соборѣ. Мы постараемся указать невысказанную нами, а между тѣмъ, весьма важную причину созванія папою римско-католическихъ епископовъ, и для этого посмотримъ въ глубь латинскаго запада, чтобы узнать современное религіозное состояніе римско-католическихъ народовъ. Наши газеты, такъ охотно занимающіяся частными событіями въ западной Европѣ и съ такою подробностію разбирающія поднимаемые тамъ частные вопросы, рѣдко обращаютъ вниманіе на общіе результаты тамошняго развитія, на степени, на которыхъ въ настоящее время остановилось тамъ сознаніе человѣка въ своемъ развитіи религіозномъ, политическомъ, соціальномъ, семейномъ и т. д. Между тѣмъ, всего важнѣе даже для того, чтобы понимать происхожденіе частныхъ вопросовъ и уловить смыслъ отдѣльныхъ событій, понять общее настроеніе, общее направленіе и характеръ развитія. Въ настоящій разъ ограничимся разсмотрѣніемъ религіозныхъ знаменій нашего вѣка.

Если на западныхъ мыслителей и писателей смотрѣть, какъ на представителей вѣка, если, по ихъ направленію, судить о направленіи массъ, то текущая четверть настоящаго столѣтія никакъ не можетъ считаться неопасною для тамошняго духовенства, которое, въ одинъ прекрасный или пасмурный день,

может увидѣть себя въ самомъ безвыходномъ положеніи. Одно изъ особенно грозныхъ знаменій нашего времени въ католическихъ странахъ — это то, что здѣсь самая безрелигіозность дѣлается своего рода религіею, религіею яростно-фанатическою и столь же пропагандистскою, какъ любая изъ вѣръ, когда либо существовавшихъ. Перемѣна эта въ протестантскихъ странахъ запада не такъ замѣтна, такъ что мы знаемъ нѣсколькихъ соотечественниковъ, по самому положенію своему долженствовавшихъ внимательно и глубоко всматриваться и вдумываться въ религіозное состояніе западныхъ народовъ, которые, послѣ довольно продолжительной жизни въ западныхъ протестантскихъ странахъ, пріѣзжая въ Россію, восторженно отзывались о религіозномъ образованіи нѣмецкаго народа. На самомъ же дѣлѣ, въ протестантскихъ странахъ безрелигіозность, соблюдая внѣшнее благоприличное отношеніе къ вѣрѣ, весьма склоняется къ индиферентизму и даже къ настроенности духа низшей, чѣмъ индиферентизмъ. Здѣсь сверхъ-естественное не составляетъ предмета ни любви, ни ненависти, ни страха, ни преній; оно просто *игнорируется*. Впрочемъ, въ протестантской Германіи все еще остается много духовной энергіи; но въ нѣкоторыхъ классахъ общества, преимущественно въ высшихъ, духовная жизнь представляется пораженною параличемъ. Одинъ англичанинъ, прожившій нѣсколько мѣсяцевъ въ Гессенѣ, пишетъ, что онъ, прибывъ сюда изъ Англіи, гдѣ съ такою живостію ведутся богословскія и метафизическія разсужденія, гдѣ въ гостиныхъ толкуютъ о „первой причинѣ“ и за обѣдомъ спорятъ о „душѣ,“ былъ пораженъ апатіею образованныхъ классовъ Германіи ко всѣмъ подобнымъ вопросамъ; богословіе для нихъ, замѣчаетъ онъ, то же, что музыка для глухаго. Совсѣмъ другой характеръ носитъ безрелигіозность въ католическихъ странахъ. Здѣсь новое положеніе, принятое католицизмомъ, его яростно наступательный, обскурантный и преслѣдовательный тонъ, довели скептицизмъ до страсти, до ненависти къ католицизму и къ его іерархіи; ненависть эта своею суровостью и крайностями своихъ обнаруженій напоминаетъ эпоху первой французской революціи. Насмѣшливый скептицизмъ „утонченнаго общества“ проходитъ, и его мѣсто заступаетъ скептицизмъ съ пропагандистскимъ характеромъ, который уже не ограничивается одною насмѣшкою, а переходитъ

въ открытыя дѣйствія. Извѣстно, что Сентъ-Беву, со всѣхъ частей Франціи, посылались письма, въ которыхъ этого блестящаго оратора поздравляли за защиту имъ въ сенатѣ *святаго дѣла* матеріализма, и въ которыхъ отвергались и вѣра, и вся церковная организація. Тысячи современныхъ католиковъ обязываютъ себя клятвами никогда не принимать никакихъ церковныхъ послѣдованій ни при жизни, ни при смерти, ни послѣ смерти, жениться гражданскимъ бракомъ, умирать безъ напутствій, которыя въ католическихъ земляхъ имѣютъ и религіозное, и общественное значеніе, и быть похороненными на неосвященныхъ мѣстахъ. Читатели наши, конечно, не забыли того поразительнаго взрыва матеріализма въ Люттихѣ, куда собрались со всѣхъ концовъ міра студенты, чтобы засвидѣтельствовать свое презрѣніе и ненависть къ идеямъ, заключающимся въ словахъ „Богъ,“ „душа,“ „откровеніе,“ „церковь;“ презрѣніе и ненависть ихъ таковы, что отъ нихъ пахнетъ кровью. Въ Бельгіи, которую ультрамонтане избрали своимъ операціоннымъ базисомъ, матеріалисмъ, крайній и самый страстный, составляетъ религію всѣхъ отрекшихся отъ католицизма, и сопровождается желаніемъ не только оставить, но низвергнуть церковь, какъ зло, какъ врага (по ихъ понятіямъ) человѣческаго рода. На борьбу эту смотрятъ они, какъ на войну между цивилизаціею и папствомъ, какъ на войну между двумя непримиримыми идеями, въ которой всѣ орудія должны быть употреблены въ дѣло, и пощады никакой не должно быть. Монталамберъ,—можетъ быть, и изувѣръ, но вовсе человѣкъ не глупый,—публично объявляетъ свою увѣренность, что язычество торжествуетъ снова, что материкъ Европы находится на канунѣ взрыва невѣрія или, точнѣе, ненависти къ религіи такой, какая не обнаруживалась даже въ революцію, и которая ниспровергнетъ всѣ учрежденія, считающіяся *божественными*, послѣ чего люди начнутъ устраивать новый *свѣтскій* (человѣческій) міръ. Подобная перспектива до того устрашила многихъ умныхъ и мыслящихъ людей, что протестантскіе государственные люди, какъ, напримѣръ, Гизо, склоняются къ католицисму, какъ къ единственной видимой опорѣ противъ готовящейся бури, и, что особенно составляетъ знаменательный фактъ, горячіе католики не рѣшаются прямо осудить Ренана. Въ Англіи его считаютъ скептикомъ, во Франціи православнѣйшіе католики находятся въ раздумьѣ, ка-

сательно того, не можетъ ли его сентиментальный унитаріанисмъ (вѣра въ единаго Бога безъ троичности лицъ) послужить защитою противъ готовящихся повсюду гораздо болѣе опасныхъ нападеній. Въ Австріи мы видимъ обнаруженіе того же самаго духа: большинство рейхсрата, восторженно объявляя, что всѣ они дарвиніанцы или (странное и фальшивое пониманіе Дарвина!) матеріалисты, открыто высказали, что они намѣрены не ограничить только притязанія церкви, но заставить ее отказаться отъ всякихъ усилій и правъ, какимъ бы то ни было путемъ, вмѣшиваться въ человѣческія дѣла. Пока подобный духъ проявлялся только въ „отборномъ" кружкѣ, онъ не могъ имѣть особеннаго значенія, развѣ только для лицъ, спеціально изучающихъ видоизмѣненія, принимаемыя реакціею спиритуалисму; но онъ быстро спускается внизъ, въ массы. Волненіе между содержателями школъ въ Австріи было волненіемъ предводителей крестьянъ, и было направлено столько же противъ идей, сколько и противъ духовенства. Говорятъ, что австрійскій императоръ оправдывался предъ Ватиканомъ тѣмъ, что, въ религіозныхъ вопросахъ, онъ не есть свободный дѣятель, что всѣ его солдаты не могли бы дать силы его veto на „эти безбожные билли;" справедливо это или нѣтъ, но вѣрно то, что массы австрійскихъ подданныхъ никогда еще не находились въ такомъ возбужденно-радостномъ состояніи, какъ тогда, когда былъ поднятъ и рѣшался вопросъ объ отмѣнѣ конкордата въ Австріи. Всѣ городскія возстанія въ Бельгіи непремѣнно включаютъ въ свои программы нападеніе на католическихъ священниковъ и на монастыри; извѣстныя происшествія въ шарентскомъ департаментѣ (Charente) весьма хорошо объясняютъ степень ненависти къ духовенству. Католическіе священники здѣсь спасены были изъ рукъ ихъ пасомыхъ уланами; овцы, если бы уланы не подоспѣли на защиту, непремѣнно растерзали бы на части своихъ пастырей. Префектъ департамента объяснялъ это событіе тѣмъ, что народъ переживаетъ теперь одинъ изъ тѣхъ пароксисмовъ крайняго легковѣрія, которые, по временамъ, поражаютъ цѣлыя націи,—доказательствомъ служитъ распространившаяся въ столь многихъ странахъ манія на колдовство,—такъ что народъ легко могъ быть обманутъ слухомъ о возобновленіи десятины въ пользу духовенства. Вѣроятно, слухъ этотъ, дѣйствительно, былъ поводомъ; но во

всякомъ случаѣ, въ этихъ дикихъ взрывахъ ненависти всегда высказывается нѣкоторое скрытое чувство, нѣкоторый глубоко укоренившійся страхъ духовенства. Человѣкъ, который желаетъ убить своего пастора, потому что пасторъ можетъ обложить его податью, который, жаждая крови своего духовнаго отца, готовъ противиться войскамъ, никакъ не можетъ быть заподозриваемъ, въ какой бы то ни было, даже самой слабой, любви къ іерархіи. Во Франціи, во все время второй имперіи, ультрамонтанское иго все больше и больше давало чувствовать себя народу, и здѣсь къ настоящему времени успѣла образоваться, въ особенности въ крестьянахъ, прочная ненависть къ духовенству, какъ къ пронырливымъ представителямъ произвольной власти, или, говоря языкомъ французскихъ поселянъ, какъ къ „*чернымъ жандармамъ*."

Смотря на проявленія подобнаго антикатолическаго духа во Франціи, Бельгіи и Австріи, мы почти не удивляемся той пылкости, ярости и даже жестокости, съ какими дѣйствуетъ современное римско-католическое духовенство. Римско-католическая іерархія, какъ и христіанскіе пастыри III вѣка, чувствуетъ себя обязанною, и по своему долгу и по чувству неотразимаго страха, употребить, съ своей стороны, всѣ возможныя усилія; она ведетъ себя такъ, какъ бы ей снова предстояло бороться съ язычествомъ, которое, въ случаѣ побѣды, броситъ ее на съѣденіе львамъ. Если противники латинскихъ священнослужителей сохранятъ свой теперешній страстный характеръ, самая жизнь ихъ не будетъ внѣ опасности; но если жизнь ихъ и будетъ пощажена, то учрежденія, которыя имъ ввѣренны, и которымъ, надобно сознаться, большинство ихъ глубоко предано, все таки будутъ ниспровергнуты. Не надобно забывать, что въ глазахъ скептиковъ, такъ быстро умножающихся и усиливающихся въ католическихъ странахъ, римская церковь представляется такою корпораціею, которая должна быть или сдѣлана совершенно уединенною и изолированною, или уничтожена; никакой средней мѣры они не допускаютъ. Въ паникѣ, которая происходитъ не отъ однихъ только эгоистическихъ разсчетовъ, римско-католическій клиръ не обнаруживаетъ уже своей обычной проницательности, и допускаетъ ошибку за ошибкою, которыя еще болѣе усиливаютъ ненависть ихъ противниковъ. Римско-католическое духовенство поддержки себѣ ищетъ

въ своей центральной власти, хотя ея усиленіе и угрожаетъ лишить его совершенно внутренней свободы дѣйствій. Папа, въ виду этого,рѣшается собрать предстоятелей латинской церкви въ Римѣ, разсчитывая исторгнуть у нихъ единодушное признаніе папской непогрѣшимости, а римское духовенство усиливается привести лицъ, искренно преданныхъ католицизму, почти къ воинской дисциплинѣ. При такомъ планѣ готовящейся въ средѣ римско-католическаго міра войны, пораженіе должно сопровождаться ужасными послѣдствіями; потому-то римское духовенство и считаетъ самымъ важнымъ дѣломъ укрѣпить свою организацію, и для этого оно рѣшается оттолкнуть отъ себя самыхъ способныхъ своихъ друзей, если они выкажутъ хотя малѣйшіе признаки независимости. Объяснимъ, какова ихъ политика. Самые лучшіе друзья клерикаловъ — это тѣ немногіе высокодаровитые люди, которые усиливаются примирить Римъ съ новымъ міромъ. И вотъ такимъ-то лицамъ, стоящимъ въ срединѣ между клиромъ и матеріалистами, этимъ единственнымъ учителямъ, которые могутъ, въ случаѣ нужды, объяснить массамъ, что никакой догматъ не можетъ произвести голода, что свобода совмѣстима съ вѣрою въ таинства, что единство церкви никоимъ образомъ неспособно усилить наборовъ, ультрамонтане, въ угоду Риму, въ страхѣ за самихъ себя и за будущее человѣчество, предлагаютъ принять послѣднюю папскую буллу, полную проклятій всей современной цивилизаціи, подъ угрозою, въ случаѣ непринятія, считать ихъ врагами, не лучшими волтеріянцевъ и матеріалистовъ. Естественно, что разумные католики отказываются признать буллу, будучи неспособны отвергать очевидной истины,—именно, что цивилизація есть благо; и въ слѣдствіе этого, римско-католическая церковь, на самомъ дѣлѣ, низводитъ сама себя въ то положеніе, въ какомъ представляютъ ее ея враги,—въ положеніе корпораціи, враждебной обществу и потому долженствующей, по суду ея враговъ, быть ниспроверженною до послѣднихъ своихъ основаній. Римско-католическая церковь въ Европѣ предлагаетъ только два выбора: или низкое послушаніе, или враждебность ей, и Европа, неспособная повиноваться безъ разбору, приметъ, безъ сомнѣнія, послѣднее положеніе. Безъ всякаго злорадства, напротивъ съ болью въ сердцѣ мы снова указываемъ на предчувствіе Монталамбера: кто знаетъ, можетъ статься, онъ и правъ,

можетъ быть, ультрамонтане не только численностію (что выше всякаго сомнѣнія!), но и своимъ вліяніемъ возьмутъ верхъ на будущемъ соборѣ надъ болѣе умѣренными римскими прелатами и тогда сформируются два враждебные лагеря съ девизами побѣдить или погибнуть; такъ что западная Европа, въ послѣдней четверти этого столѣтія, быть можетъ будетъ свидѣтельницею страшнаго взрыва энтузіазма въ невѣріи или фанатической ненависти къ религіи всякаго рода, и истинной и ложной.

Описывая такими нерадостными чертами религіозное состояніе латинскаго запада, мы далеки отъ оригинальности, какъ въ подборѣ фактовъ, такъ и въ толкованіи значенія и смысла ихъ. Такъ смотрятъ на это состояніе сами западные публицисты, особенно англійскіе, которые, не будучи непосредственно замѣшаны въ готовящейся борьбѣ, тѣмъ съ большимъ удобствомъ могутъ видѣть дѣло въ его настоящемъ свѣтѣ.

(Вечер. Газ.)

ОДЕРЖАНІЕ 4-ОЙ КН. „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССІИ" ЗА 1868 ГОДЪ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ, II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ на 1868 годъ выходитъ ь января мѣсяца, книжками отъ 13—15 листовъ обыкновен-ой печати.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Вильнѣ,—въ редакціи журнала и въ книжномъ магазинѣ '. *И. Феннера*, б. Сеньковскаго. *Въ С.-Петербургѣ*,—у коммис-іонера „Вѣстника,“ книгопродавца *А. Ѳ. Базунова*, на Нев-комъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Ольхиной. *Въ Москвѣ*,—у такогожъ коммиссіонера, книгопродавца *А. И. Ѳе-*
апонтова, на Никольской улицѣ, и у книгопродавца г. *Чере-*
ина. *Въ Варшавѣ*, — у книгопродавца г. *Кожанчикова*. *Въ Ковнѣ*,—въ книжномъ магазинѣ *Косогорова* и у всѣхъ извѣст-ыхъ книгопродавцевъ Имперіи.

ЦѢНА „ВѢСТНИКА“ ЗА ГОДЪ:

(*за 12-ть книжекъ*).

Для жителей *Вильны*, безъ доставки 6 р. 50 к., съ доставкою а домъ 7 руб. 50 коп., а съ пересылкою во всѣ города Им-еріи 8 руб.

Гг. иногородные благоволятъ относиться съ своими требова-іями *исключительно* въ редакцію журнала: **„Вѣстникъ за-ападной Россіи,“** *въ Вильну*.

Посылки и письма слѣдуетъ адрессовать: редактору-издателю „Вѣстника“ Ксенофонту Антоновичу **Говорскому,** *въ Вильну*.

Для желающихъ выписать *„Вѣстникъ“* за *истекшіе* годы дѣлается уступка: за $18^{62}/_{63}$ годъ, для жителей Вильны по 5 р., для иногородныхъ по 6 руб.; за $18^{63}/_{64}$ годъ—для первыхъ по 5 руб. 50 к., для послѣднихъ по 7 руб., за $18^{64}/_{65}$, $18^{65}/_{66}$ и 1867 годы—для первыхъ по 6 руб., для послѣднихъ по 7 руб. 50 к. Для выписывающихъ „Вѣстникъ,“ за *истекшіе* годы не менѣе 10-ти экземпляровъ дѣлается 5% уступки въ цѣнѣ, не менѣе 25,—10%,—50,—15%,—100,—20%.

Содержаніе 4-ой кн. „Вѣстника западной Росс
за 1868 годъ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.